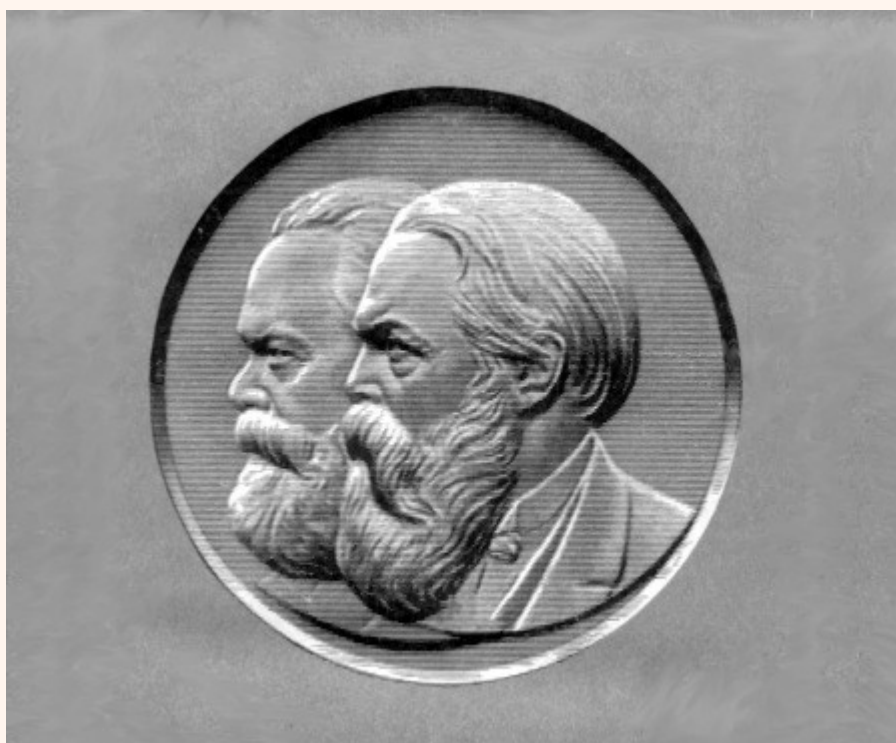

Объединение сторонников классического марксизма

Дьяченко В.И. (Верин)

Как марксизм из науки превращался в утопию

Размышления о деформации теории Маркса
и причинах краха советского проекта

Москва - 2015

Дьяченко В.И. (Верин)
**Как марксизм из науки превращался в утопию.
Размышления о деформации теории Маркса
и причинах краха советского проекта
М., 2015 - 110 с.**

В брошюре предпринята попытка по результатам сравнительного исследования работ К. Маркса и Ф. Энгельса, их отечественных и зарубежных толкователей сформировать у читателя представление о принципиальных положениях марксистского учения.

Автор показывает, как отступления от этих положений в СССР (в силу объективных и субъективных условий) превращали марксизм из науки в утопию.

Процесс деформации и на этой основе дискредитации этого учения продолжается и после гибели советской системы. По этой причине оно не может овладеть массами, и, следовательно, стать той материальной силой, которая способна изменить мир.

В работе дан анализ происхождения советской интерпретации коммунистической теории и закономерности ее банкротства с точки зрения аутентичного марксизма.

Основную свою задачу при написании брошюры автор видел в необходимости показать актуальность и значимость принципиальных положений марксистской теории для коммунистического движения.

Брошюра предназначена для теоретического вооружения коммунистически мыслящих людей и разработки на основе марксистского учения дальнейших практических действий по сокращению «мук родов» нового коммунистического общества.

Автор благодарит своих товарищей: Малинина А.Б., Шеболдаева С.Б., Покровскую В.М. и Федюнина А.Б. за оказанную помощь в редактировании и корректуре текста.

Предисловие

В XIX веке великие немецкие революционеры-мыслители Карл Маркс и Фридрих Энгельс создали теорию движения человечества к коммунизму.

К своим теоретическим выводам классики пришли не умозрительно, а в результате глубочайшего научного изучения сущностей, которые лежат в основе тех или иных явлений общественного бытия.

Используя метод материалистической диалектики, они исследовали в историческом плане происхождение и развитие человеческой общности, семьи, экономических и политических общественных отношений, религиозных, философских, и идеологических воззрений.

В результате им удалось выявить законы и закономерности развития человеческого общества, через разрешение диалектических противоречий как в сфере общественного производства жизни (бытия), так и в сфере идеологии (сознания). Они убедительно доказали, что разрешение этих противоречий обуславливает поступательное движение человечества во всемирно-историческом смысле, от менее совершенных его форм к более совершенным, от общего бытия к частному, а от частного бытия – к бытию всеобщему, т.е. коммунистическому. Тем самым ими было не только обнаружено направление, но выявлен и механизм развития человечества, от полуживотного существования к собственно человеческой истории.

В XX веке большевики предприняли попытку применить марксистское учение к отдельной, да еще и отсталой России. Ими была выстроена общественная система, названная *реальным социализмом*, во главе с СССР. 70 лет эта система развивалась во многом успешно. За счет огосударствления источников существования общества, планового ведения хозяйства и коммунистической идеологии в стране были проведены индустриализация промышленности, коллективизация сельскохозяйственного производства и культурная революция. Страна быстрыми темпами догоняла развитые государства, но затем потерпела крах и встала на рельсы классического капитализма.

После крушения советской системы многие ученые умы и даже деятели коммунистического и рабочего движения относятся к учению Маркса с большим пренебрежением. Постоянно приходится слышать, что марксизм не выдержал проверки временем, устарел, что требуется развитие всех его частей, так как это учение разрабатывали более 150 лет тому назад, и, наконец, что марксизм – это утопия, т.е. несбыточная мечта.

Не удивительно, когда об этом трубят буржуазная пропаганда. Но странно слышать подобное от ученых левой ориентации и коммунистических лидеров, называющих себя марксистами. Видимо, за этим скрывается неосознание того, что крах советского проекта стал поражением не марксистской теории, а ее упрощенной интерпретации, обусловленной вполне объяснимым желанием большевиков во главе с В.И. Лениным максимально «сократить муки родов» коммунизма в одной и отсталой стране в условиях несостоявшейся мировой революции.

После смерти Ленина отступления от принципиальных положений марксистской теории усилились с целью приспособления ее к неподходящим

условиям советской действительности. В массовое сознание были постепенно внедрены взгляды И.В. Сталина – упрощенная интерпретация марксизма под названием «марксизм-ленинизм».

Последний был представлен как творческое развитие марксистского учения, но на самом деле является его ревизией. Он был внедрен в массовое сознание и до сих пор широко распространен в коммунистическом движении.

Для его сторонников характерна, во-первых, ограниченность мышления национальными рамками, поскольку они считают возможным организацию социальной коммунистической революции и переход к новой коммунистической формации в отдельно взятой стране или регионе. Социализм часто представляется ими как самостоятельная экономическая общественная формация с огосударствленными средствами производства, развитым общественным разделением труда, товарно-денежным обменом и советской государственностью - по существу буржуазного типа. При этом они, вступая в противоречие с самими собой, продолжают объявлять социализм первой фазой коммунизма.

Вторым отличием сталинской модели от аутентичного, классического марксизма является допущение возможности непосредственно коммунистического развития не только в отдельной, но еще и отсталой стране, без коммунистических революций в развитых странах капитала, без образования мировой коммунистической матрицы из этих стран. Кроме того, эта конструкция предусматривает дополнительный, по сравнению с марксистской теорией, переходный этап, названный строительством основ для социализма.

Сталинская модель допускает также существование полного коммунизма в капиталистическом окружении.

Третье отличие выражается в том, что «марксисты-ленинцы» не считают необходимым для перехода к новой формации достижения мировыми производительными силами определенного уровня, открывающего простор для их дальнейшего поступательного движения и исключающего распространение бедности

Четвертым отличием является отрицание ими необходимости для перехода в новую формацию исчерпания предыдущей формацией возможности для ее расширения.

Пятое отличие заключается в допущении на первой фазе коммунизма (при социализме) развития условий для отношений частного присвоения. А такими условиями являются подчинение человека законам общественного разделения труда, товарного производства и обмена.

Шестым отличием является идеалистическое преувеличение роли надстройки в диалектической связи с базисом. Допущение возможности «перепрыгивания» к первой фазе коммунизма в отдельных странах через необходимые исторические этапы за счет «передовой» политической надстройки.

Седьмым отступлением от фундаментальных положений марксистской теории является отрицание пролетарской государственности коммунального типа.

Восьмое отличие заключается в тенденции укрепления государственности в переходный к полному коммунизму период, вместо создания условий для ее отмирания. Преувеличение роли централизации и государственного насилия в ходе коммунистических преобразований вместо развития различных форм самоуправления. Допущение существования государственности даже при полном коммунизме.

Тем самым ревизии были подвергнуты почти все принципиальные положения марксистской теории, что, по сути, представляет собой теоретическое, концептуальное отрицание коммунистической перспективы и коммунистической практики.

Маркс утверждал, что теория становится материальной силой, способной изменить мир, когда она овладевает массами. **«Теория способна овладеть массами, когда она доказывает высоту принципов, а доказывает она высоту принципов, когда становится радикальной»** (К. Маркс и Ф. Энгельс, соч., т.1, с. 422). Но созданная Марксом и Энгельсом научная теория не стала материальной силой, так как не овладела и не могла овладеть массами. Ее научное содержание не освоили не только пролетарские массы, но и массы «коммунистических» партийцев во главе с подавляющим большинством своих лидеров. Этому препятствовали и продолжают препятствовать не только мелкобуржуазные, частнособственнические взгляды подавляющего большинства коммунистов и буржуазная пропаганда, но – главное! – внедрение в массовое сознание искаженного марксизма. Этот «творческий марксизм», замешанный на примитивном представлении о коммунизме, навязывался в советских образовательных учреждениях. Он уводил от понимания сущности коммунистических преобразований и путей достижения социального равенства-основы социальной справедливости. Стремление трудящихся к социальному равенству отвергалось партийной и государственной элитой и углублявшимся общественным разделением труда. По этим причинам сталинский «марксизм-ленинизм» нередко вызывал насмешку у простых людей и, как правило, отторгался массами.

Поэтому, несмотря на огромные усилия и потери советского общества, сопряженные с реализацией сталинской модели, роды новой экономической общественной формации не состоялись. КПСС и советская конструкция «развитого социализма» потерпели крах. СССР и так называемый социалистический лагерь не вышли за рамки капитализма и подверглись разрушению. В результате все бывшие европейские социалистические страны встали на рельсы классического капитализма с господством частной собственности и либерально-рыночной модели экономики. Ориентированная на социализм надстройка была отброшена развившимися отношениями своеобразного госкапиталистического базиса. Она была переориентирована на принципы буржуазной демократии. Большинство бывших первых лиц стран так называемого «социалистического» лагеря были преданы суду за превышение власти и злоупотребления.

Таким образом, человечество не смогло выйти за рамки капиталистической матрицы. Плод новой формации еще продолжает находиться в лоне отживающего капитализма, мучаясь в затянувшихся предродовых схватках.

Однако «марксисты-ленинцы», анализируя причины краха советского социализма с точки зрения сталинской интерпретации коммунистического учения, до сих пор настаивают на том, что в СССР сформировался реальный социализм, который неожиданно рухнул. История общественного развития совершила, по их мнению, попятное движение от коммунизма к капитализму.

Они считают, что трагедия произошла лишь в результате происков американского империализма и предательства партийно-государственной бюрократии. Они не утруждают себя поиском ответа на вопрос, почему это стало возможным.

С точки же зрения аутентичного марксизма из-за слабых стартовых позиций

(отсталость в основном крестьянской страны) в СССР развивались элементы своеобразного государственного капитализма (госсобственность непролетарского государства, товарное производство и госторговля) в форме государственного социализма, выдаваемого партийной пропагандой за первую фазу коммунизма. Советское общество, к сожалению, не смогло «перепрыгнуть» через этап развитого капитализма без мировой коммунистической революции. Под воздействием разраставшейся внутренней мелкобуржуазной стихии, стремящейся к отношениям частной собственности, под давлением мирового империализма и мирового рынка, благодаря предательству мелкобуржуазной партийной и государственной верхушки Советский Союз рухнул. Элементы государственного капитализма, названные «развитым социализмом», взяли верх. Переход произошел не к коммунизму, а к либерально-рыночной модели капитализма со значительной долей участия государственных структур.

Но тем самым и мировая капиталистическая система потеряла возможность для своего дальнейшего расширения, охватив все континенты планеты. Сформировалась, как представляется, главная объективная предпосылка для мировой коммунистической революции и непосредственно коммунистического развития.

Следовательно, свою нежизненность доказала не марксистская теория, а ее упрощенная интерпретация, ее так называемый, творческий вариант.

Эта интерпретация укоренилась в головах большинства левых и продолжает кочевать из программы в программу почти всех нынешних российских коммунистических партий.

Подобные партии, хотя и содержат в своем названии слово «коммунистическая», но, по сути, являются партиями национал-социалистическими, утопическими, мелкобуржуазными. Отрывая социализм от коммунизма, они, по существу, отрицают и коммунистическую теорию с ее материалистической диалектикой и коммунистическую практику.

Одни из этих партий пропагандируют сталинский «марксизм-ленинизм» с революционно-коммунистической риторикой. Их отличает авантюризм, отсутствие научно-выверенной стратегии и тактики из-за непонимания экономической и политической сути коммунистических преобразований. Далее призывов к возврату советской модели «социализма» с некоторой модернизацией они не идут.

Другие делают то же, но без революционно-коммунистических призывов. Их идеал – сильное государство с национализированными ведущими отраслями, с ленинской НЭП в современных условиях, с индустриализацией промышленности, коллективным сельским хозяйством, союзом со средней и мелкой буржуазией. Для них характерно соглашательство с существующим режимом, державная риторика, заигрывание с религией, топтание на месте, следование в хвосте реакционных течений, барахтанье в парламентском болоте.

Необходимо отметить, что после краха КПСС и СССР в левой среде нашел распространение и другой «социалистический» проект с так называемой *общественно-персонифицированной собственностью*. Его сторонники под маркой «новых коммунистов-марксистов», в отличие от первых двух моделей, справедливо отрицают сталинский «марксизм-ленинизм» и советскую бюрократию. Однако социалистического общества и уничтожения эксплуатации рабочего класса они хотят достигнуть путем передачи непосредственным производителям в персональную неотчуждаемую собственность стоимости источников существования всего общества, разделив ее на доли. Согласно их

концепции каждый дольщик может распоряжаться своей «неотчуждаемой» долей в условиях общественного разделения труда и товарного обмена. Они думают, что частная собственность в результате станет всеобщей. Они не понимают, что именно распоряжение имуществом дает возможность его отчуждения и частного присвоения с излишком. А разделение труда и товарный обмен, будучи формами частной собственности, как раз и являются условиями такого отчуждения за счет накопления излишков, дающих возможность одним эксплуатировать других. Следовательно, освободиться от эксплуатации таким путем никак не получится.

Находясь в плену идеалистических концепций, изобретатель проекта, названного марксистским, видимо, упустил самую суть экономической теории Маркса. А она состоит в том, что без достаточного уровня развития производительных сил, без преодоления подчинения человека разделению труда, законам товарного производства и обмена невозможно достичь освобождения труда от эксплуатации. Удивительно, что отвергнутые в свое время классиками вульгарные представления о коммунизме как о местном явлении, как о стремлении к всеобщей частной собственности с наивной мечтой о полном присвоении работником произведенной прибавочной стоимости, ныне выдаются за марксизм.

Поэтому попытаемся проследить как отрицание фундаментальных положений марксистской коммунистической теории превращало и продолжает превращать марксизм из науки в утопию, которая мешает ему овладеть массами и стать материальной силой, способной изменить мир.

Материалистическое понимание истории и упрощенная интерпретация марксистского формационного подхода

Свое видение механизма и направленности исторического развития Маркс и Энгельс впервые изложили во втором их совместном труде под названием «Немецкая идеология», который издатель не решился опубликовать. В разделе: «Выводы материалистического понимания истории: преемственность исторического процесса, превращение истории во всемирную историю, необходимость коммунистической революции» классики отметили: **«История есть не что иное, как последовательная смена отдельных поколений, каждое из которых использует материалы, капиталы, производительные силы, переданные ему всеми предшествующими поколениями; в силу этого данное поколение, с одной стороны, продолжает унаследованную деятельность при совершенно изменившихся условиях, а с другой – видоизменяет старые условия посредством совершенно измененной деятельности».**

Такое понимание истории классики назвали материалистическим.

Материалистический подход к исследованию человеческой истории стал величайшим открытием Маркса. В «Анти-Дюринге» Энгельс раскрывает его суть. **«Материалистическое понимание истории исходит из того положения, что производство, а вслед за производством и обмен его продуктов, составляет основу всякого общественного строя; что в каждом выступающем в истории обществе *распределение* продуктов, а вместе с ним и разделение общества на классы или сословия, определяется тем, что и как производится, и как эти продукты производства обмениваются. Следовательно, конечных причин всех общественных изменений и политических переворотов надо искать не в головах людей, не в возрастающем понимании ими вечной истины и справедливости, а в изменениях способа производства и обмена; их надо искать не в философии,**

а в экономике соответствующей эпохи” (Анти-Дюринг. М., Изд. полит. лит., 1977, с. 271).

При этом общество Маркс представил в виде исторически изменяющейся совокупности различных форм деятельности людей по производству своей жизни.

Сформулированное классиками материалистическое понимание истории, раскрывающее экономические законы и закономерности общественного развития на основе диалектической логики, включает в себя следующие положения:

Первое положение утверждает, что необходимым условием существования людей является общественное материальное производство, в основе которого лежит человеческий труд. Материальное производство является основой всей человеческой деятельности по производству своей жизни.

Вторым положением является то, что производство всегда носит общественный характер и всегда происходит в определенной общественной форме. Общественной формой, в которой идет процесс производства, является система производственных экономических отношений.

Третье положение: каждому историческому периоду соответствует определенный способ производства материальных благ как диалектическое единство производительных сил и производственных отношений.

При этом в содержание понятия «производительные силы» классики включают средства производства (орудия производства, технологии) и человека как основную производительную силу.

Производственные отношения, по их мнению, складываются из собственно процесса производства, обмена, распределения, присвоения и потребления произведенных продуктов.

Четвертое положение: существовало и существует не один, а несколько исторических типов или способов производства: первобытнообщинный, азиатский, античный, феодальный, капиталистический.

Пятое положение: вся история развития человечества представляет собой последовательную смену одних способов производства другими, более совершенными.

Способ производства определяет сущность той или иной одноименной исторической эпохи (экономической общественной формации). Первобытнообщинную формацию с общинным способом производства (через переходную азиатскую) сменила формация античная (рабовладельческая). В свою очередь античную формацию с рабовладельческим способом производства сменила формация феодальная с крепостническим способом производства, а ей на смену пришла формация буржуазная с капиталистическим способом производства.

Шестое положение: механизмом смены одних способов производства другими, а, следовательно, формаций, является разрешение диалектического противоречия между производительными силами и производственными отношениями; последние, развиваясь внутри отношений собственности, постоянно отстают от производительных сил.

Седьмое положение: двигателем опережающего развития производительных сил является разрешение диалектического противоречия между постоянно растущими потребностями общества и каждого индивида и возможностями их удовлетворения.

Восьмое положение: развитие общества происходит эволюционно-революционным путем. Экономические кризисы, возникающие в результате конфликта между производительными силами и производственными отношениями, в классовых обществах революционизируют сознание эксплуатируемых классов, приводят к обострению классовой борьбы и политическим революциям. В таких обществах социальные эволюции, как правило, заканчиваются политическими революциями.

Девятое положение: новые производственные общественные отношения зарождаются внутри старой формации. Новая экономическая общественная формация, с новым способом производства, не может утвердиться, пока старая формация не исчерпает своего потенциала для развития производительных сил и для своего расширения. Общество **«не может ни перескочить через естественные фазы развития, ни отменить последние декретами. Но оно может сократить и смягчить муки родов».**

Десятое положение: способ производства материальной жизни обуславливает политическую, юридическую и культурно-нравственную надстройку, выражаясь словами Маркса - **«социальный, политический и духовный процесс жизни вообще».** Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. А это значит, что материальное производство первично по отношению к производству не материальному, что материальное первично по отношению к идеальному.

Таким образом, марксизмом был подведен прочный диалектико-материалистический фундамент под экономическое обоснование объективности общественного развития путем эволюционно-революционной смены способов производства, перехода менее совершенных способов производства к более совершенным. Стало ясно, что не только капиталистические, но и все вообще экономические отношения являются первичными по отношению к сознанию и воле каждого нового поколения людей. Они существовали независимо от их сознания и воли. Они создавались сознанием и волей предыдущих поколений, которые всегда формировались под воздействием окружающей их объективной действительности, т.е. бытия. Таким образом, бытие всегда было первичным по отношению к сознанию, мышлению и воле людей. Будучи первичными, экономические отношения определяют интересы, как групп людей, так и отдельных индивидуумов, определяют их сознание и волю, а тем самым и их действия. Они являются не чем иным, как объективным источником общественных идей и общественных действий.

Вместе с тем, поскольку основной производительной силой в экономических отношениях является труд человека с его сознанием и волей, постольку его сознание и воля оказывают огромное влияние на экономические отношения, так как являются неотъемлемой частью производительных сил. Они могут ускорять или замедлять их развитие. Такова диалектическая связь, взаимопроникновение и отталкивание объективного и субъективного, материального и идеального в производственных общественных отношениях.

В процессе развития, пока производственные отношения соответствуют уровню развития производительных сил, конфликта не происходит. Конфликт возникает тогда, когда производительные силы начинают значительно опережать в своем развитии производственные отношения, когда последние становятся преградой их развития. Конфликт между производительными силами и производственными отношениями приводит к экономическим кризисам, которые революционизируют сознание масс. Наступает эпоха революций.

Исторические исследования показали, что борьба угнетенных со своими

угнетателями, которая имела место во всех обществах, разделенных на антагонистические классы, может привести либо к революционному переустройству общества, либо к общей гибели классов. **«История всех до сих пор существовавших обществ,— отмечают Маркс и Энгельс в «Манифесте коммунистической партии»,— была историей борьбы классов. Свободный и раб, патриций и плебей, помещик и крепостной, мастер и подмастерье, короче угнетающий и угнетенный находились в вечном антагонизме друг к другу, вели непрерывную, то скрытую, то явную борьбу, всегда кончавшуюся революционным переустройством всего общественного здания или общей гибелью борющихся классов».**

Применяя свою теорию к капиталистическому обществу, Маркс и Энгельс установили, что противоречия между общественным характером производительных сил, который они приобрели при капитализме, и частным характером присвоения, который в результате исторического развития достиг своего апогея именно при капитализме, стали постоянно обостряться. Эти противоречия стали тормозом развития производительных сил. Если в Западной Европе и США с 17-го по 19-й век частнокапиталистические производственные отношения с невиданной мощью развивали производительные силы, то в 19 веке они стали сдерживать их рост. После 1825 г. капиталистические страны каждые 10 лет стали сотрясать экономические кризисы перепроизводства из-за частного характера присвоения и рыночной анархии, что систематически приводило к банкротствам предприятий, к безработице и обнищанию масс. Кризисы усиливали борьбу пролетариата с буржуазией.

По мнению классиков, капиталистическое противоречие производительных сил и производственных отношений должно найти свое разрешение через классовую борьбу и мировую революцию в переходе к новому состоянию производственных общественных отношений, в становлении коммунистической формации с новым коммунистическим способом производства.

Революция должна взорвать частнособственническую капиталистическую оболочку, сдерживающую развитие производительных сил, новых ресурсосберегающих технологий, сохраняющих природу, путем постепенного уничтожения отношений частного присвоения с избытком, которое, во-первых, дает возможность эксплуатировать чужой труд, во-вторых, является причиной возникновения неестественных, нечеловеческих, надуманных вождедений.

Революционное насильственное вмешательство в отношения собственности должно установить общественный характер производства, распределения, присвоения и потребления путем, прежде всего, передачи источников существования всех из собственности частных лиц во владение всему обществу. Согласно классикам производственные отношения приобретут общественный характер в результате преодоления подчинения человека законам товарного производства и обмена, а также планомерного производства, планомерного и равномерного распределения, ориентированных на удовлетворение постоянно возрастающих человеческих потребностей всех. Тогда общественному характеру производительных сил будет соответствовать общественный характер присвоения. Новые производственные отношения будут развиваться внутри отношений не частной, а общей, коммуной, собственности, основанной на общественном, свободном и творческом труде. Новые производственные общественные отношения откроют путь к такому развитию производительных сил, которые будут ограничены только природными возможностями. По мнению классиков, это и будет скачком человечества из царства необходимости в царство свободы. (Энгельс Ф. Анти-Дюринг». М. 1977. С. 284-287).

Итак, под коммунистическим способом производства в марксизме понимается планомерное нетоварное коммунное (общинное) производство на базе общего владения источниками существования всех и использования новейших ресурсосберегающих технологий, без подчинения человека общественному разделению труда. Коммунистический способ производства предполагает также планомерное и равномерное распределение и прямое (нетоварное) общественное присвоение продуктов в качестве средств для поддержания и расширения производства, прямое (нетоварное) индивидуальное присвоение продуктов индивидуального потребления без избытка, дающего возможность эксплуатировать чужой труд, в качестве средств к жизни и наслаждению.

Маркс и Энгельс считали, что переход к новым общественным отношениям не может произойти без мировой коммунистической революции, без насильственного преодоления сопротивления эксплуататорских классов. Вначале революция будет носить политический характер завоевания власти пролетариатом. По мнению Маркса, революция **«необходима не только потому, что никаким иным способом невозможно свергнуть господствующий класс, но и потому, что свергающий класс только в революции может сбросить с себя всю старую мерзость и стать способным создать новую основу общества»**.

Маркс исходил из того, что революции представляют собой **«локомотивы истории»**, ускоряющие процесс общественного развития. Он полагал, что из всех революций коммунистическая революция является наиболее полной, так как она предшествует возникновению такого общества, где **«социальные эволюции перестанут быть политическими революциями»**.

Следует подчеркнуть, что в марксизме речь идет о коммунистической революции, которая путем насильственного вмешательства в отношения собственности постепенно уничтожит частный характер присвоения и тем самым совершит революционные изменения в общественных отношениях. В «Принципах коммунизма» Энгельс разъяснял: **«Коммунисты были бы последними, кто стал бы возражать против уничтожения частной собственности мирным путем. На путь революционной вооруженной борьбы пролетариат становится вследствие того, что его развитие насильственно подавляется буржуазией и буржуазной властью»**. **«Коммунисты очень хорошо знают, что всякие заговоры не только бесполезны, но даже вредны. Они очень хорошо знают, что революции нельзя делать предумышленно и по произволу и что революции всегда и везде являлись необходимым следствием обстоятельств, которые совершенно не зависели от воли и руководства отдельных партий и целых классов. Но, вместе с тем, они видят, что развитие пролетариата почти во всех цивилизованных странах насильственно подавляется и, что тем самым противники коммунистов из всех сил работают на революцию»**.

В этой связи нельзя признать марксистским заявление Сталина в 1927 году о том, что большевики в октябре 1917 г. организовали и совершили Великую октябрьскую социалистическую революцию.

В отличие от Сталина, Ленин в конце жизни утверждал, что октябрьское вооруженное восстание было завершением лишь буржуазной февральской революции 1917 г., которая произошла в силу объективных обстоятельств, а не по воле партий и классов, что социалистическая, т.е. социальная революция впереди.

Но, к сожалению, Ленин ошибся в части завершения буржуазной революции вообще. Как теперь уже ясно, она завершилась только в октябре 1993 г. и Россия уже более 20 лет следует по буржуазному пути классического капитализма со всеми свойственными ему фазами развития рыночной конкуренции и борьбы за выживание, пропагандой буржуазной демократии, либерализма, религиозных суеверий и русского великодержавного шовинизма.

Теперь о проблемах непосредственно марксистского формационного подхода. Ныне буржуазная апологетика пытается доказать, что марксистский формационный подход ошибочен, так как он не соответствует историческим фактам. При этом противники такого подхода обычно ссылаются на советский вариант марксистской исторической периодизации. Однако в советской исторической науке под влиянием официальной доктрины упрощенного марксизма был принят вариант исторической периодизации, состоявшей из пяти эпох, что привело к нестыковкам в рамках марксистской формационной теории, к искажению некоторых положений исторического материализма.

Согласно советской исторической периодизации все страны должны однолинейно пройти через 4 общественно-экономические формации: первобытнообщинную, рабовладельческую, феодальную и капиталистическую. После чего должен произойти революционный переход к формации пятой-коммунистической. (Сталин И.В. «Вопросы ленинизма». Госполитиздат, 1947. Он же «О диалектическом и историческом материализме». Госполитиздат. 1949., с. 25).

Но из такой схемы выпадал азиатский способ производства, своеобразие которого не подпадало под признаки ни одной из перечисленных формаций.

Кроме того, согласно упрощенному пониманию марксизма, классовая борьба непременно должна приводить к революции и смене экономической общественной формации. Но и это противоречит историческим фактам. Переход к рабовладельческому способу производства осуществлялся эволюционным путем, без классовой борьбы, так как социальные классы еще только формировались.

Некоторые нынешние теоретики левого толка утверждают, что переход от первобытнообщинного архаического коммунизма к рабовладению, более справедливых общественных отношений к менее справедливым якобы опровергает марксистскую формационную теорию, которая не предусматривает обратного движения. Но марксизм переход от первобытного коммунизма к рабовладению не считает движением попятным, так как этот переход способствовал развитию производительных сил. Он произошел потому, что примитивные экономические отношения первобытнообщинного способа производства стали тормозить развитие производительных сил в силу отсутствия условий для их совершенствования. Античная (рабовладельческая) частная собственность (через переходную азиатскую) разрешила это противоречие путем развития общественного разделения труда, товарного обмена, концентрации богатств в частных руках и развития культуры. Тогда это способствовало росту производительных сил и производительности труда.

Не вписывается в упрощенную «марксистско-ленинскую» концепцию и механизм перехода от рабовладения к феодализму. Этот переход произошел не в результате классовой борьбы рабов против рабовладельцев, а в результате покорения Западной части Римской империи варварскими племенами готов. Все эти нестыковки известных исторических фактов с «марксистско-ленинской» пятичленной периодизацией человеческой истории дали повод противникам марксизма отвергать основные положения исторического материализма и

марксистский формационный подход.

Однако эти нестыковки во многом снимаются с учетом того, что марксистская наука является теорией исторического развития не отдельного народа или страны, а всего человечества, что это развитие не является однолинейным. В этой связи сошлемся на выводы, к которым пришли исследователи из Южного Бюро Марксистской рабочей партии в результате тщательного исследования текстов классиков. Они отмечают, что по существу, Маркс рассматривал в истории не пять экономических общественных формаций, а выделял диалектическую триаду, т.е. первичную, вторичную и третичную большие экономические формации.

1. Первичная общественная формация (архаический коммунизм) была основана на общей собственности. Этот способ производства не исчез у всех народов сразу. Более того, когда у некоторых народов уже вполне развились рабовладельческий и даже крепостнический способы производства (в рамках вторичной формации), то у других народов, оставшихся в рамках первичной формации, продолжалась своя линия развития. Поскольку центральным институтом первичной формации является сельская община, то, понятно, речь идёт о её эволюции. Сюда можно отнести и историю развития России с её общинным сельским хозяйством.

2. Вторичная общественная формация была уже основана на частной собственности. Эту формацию Маркс ещё называл «экономической». В рамках этой формации Маркс выделяет этапы: античный (рабовладельческий), и феодальный (крепостнический) способы производства. Наконец, высшим её развитием является капиталистический способ производства, который сам уже «есть результат целого ряда предшествующих этапов развития». Вторичная формация характеризуется развитием товарного производства и его господством при капитализме.

3. Третичная формация. Она представляет собой диалектический переход от частного к всеобщему, к обобществившемуся, т.е. очеловечившемуся человечеству, к высшему состоянию коллективизма, к коммунизму.

Способ производства на более высокой фазе развития этой формации исключает частный характер присвоения с излишком, дающего возможность господствовать и эксплуатировать чужой труд, исключает подчинение человека действию законов общественного разделения труда, товарного производства и обмена.

Научный диалектико-материалистический подход Маркса к периодизации истории характерен ещё и тем, что он:

1) признавал правомочность выделения в рамках первичной и вторичной формаций других периодов (разных способов производства, цивилизаций, а также преходящих укладов, хотя и на общеформационной базе);

2) указывал на взаимодействие и взаимопроникновение этих способов производства и укладов, тем более что на земном шаре сосуществовали в его время не только разные ступени развития вторичной формации, но даже и первичной;

3) подчёркивал, что высокие технологии развились только у тех народов, которые вполне прошли вторичную формацию.

В своём известном Письме в редакцию Отечественных Записок (1877 г.) Маркс, возражая против однолинейного толкования его формационного подхода к

истории, писал, что оппоненту «непрерменно нужно превратить мой исторический очерк возникновения капитализма в Западной Европе в историко-философскую теорию о всеобщем пути, по которому роковым образом обречены идти все народы, каковы бы ни были исторические условия, в которых они оказываются, – для того, чтобы прийти, в конечном счете, к той экономической формации, которая обеспечивает вместе с величайшим расцветом производительных сил общественного труда и наиболее всестороннее развитие человека. Но я прошу у него извинения. Это было бы одновременно и слишком лестно, и слишком постыдно для меня». И далее, приведя в качестве примера судьбу, постигшую плебеев Древнего Рима, Маркс заключает, что «события поразительно аналогичные, но происходящие в различной исторической обстановке, привели к совершенно разным результатам. Изучая каждую из этих эволюций в отдельности и затем, сопоставляя их, легко найти ключ к пониманию этого явления; но никогда нельзя достичь этого понимания, пользуясь универсальной отмычкой в виде какой-нибудь общей историко-философской теории, наивысшая добродетель которой состоит в её надысторичности". Следовательно, Маркс вовсе не представлял дело так, что до наступления коммунизма непременно все народы должны пройти все ступени предыдущих формаций, включая сюда и капитализм. Однако при этом народы, не прошедшие через капитализм, тоже вступят в коммунизм, только основываясь на высоких технологиях, добытых народами, прошедшими через самый развитый капитализм. Здесь – опять же материалистическая диалектика.

Касаясь «азиатского способа производства», необходимо отметить, что Маркс и Энгельс не рассматривали его в рамках рабовладельческой формации, как это делали некоторые советские историки в угоду официальной исторической периодизации. В 1853 г. между Марксом и Энгельсом произошёл обмен мнениями, в ходе которого они пришли к выводу, что "азиатский способ производства" следует признать своеобразной переходной ступенью между формациями первичной и вторичной... И действительно, как раз общества с таким способом производства, например, крито-минойская цивилизация – предшествовали античному способу производства, который первоначально развился в Древней Греции»... (Сайт МРП: marxistparty.ru).

Что касается перехода от рабовладения к феодализму не через революцию, то следует также отметить, что согласно основоположникам коммунистической теории, как уже было отмечено выше, классовая борьба не обязательно приводит к революции и смене формации. В «Манифесте коммунистической партии» они, опираясь на факты истории, указывают, что классовая борьба может окончиться **«общей гибелью борющихся классов»**. Так, видимо, и произошло в Западной части Римской империи, которая пришла в упадок в результате чрезмерного использования рабского труда, низкой его производительности, разврата населения и постоянных восстаний рабов. Это привело к гибели борющихся классов и покорению Западной части Римской империи германскими племенами, принесшими с собой зачатки феодальных, земельно-крепостнических отношений.

Ещё одним шагом ревизии марксистской формационной теории стала идея, подброшенная коммунистическими теоретиками из ГДР в 60-х годах прошлого столетия о социализме как о самостоятельной формации. Безусловно, эта идея была в интересах партийной и государственной верхушки. Она увековечивала ее господство. Эта антимарксистская идея также была отнесена к творческому развитию марксизма. Однако к марксизму она не имеет никакого отношения, так как отрицает марксистской диалектический подход, являясь возвратом от

диалектики к метафизике.

В 1875 г. в «Критике Готской программы» Маркс представил диалектику развития коммунистической формации в виде двух фаз, первой фазы, названной Лениным социализмом, и более высокой, представляющей собой полный коммунизм. Анализ текста этого произведения позволяет сделать вывод, что первая фаза коммунизма у Маркса является переходной от капитализма к полному коммунизму. Он пишет, что недостатки **«неизбежны в первой фазе коммунистического общества, когда оно только выходит после долгих мук родов из капиталистического общества».**

Эту фазу Маркс назвал периодом революционного превращения капитализма в коммунизм. Он разъяснял: **«Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как *революционной диктатурой пролетариата*.** (См. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т.19, с.27). В этой связи вряд ли можно согласиться с некоторыми авторами, в том числе и с теоретиками Интернациональной коммунистической партии (ИКП), которые в статье 1972 г. «Критика теории «Деформированного рабочего государства» считают, что Маркс ведёт здесь речь о самостоятельном переходном периоде до первой фазы коммунизма. Т.е., по их мнению, период диктатуры пролетариата представляет собой не первую фазу коммунизма, а самостоятельный период до неё. («Критика теории «Деформированного рабочего государства»).

Но анализ текста «Критики Готской программы» не даёт оснований для такого вывода. Видимо, он навеян ленинской конструкцией создания лишь основ для перехода к социализму в силу отсталости России после прихода большевиков к власти. По Ленину, переход от капитализма к полному коммунизму из-за недоразвитости производительных сил может состоять из трех этапов: вначале создания экономической базы для первой фазы, затем первая фаза коммунизма, затем уже более высокая фаза.

Однако такая конструкция не соответствует марксистской концепции, которая, как отмечалось, отрицает возможность перехода к коммунистической формации в отдельной, да ещё отсталой стране с недоразвитыми производительными силами. Истинность этих марксистских положений подтвердила гибель советской модели социализма.

Отрицание предпосылок для непосредственно коммунистического развития и необходимости мировой коммунистической революции,

Положения о необходимости одновременных коммунистических революций в большинстве развитых стран капитала для скачка человечества «из царства необходимости в царство свободы» и предпосылках такой мировой революции Маркс и Энгельс впервые сформулировали в той же «Немецкой идеологии». И от этих положений не отказывались.

В этой работе, рукопись которой была опубликована лишь в 1932 г. в СССР, классики исключали возможность перехода к коммунизму отдельной и отсталой страны без мировой коммунистической революции, которая, по их мнению, должна произойти одновременно в большинстве господствующих стран капитала. В то время такими странами были: Англия, Франция и Германия, а также США.

Маркс и Энгельс считали, что революция в этих странах должна сформировать мировую коммунистическую матрицу и начать переход к коммунистической формации на планете путем переброски в отсталые страны передовых технологий.

Первой предпосылкой мировой коммунистической революции классики полагали достижение мировыми капиталистическими производительными силами такого уровня, который не только раскрывал бы простор для их дальнейшего развития, но и исключал бы распространение бедности при переходе к коммунизму. В «Немецкой идеологии» они утверждали, что для непосредственно коммунистических преобразований **«развитие производительных сил (вместе с которым уже дано эмпирическое осуществление всемирно-исторического, а не узко местного, бытия людей) является абсолютно необходимой практической предпосылкой еще и потому, что без него имеет место лишь всеобщее распространение бедности; а при крайней нужде должна была бы снова начаться и борьба за необходимые предметы и, значит, должна была бы воскреснуть вся старая мерзость».**

Второй предпосылкой мировой революции, по их мнению, является капиталистическая универсализация (глобализация) мировых производительных сил. **«Это развитие производительных сил, – разъясняли они, – является, далее, необходимой предпосылкой потому, что только вместе с универсальным развитием производительных сил устанавливается универсальное общение людей, благодаря чему, с одной стороны, факт существования "лишенной собственности" массы обнаруживается одновременно у всех народов (всеобщая конкуренция), – каждый из этих народов становится зависимым от переворотов у других народов, – и, наконец, местно – ограниченные индивиды сменяются индивидами всемирно-историческими, эмпирически универсальными. Без этого 1) коммунизм мог бы существовать только как нечто местное, 2) сами силы общения не могли бы развиваться в качестве универсальных, а поэтому невыносимых сил: они остались бы на стадии домашних и окруженных суеверием "обстоятельств", и 3) всякое расширение общения упразднило бы местный коммунизм. Коммунизм эмпирически возможен только как действие господствующих народов, произведенное "сразу", одновременно, что предполагает универсальное развитие производительных сил и связанного с ними мирового общения».**

Третью предпосылку классики видели в универсализации мирового общения людей. Местно-ограниченных индивидов должны сменить индивиды всемирно-исторические, эмпирически универсальные.

Классики полагали, что на пути к коммунизму мировая революция должна будет, во-первых, сломать мировую капиталистическую систему и тем самым снять угрозу подавления коммунистического развития. Во-вторых, она должна ликвидировать мировой капиталистический рынок, диктующий рыночные условия всем странам. В-третьих, она должна сформировать коммунистическую основу развития коммунизма на планете на базе уровня производительных сил, достигнутого развитыми капиталистическими государствами. Маркс и Энгельс считали, что в ходе революционных преобразований должна быть осуществлена переброска новейших технологий по всей планете, тем самым заложена основа для ликвидации отношений частной собственности через преодоление подчинения людей законам общественного разделения труда, товарного производства и обмена.

Таким образом, по их мнению, должно быть устранено отчуждение производителя от производимого им продукта. «Это "отчуждение", - пишет Маркс в «Экономическо-философских рукописях», - говоря понятным для философов языком, может быть уничтожено, конечно, только при наличии двух практических предпосылок. Чтобы стать "невыносимой" силой, т. е. такой силой, против которой совершают революцию, необходимо, чтобы это отчуждение превратило основную массу человечества в совершенно "лишенных собственности" людей, противостоящих в то же время имеющемуся налицо миру богатства и образования, а оба эти условия предполагают огромный рост производительной силы, высокую степень ее развития».

Сейчас капиталистическое отчуждение уже превратило основную массу человечества (примерно 6 миллиардов человек) в совершенно "лишенных собственности" людей». А огромный рост производительной силы в то же время создал «золотой миллиард» сверхпотребителей, проживающих в развитых капиталистических странах. Этот миллиард, во главе которого стоят воротилы мирового капитала, эксплуатирует все остальное человечество. Однако очевидно, что и страны развитого капитализма не могут избавиться от своих внутренних противоречий, от эксплуатации своего пролетариата, от постоянных, хронических кризисов и безработицы.

На вышеприведенные принципиальные положения марксистской теории о необходимости и предпосылках мировой коммунистической революции для перехода к новой формации в сталинские времена в ожесточенной политической борьбе был навешен ярлык троцкизма.

Эти положения были подвергнуты остракизму, и в общественное сознание была внедрена ленинская (но в большей мере сталинская) идея возможности построения социализма и коммунизма в отдельно взятой стране.

Первым шагом к подобному «развитию» марксизма, как представляется, стал раскол в августе 1914 г. II Интернационала, в который входила РСДРП(б) во главе с Лениным. Раскол произошел из-за нарушения многими лидерами II Интернационала решений, принятых на конференциях 1907 и 1912 гг., в которых содержался призыв к рабочим разных стран в случае начала мировой империалистической войны не стрелять друг в друга. Предполагалось превратить мировую войну в войну гражданскую, в мировую коммунистическую революционную. Однако перед началом первой мировой войны, некоторые лидеры II Интернационала, входившие во властные структуры своих государств, проголосовали за кредиты своим правительствам на ведение империалистической войны.

Они выступили с позиций национальных интересов своей буржуазии, с позиции патриотического социал-шовинизма. Конечно, это было предательство интересов пролетариата, контрреволюционный шаг по отношению к мировой коммунистической революции. По существу, лидерами II Интернационала был нанесен удар по марксизму, в части необходимости осуществления мировой революции в развитых странах для перехода к новой фазе развития человечества.

Видимо, и у Ленина возникли сомнения в правильности марксистской теории в этой части. У него родилась идея возможности победы социализма в одной капиталистической стране. Впервые он ее сформулировал в 1915 г. в статье «О лозунге Соединенных Штатов Европы». Он писал: *«Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма*

первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране» (Ленин В.И. ПСС, т. 26, с.354-355).

Затем в 1916 г. в статье «Военная программа пролетарской революции» он уже утверждал: *«Развитие капитализма совершается в высшей степени неравномерно в различных странах. Иначе и не может быть при товарном производстве. Отсюда непреложный вывод: социализм не может победить одновременно во всех странах. Он победит первоначально в одной или нескольких странах, а остальные в течение некоторого времени останутся буржуазными или добуржуазными»* (Ленин В.И. ПСС, т. 30, с.133).

Однако классики в своих произведениях не утверждали, что революция должна охватить сразу все страны мира, как писал Ленин. Они вели речь только о господствующих странах капитала. Такую революцию они и называли мировой.

Мысль о возможности победы социализма в отдельно взятой стране, как слабом звене империализма мы находим и в работе Ленина 1916 г. «Империализм, как высшая стадия капитализма».

Нетрудно заметить расхождение ленинского вывода о возможности коммунистической революции и победы социализма вначале в одной капиталистической стране, с положениями, которые сформулировали Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии».

Конечно, Ленин не мог читать эту работу, так как рукопись ее впервые была опубликована после его смерти. Но и в «Принципах коммунизма», безусловно, известных Ленину (составленных Энгельсом в 1847 г. для «Манифеста коммунистической партии»), на вопрос: **«Может ли эта революция произойти в одной какой-нибудь стране? – Энгельс прямо отвечал: Нет. Крупная промышленность уже тем, что она создала мировой рынок, так связала между собой все народы земного шара, в особенности цивилизованные народы, что каждый из них зависит от того, что происходит у другого. Затем крупная промышленность так уравнила общественное развитие во всех цивилизованных странах, что всюду буржуазия и пролетариат стали двумя решающими классами общества и борьба между ними – главной борьбой нашего времени. Поэтому коммунистическая революция будет не только национальной, но произойдет одновременно во всех цивилизованных странах, т. е., по крайней мере, в Англии, Америке, Франции и Германии. В каждой из этих стран она будет развиваться быстрее или медленнее, в зависимости от того, в какой из этих стран более развита промышленность, больше накоплено богатств и имеется более значительное количество производительных сил».**

Однако окончательно рассматриваемые положения марксистской коммунистической теории Ленин никогда не отбрасывал. Он был инициатором создания III Интернационала. Надежда на мировую революцию оставалась у него до самой смерти.

Теперь уже очевидна истинность этих положений. Но в то время они еще не были подтверждены общественно-исторической практикой, как не подтвердилось и предположение классиков, которое они сделали в «Манифесте коммунистической партии» 1847 г. о приближении уже тогда мировой коммунистической революции. Универсализация производительных сил в то время еще не завершилась не только в планетарном масштабе, но даже в странах Западной Европы, на которые опирались в своем анализе основоположники

коммунистической теории. Капитализм в середине XIX века еще не исчерпал своего потенциала для развития производительных сил и для своего расширения.

Вполне понятно, что и Марксу, и Энгельсу, как романтикам, было свойственно забегать вперед, опережать ход событий в своих прогнозах.

Это признал Энгельс уже после смерти Маркса. В 1895 г. (год смерти Энгельса) он написал введение к работе Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.». В нем он отмечал: **«История показала, что и мы, и все, мыслившие подобно нам, были неправы. Она ясно показала, что состояние экономического развития европейского континента в то время далеко еще не было настолько зрелым, чтобы устранить капиталистический способ производства; она доказала это той экономической революцией, которая с 1848 г. охватила весь континент и впервые действительно утвердила крупную промышленность во Франции, Австрии, Венгрии, Польше и недавно в России, а Германию превратила прямо-таки в первоклассную промышленную страну, – и всё это на капиталистической основе, которая, таким образом, в 1848 г. обладала ещё очень большой способностью к расширению».**

Не произошло устранения капитализма и через 30 лет после написания «Манифеста», когда в 1878 г. в работе Энгельса под названием «Анти-Дюринг» классики вновь пришли к выводу, что производительные силы наиболее развитых капиталистических стран уже созрели для коммунистических преобразований. Вот как выражена эта мысль в названном произведении: **«Возможность обеспечить всем членам общества путем общественного производства не только вполне достаточные и с каждым днем улучшающиеся материальные условия существования, но также полное свободное развитие и применение их физических и духовных способностей – эта возможность достигнута теперь впервые, но теперь она действительно достигнута»** (Энгельс Ф. Анти-Дюринг, с. 287).

Этот вывод классики сделали применительно все к тем же развитым странам Западной Европы и США.

Но мировой коммунистической революции не произошло. Почему?

Видимо потому, что оставались другие континенты, еще не охваченные капиталистическим способом производства, за счет которых капитализм не терял способности к расширению. На это и обратил внимание Энгельс в конце жизни, поставив точку в формировании классиками коммунистической теории.

После смерти Энгельса разработкой этой проблемы занималась Роза Люксембург, но в 1919 г. она была убита.

Итак, четвертой предпосылкой мировой революции является исчерпание капиталистической формацией возможностей для дальнейшего развития производительных сил и своего расширения в планетарном масштабе.

Теперь уже очевидно, что капитализм не терял способности к расширению весь XX век. В погоне за максимальной прибылью он перебрасывал низкие и средние технологии по всей планете в поисках дешевой рабочей силы, наполнял господствующие страны гастарбайтерами, оставлял за собой армии безработных на периферии, наращивал финансовый капитал, превращая его в капитал фиктивный. Но это происходило уже после смерти классиков.

Думается, что процесс капиталистической универсализации, о котором писали Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии», подходит к своему завершению

только сейчас. Ныне капиталистический способ производства, первичной клеточкой которого является товарная форма продукта, охватил все страны и континенты. Тем самым он потерял способность к дальнейшему расширению, исчерпал потенциал для дальнейшего развития производительных сил.

Думается, что мировые производительные силы только сейчас достигли того уровня, который необходим для перехода в новую коммунистическую формацию, что переход экономик развитых стран на новые информационные технологии, не сглаживает, а ещё более обостряет противоречия общественного характера производительных сил с частным характером присвоения производимого продукта. Все более общественный продукт вступает в противоречие с товарной его формой. Нетоварный обмен пробивает себе дорогу, особенно в сфере информационных технологий. Капиталистические производственные отношения, которые развиваются внутри отношений капиталистической частной собственности, все чаще стали попадать в кризисные ситуации. Они закономерно привели к системному кризису, на грани которого балансируют сейчас развитые капиталистические страны. С целью поиска выхода из кризиса, а также ресурсов для своего сверх потребительского существования эти страны развязывают междоусобные войны внутри развивающихся государств для разделения их населения и доминирования.

Однако из системного кризиса им, видимо, уже не выбраться без революционного преобразования системы производственных отношений в планетарном масштабе.

Внимательный анализ мирового развития с точки зрения марксистской теории также показывает, что в связи с универсализацией производительных сил, переброской новых технологий происходит дальнейшая универсализация мирового общения эксплуатируемого пролетариата. Местно-ограниченные пролетарии постепенно сменяются пролетариями интернациональными, эмпирически универсальными.

«Пролетариат, – утверждают Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии» – может существовать, следовательно, только во всемирно-историческом смысле, подобно тому как коммунизм – его деяние – вообще возможен лишь как "всемирно-историческое" существование; а всемирно-историческое существование индивидов означает такое их существование, которое непосредственно связано со всемирной историей...

В предшествующей истории эмпирическим фактом является, несомненно, также и то обстоятельство, что отдельные индивиды, по мере расширения их деятельности до всемирно-исторической деятельности, все более подпадали под власть чуждой им силы (в этом гнете они усматривали козни так называемого мирового духа и т. д.) – под власть силы, которая становится все более массовой и в конечном счете проявляется как мировой рынок. Но столь же эмпирически обосновано и то, что эта столь таинственная для немецких теоретиков сила уничтожится благодаря ниспровержению существующего общественного строя коммунистической революцией (о чем ниже) и благодаря тождественному с этой революцией уничтожению частной собственности; при этом освобождение каждого отдельного индивида совершится в той же самой мере, в какой история полностью превратится во всемирную историю. То, что действительное духовное богатство индивида всецело зависит от богатства его действительных отношений, ясно из сказанного выше. Только в силу этого отдельные индивиды освобождаются от различных национальных и

местных рамок, вступают в практическую связь с производством (также и духовным) всего мира и оказываются в состоянии приобрести себе способность пользоваться этим всесторонним производством всего земного шара (всем тем, что создано людьми). Всесторонняя зависимость, эта стихийно сложившаяся форма всемирно – исторической совместной деятельности индивидов, превращается благодаря коммунистической революции в контроль и сознательное господство над силами, которые, будучи порождены воздействием людей друг на друга, до сих пор казались им совершенно чуждыми силами и в качестве таковых господствовали над ними».

Итак, классики считали, что пролетариат может существовать только во всемирно-историческом смысле, что его коммунистическое развитие **«непосредственно связано со всемирной историей»**. Следовательно, коммунистическое развитие пролетариата в национальных границах невозможно. Оно, видимо, не может выйти за рамки национал социалистических идей.

Это положение марксизма было не понято большевиками. Не понято оно и подавляющим большинством нынешних коммунистов, неосновательно называющих себя марксистами.

Отсюда постоянные бесплодные поиски пролетариата как движущей силы коммунистической революции в рамках национальных границ. Бесплезно сейчас искать его существование и во всемирно- историческом смысле, так как в этом смысле он еще не сформировался.

В значительной мере такому состоянию пролетариата препятствует то обстоятельство, что марксистская теория еще не овладела массами, она еще не стала материальной силой, способной изменить условия существования человеческого общества. Этому мешает национальная ограниченность коммунистического движения, находящегося под влиянием идей, как сталинского «марксизма-ленинизма», так и еврокоммунизма. Сталинцы (так они любят себя называть) напрочь отбрасывают фундаментальное положение марксизма о мировой революции под страхом троцкизма. Еврокоммунисты, в свою очередь, отрицают революционный путь перехода к коммунизму вообще. А, кроме того, они отрицают и необходимость осуществления на переходе от капитализма к коммунизму насильственного вмешательства в отношения собственности с целью ликвидации частного характера присвоения.

Вместе с тем в «Манифесте коммунистической партии» классики уточнили, что **«если не по содержанию, то по форме борьба пролетариата против буржуазии является сначала борьбой национальной. Пролетариат каждой страны, конечно, должен сперва покончить со своей собственной буржуазией»**. (Маркс К. и Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии. М., Изд.полит.лит., 1980, с.37). Казалось бы, что авторы «Манифеста» вступили в противоречие с тем, что они утверждали в «Немецкой идеологии» о мировой революции. Однако, если вдуматься, то никакого противоречия здесь нет. В «Манифесте», который создавался для практической организации («Союза коммунистов») авторы имели в виду, что пролетариат вначале ведет борьбу с буржуазией своих стран, а затем эта борьба перерастает в мировую революцию, в мировые коммунистические преобразования.

Согласно их центристской концепции пролетариат экономически развитых стран, вставших на путь коммунистического развития, образовав основы для развития новой экономической общественной формации, должен повести за собой остальной мир, перебрасывая передовые технологии в слаборазвитые

страны.

С целью объединения пролетариев для подготовки к мировой революции и осуществления мировых коммунистических преобразований Маркс и Энгельс, вступившие в 1847 г. в «Союз справедливых», предложили ему лозунг **«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»** Он заменил прежний расплывчатый лозунг Союза «Все люди – братья!», из которого вытекало, что братьями являются и буржуа-эксплуататор, и эксплуатируемый рабочий. Марксистский лозунг призывал объединяться пролетариев развитых стран в борьбе с капитализмом, с буржуазией. Он лег в основу принципа пролетарского интернационализма и стал боевым девизом «Союза коммунистов» – бывшего «Союза справедливых», а также созданного классиками в 1864 г. интернационального товарищества рабочих.

В предисловии к английскому изданию 1888 г. Манифеста коммунистической партии Энгельс отмечал, что Интернациональное товарищество рабочих (I Интернационал) было образовано **«с определенной целью сплотить воедино весь борющийся пролетариат Европы и Америки».**

Принцип пролетарского интернационализма лежал и лежит в основе деятельности всех существовавших и существующих левых интернационалов.

Однако после того как большевикам во главе с Лениным, а затем Сталиным пришлось осуществлять социалистические преобразования в России без поддержки мировой революции, его значение заметно упало. Надежда на победоносные революции в передовых странах капитала не оправдалась. Не оправдалась она, как представляется, прежде всего, в силу национально ограниченного мышления лидеров II Интернационала. Сыграла свою роль и ленинская идея возможности периферийного коммунистического развития.

Кроме того, Ленин подвергся критике со стороны западноевропейских коммунистов за преувеличение роли насилия при осуществлении диктатуры пролетариата в переходный период. Навешивание Лениным оскорбительных ярлыков на оппонентов из II Интернационала в статье 1918 г. «Пролетарская революция и ренегат Каутский» привело к расколу коммунистического и рабочего движения в Европе. Это, как представляется, стало одной из причин (конечно, не главной) того, что локальные революционные выступления пролетариата в 1919 г. были подавлены.

В этой связи следует иметь в виду, что Маркс действительно называл насилие повивальной бабкой истории. Однако такое положение, по его мнению, должна прекратить коммунистическая революция.

Насилие Маркс относил к периоду революционного взятия власти пролетариатом. При этом он имел в виду, прежде всего, насильственное вмешательство в отношения собственности с целью постепенной ликвидации отношений частной собственности, а не насилие над людьми. В этом и заключается сущность диктатуры пролетариата как политики пролетарского государства. После упразднения отношений частной собственности исчезает классовый антагонизм, а вместе с ним исчезают и причины для насилия. В «Экономическо-философских рукописях» Маркс писал: **«Коммунизм, как положительное упразднение частной собственности – этого самоотчуждения человека – и в силу этого как подлинное присвоение человеческой сущности человеком и для человека; а потому как полное, происходящее сознательным образом и с сохранением всего богатства предшествующего развития, возвращение человека к самому себе как**

человеку *общественному*, т. е. *человечному*. Такой коммунизм, как *завершенный натурализм*, = гуманизму, а как *завершенный гуманизм*, = натурализму; он есть *действительное* разрешение противоречия между человеком и природой, человеком и человеком, подлинное разрешение спора между существованием и сущностью, между опредмечиванием и самоутверждением, между свободой и необходимостью, между индивидом и родом. Он – решение загадки истории, и он знает, что он есть это решение».

К сожалению, в российском коммунистическом движении пропаганда насилия со времен гражданской войны стала традицией, равно как и оскорбление товарищей по борьбе, имеющих отличную от «правильной» позицию.

В этой связи в своем политическом завещании, касающемся В.И. Ленина, Георгий Валентинович Плеханов отмечал: *«Ленин – мой ученик, который ничему у меня не научился...»*

Ленин – цельный тип, который видит свою цель и стремится к ней с фанатичной настойчивостью, не останавливаясь ни перед какими препятствиями. Он весьма умен, энергичен, чрезвычайно трудоспособен, не тщеславен, не меркантилен, но болезненно самолюбив и абсолютно нетерпим к критике. «Все, что не по Ленину, – подлежит проклятию!» – так однажды выразился М. Горький. Для Ленина каждый, кто в чем-то с ним не согласен, – потенциальный враг, не заслуживающий элементарной культуры общения...»

Ленин – человек, не знающий "золотой середины". "Кто не с нами – тот против нас!" – вот его политическое кредо. В своем стремлении растоптать противника он опускается до личных оскорблений, доходит до грубой брани, и не только в полемике, но и на страницах печатных работ, которые он "выпекает" с непопозволительной скоростью». («Революционный архив». Плеханов Г.В. Политическое завещание. VI. О Ленине и других кривых вожаках).

Сейчас, с подачи Сталина из-за обвинений в троцкизме сторонников марксистских положений о всемирно-исторической сущности коммунизма и невозможности собственно коммунистического развития без мировой коммунистической революции, необходимость и неизбежность ее не понимает большинство российских левых.

В их головах прочно укоренилась идея национально-периферийного строительства социализма. Поэтому их отношение к интернациональной борьбе и революции вполне пренебрежительное.

В этом аспекте необходимо обратить внимание вообще на роль русских в судьбах всех коммунистических Интернационалов. I Интернационал, созданный Марксом и Энгельсом, по существу, был развален русским революционером-анархистом Бакуниным М.А. и его соратниками, которые изображали Маркса и Энгельса **«в глазах рабочих честолюбивыми карьеристами, стремившимися под предлогом завоевания господства рабочим классом захватить власть в свои руки»** (Энгельс Ф. «Бакунисты за работой. Записки о восстании в Испании летом 1873 года». Издано отдельной брошюрой в Лейпциге в 1874 г. Перепечатано в книге: Engels F. Internationales aus dem «Volksstaat» (1871–75). Berlin, 1894 г.).

В противовес Интернационалу, созданному Марксом и Энгельсом, Бакунин организовал свой альянс анархистов, который отрицал любую политическую борьбу, т.е. борьбу за установление рабочими своей власти.

Необходимо отметить, что борьбу с национальной ограниченностью

Бакунина Маркс и Энгельс начали еще в период европейских революций 1848-1849 годов, задолго до создания I Интернационала. Тогда революции потерпели поражение. В феврале 1849 г. Энгельс написал статью «Демократический панславизм» на брошюру Бакунина под названием: **«Призыв к славянам. Сочинение русского патриота Михаила Бакунина, депутата Славянского съезда в Праге»**. В статье Энгельс подверг уничтожающей критике позицию Бакунина, который вместо поддержки революции славянскими народами призывал их к борьбе за объединение в союз.

Но вернемся к анализу судеб последующих интернационалов. С лидерами II и II^{1/2} Интернационала не нашел общего языка В.И. Ленин и его последователи из-за неприятия ленинской позиции. В 1919 г. Ленин создал III Коммунистический Интернационал (Коминтерн). Конференция трёх Интернационалов (III, II и II^{1/2}), состоявшаяся в 1922 г. в Берлине, была признана Лениным неудачной. Далее Коминтерн враждовал с Социалистическим рабочим интернационалом (Социнтерн), созданным в 1923 г в результате слияния II и II^{1/2} интернационалов. В мировом коммунистическом движении произошел раскол.

Вот какую оценку этому факту дает один из лидеров левой оппозиции, бывший член ЦК РКП(б), председатель малого СНК РСФСР с 1923-го по 1925 год, заместитель председателя ВСНХ, председатель президиума и секретарь ВЦСПС Тимофей Владимирович Сапронов. В своей статье «Агония мелкобуржуазной диктатуры», написанной в 1931–1932 годах, за которую он был репрессирован, а затем расстрелян, он утверждал: *«Российская революция, порожденная империализмом, явилась началом мировой революции, и победить она могла только как мировая социалистическая революция. Благодаря предательству II Интернационала революция в Европе в 1918–20 гг. потерпела первое поражение. На третьем конгрессе Коммунистического Интернационала Ленин заявил, что если пролетариат на данном этапе не сбросит буржуазию, то у последней нет безвыходного положения.*

После упомянутого конгресса вслед за ЦК ВКП(б) начались м[елко]буржуазные колебания Исполкома Коминтерна. Позднее к предательству Второго Интернационала прибавилась измена рабочему классу со стороны Исполкома Третьего Интернационала (его поведение в революции в Германии в 1923 г, роль в английской ген[еральной] стачке, предат[ельство] Китайской революции, подмена борьбы с империализмом пацифизмом и пр.). Все это помогло буржуазии разгромить пролетариат. Поражение Октябрьской революции и создавшиеся госкапиталистические формы хозяйства с диктатурой бюрократии – явление мирового порядка с особенностями российской действительности.

Реакция в разных странах приняла разные формы. В России - форма азиатского "социализма" и азиатской деспотии, в Италии - фашизм, в Польше - пилсудчина, - в Англии - консерватизм, в Венгрии и на Балканах - тоже своеобразный фашизм. Режим каждой страны имеет свои специфические особенности, но сущность его одна – реакция как следствие поражения социалистической революции.

Первый этап периода империалистических войн и социалистических революций кончился поражением пролетариата. Произшедшая ликвидация Октябрьской революции под флагом коммунизма и отождествление м[елко]буржуазной диктатуры с диктатурой пролетариата помогает буржуазии отвлечь рабочий класс от социалистической революции и временно привлечь часть его на свою сторону. Она ему говорит: если ты хочешь

коммунизма, то получай сталинский хаос и созданную им нищету. Выборы в английский парламент – характерный тому показатель. По свидетельству Бернарда Шоу и по признанию органа ЦК Компартии Англии, английские избиратели были насмерть перепуганы анархией большевизма, под которым подразумевался сталинизм. Трюк удался, рабочие голосовали за консерваторов.

Наступает второй тур империалистических войн и социалистических революций, задача действительных коммунистов-большевиков заключается в том, чтобы извлечь уроки из прошлого, настоящего и повести пролетариат по правильному пути, в предстоящий бой».

В 1937 г. по инициативе Москвы прекратил существование [Красный интернационал профсоюзов](#) (Профинтерн). Руководимые коммунистами Красные профсоюзы стали вступать в общие профсоюзные объединения своих стран.

До этого, между 1922 и 1928 гг., то есть за 6 лет, был проведен всего лишь один конгресс Коминтерна. К 1928 году руководители партий, входящих в Коминтерн во время его основания, были оттеснены от руководства в своих странах, и заменены.

Следующий, VII Конгресс, проводился в 1935 году, через целых 7 лет после предыдущего! И это в то время, когда в 1930-1933 гг. в Германии фашисты шли к власти.

Это был последний конгресс. Затем Сталин репрессировал многих его руководителей и участников.

Сталин преследовал и подверг репрессии также членов IV Интернационала, созданного Л.Д. Троцким, которые занимались разжиганием пламени мировой революции. В 1940 г. по приказу Сталина Троцкий, находившейся за границей, был убит.

Формально III Коминтерн ещё просуществовал 8 лет и был распущен в мае 1943 года за ненадобностью. Официальная версия гласила, что разнообразие ситуаций в различных странах и районах мира, созданное характером и особенностями второй мировой войны, якобы меняло положение Коминтерна как единого центра всего коммунистического движения.

В этом же году гимн СССР, который представлял собой музыку и слова песни под названием «Интернационал», был заменен гимном державного характера.

После второй мировой войны Коммунистический интернационал, как международная коммунистическая организация, так и не был воссоздан. Видимо потому, что в 1949 г. Сталин объявил, что социализм в СССР построен полностью и окончательно, а коммунизм возможен в одной стране и в империалистическом окружении, т.е. без интернационала и мировой коммунистической революции.

Тем самым Сталин отверг марксистское положение о необходимости мировой революции как основного инструмента перехода к коммунистической формации, назвав ревизию этого фундаментального положения марксизма его развитием.

В одном из выступлений, посвященных юбилею вождя, нынешний «главный коммунист России» в постсоветский период Г.А. Зюганов заявил, что, уничтожив Троцкого и преследуя членов IV Интернационала, Сталин тем самым спас мир от пожара мировой революции. Но возникает вопрос, а не способствовал ли тем самым Иосиф Виссарионович укреплению мирового империализма, распространению фашизма и разжиганию пожара второй мировой войны?

Что касается современных условий, то сейчас, как представляется, переход к коммунистическому развитию в отдельной стране тем более невозможен, так как невозможно вылечить отдельную часть мирового социального организма, когда болен весь организм. Во-первых, потому, что значительно усилилась взаимная зависимость экономик отдельных стран. Во-вторых, потому, что возросло влияние мирового рынка и его управляющей финансовой системы в формах ВТО и МВФ. Если даже предположить возможность становления отдельной страны на путь непосредственно коммунистического развития, то он будет прерван необходимостью торговли с капиталистическими странами и подчинению правилам торговли, установленным мировым рынком.

В третьих, потому, что многие страны обладают ядерным оружием.

В таких условиях коммунистическая революция в отдельной, даже развитой стране, будет подавлена извне мгновенно, если одновременно пролетариат большинства ведущих государств мира не поддержит ее своими революциями. Сейчас это страны «большой семерки», а, может быть, даже и «двадцатки». Поэтому проблема создания мощной международной коммунистической партии в противовес существующему союзу мировой буржуазии, судя по всему, становится все более актуальной. Такая партия и должна быть нацелена на подготовку мирового пролетариата к мировой коммунистической революции, которую усиленно (объективно и вопреки своей воле) готовит мировой капитал.

Отрицание невозможности непосредственно коммунистического развития в отсталой стране,

В основу идеи коммунистического развития от слаборазвитой периферии к развитому центру, которая сейчас пропагандируется многими российскими «марксистами-ленинцами», был положен вывод Ленина 1916 г. о слабом звене в цепи империализма, разорвав которую, можно потянуть всю цепь к коммунизму.

Видимо, несмотря на критику Лениным идеализма А. Богданова, на него, все же оказала влияние богдановская идея общественного развития от периферии к центру. На этой основе, по существу отрицавшей принципиальнейшее положение исторического материализма, у Ленина, как представляется, и возникла идея победы революции в отсталой стране, как слабом звене монополистического капитализма.

Таким слабым звеном Ленин признал Россию, исходя из анализа ее хозяйственного положения, содержащегося в его работе «Развитие капитализма в России». Некоторые левые аналитики считают этот анализ недостаточно объективным.

После того, как в России в феврале 1917 г. произошел второй этап буржуазно-демократической революции, Ленин посчитал возможным взятие власти большевиками и переход к непосредственно коммунистическим преобразованиям, минуя фазу развитого капитализма. При этом он надеялся на поддержку советской власти революциями в западноевропейских странах, имея в виду предположение классиков, которое они высказали в Предисловии ко второму русскому изданию 1882 г. «Манифеста коммунистической партии». **«Если русская революция, - писали они, - послужит сигналом пролетарской революции на Западе, так что обе они дополняют друг друга, то современная русская общинная собственность на землю может явиться исходным пунктом коммунистического развития».**

По их мнению, революция в России освободила бы западноевропейскую

коммунистическую революцию от опасности ее подавления «мировым жандармом», каким была Россия в то время. В случае победы революции на Западе возникла бы возможность помощи революции в России, переброски ей передовых технологий.

Выступления рабочих в 1905 г. и февральская революция 1917 г. были антифеодальными. Они были направлены на свержение царского самодержавия и власти помещиков, установление буржуазной демократии и капиталистического пути развития. Такой ход событий и предполагали основоположники коммунистической теории. В 1894 г. Энгельс писал: **«Русская революция даст... новый толчок рабочему движению на Западе, создаст для него новые, лучшие условия борьбы и тем самым ускорит победу современного, промышленного пролетариата, победу, без которой сегодняшняя Россия ни на основе общины, ни на основе капитализма не может достичь социалистического переустройства общества»** (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, с.453). Он считал, что назревавшая в России революция будет буржуазной, так как для коммунистической революции в ней в то время не было ни объективных, ни субъективных предпосылок.

Буржуазно-демократическая революция и произошла в России в феврале 1917 г. Она послужила сигналом для революционных выступлений на Западе. Но эти выступления были подавлены, в силу того, что капитализм еще не потерял тогда своей силы, способности к расширению в планетарных масштабах, не до конца был сформирован и пролетариат во всемирно-историческом смысле.

Тем самым был подтвержден вывод классиков о том, что переход от одного способа производства к другому, более совершенному, происходит, **«когда данный способ производства прошел уже немалую часть своей нисходящей линии, когда он наполовину изжил себя, когда условия его существования в значительной мере исчезли, и его преемник уже стучится в дверь»** (Энгельс Ф. Анти-Дюринг. М., Изд.полит.лит., 1977, с.149). Применительно к России они полагали, что только в случае победы мировой пролетарской революции в передовых странах Европы и в США Россия с помощью переброски новых технологий из этих стран могла бы встать на путь непосредственно коммунистического развития, так как уровень развития ее производительных сил тогда не позволял ей это сделать самостоятельно.

Несмотря на попытки Ленина доказывать обратное, в том числе в работе «Развитие капитализма в России», к 1917 году Россия имела многоукладную экономику. Из почти 140 миллионов россиян 110 миллионов составляло крестьянство. Примерно 65% крестьян были бедняками, середняками – 20%, кулаками – почти 15%, городская мелкая буржуазия составляла 8% населения страны. Рабочих же было около 15 миллионов – чуть больше 10% населения, из них промышленных рабочих – только 3,5 миллиона. (Великая Октябрьская социалистическая революция. Энциклопедия. М., Советская энциклопедия, 1977, с.276, 497). К тому же 80% населения России было малограмотным, либо не умело ни читать, ни писать вообще.

Ещё в 1905 году Ленин обоснованно указывал на невозможность социалистической революции в России. *«Полная революция, - писал он, - есть захват власти пролетариатом и бедным крестьянством. А эти классы, находясь у власти, не могут не добиваться социалистической революции. Следовательно, захват власти, будучи сначала шагом в демократическом перевороте, силой вещей, против воли (и сознания иногда) участников, перейдет в социалистический. И тут крах неизбежен. А раз неизбежен крах*

попыток социалистической революции, то мы (как Маркс в 1871 г., предвидевший неизбежный крах восстания в Париже) должны советовать пролетариату не восставать, выжидать, организовываться, отступить, чтобы лучше прыгнуть» (Ленин В.И. ПСС, т.9, с. 382). То же он повторял и в 1906 г.: *«Эта борьба была бы почти безнадежна для одного русского пролетариата, и его поражение было бы так же неизбежно, как поражение ... французского пролетариата в 1871 году, если бы на помощь русскому пролетариату не пришел европейский социалистический пролетариат»* (ПСС, т.12, с. 157).

Однако в апреле 1917 г., всего через 11 лет после этого высказывания, Ленин изменил свою позицию на противоположную. Вопреки марксистскому учению, он призывал партию к переходу от февральской буржуазно-демократической революции, только что избавившей Россию от пут царизма, сразу к власти в интересах пролетариата, к революции социалистической, минуя фазу развитого капитализма.

Видимо, в какой-то мере все же сказалось влияние на лидера партии большевиков взглядов народников, несмотря на их критику с его стороны, и «Науки логики» Гегеля, которую он проштудировал.

Народники, справедливо считая частную собственность лишь промежуточной формой в историческом развитии экономических отношений, взяли за основу идею Гегеля о том, что промежуточные фазы развития могут при известных обстоятельствах значительно сократиться или даже совсем не иметь места. Поскольку социалистическое будущее они связывали с крестьянской общиной, которая сохранилась в России, постольку они полагали, что Россия через крестьянскую общину перейдет к социализму сразу, минуя капитализм.

Почти 130 лет в России пропагандировались эти утопические идеи. К концу 70-х годов 19 века к этим идеям присоединился отдельным пластом марксизм, что не могло не вести к его деформации.

. На идеях революционного демократизма и народничества формировалось мировоззрение юного Ульянова, впоследствии ставшего марксистом. Конечно, они не могли не отразиться на его взглядах.

Вначале идею перехода к социализму, минуя капитализм, Ленин сформулировал в «Апрельских тезисах», с которыми он выступил по прибытии в Петроград из заграницы в апреле 1917 г. Во втором пункте тезисов он разъяснял: *«Своеобразие текущего момента в России состоит в переходе от первого этапа революции, давшего власть буржуазии в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата, – ко второму ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства»*. По словам Бухарина, на эти тезисы *«даже часть большевиков... смотрела испуганными глазами»*, ибо они *«произвели впечатление грома лопнувшей бомбы, взорванной «от отчаянной жизни» вынырнувшим из неведомого революционного подполья диким фанатиком, фантазии которого нездоровым туманом плавают в каком-то особом измерении, ничего общего не имеющим с нашим трехмерным пространством»* (Н.И. Бухарин. Избранные произведения. М., 1988, с.437-438).

Впервые Ленин огласил тезисы в ночь с 3 по 4 апреля на собрании большевиков. Однако поддержки не нашёл. Затем, 4 апреля, на собрании большевиков он выступил с докладом и разъяснениями тезисов, и опять не только не получил поддержки, но столкнулся с активным сопротивлением. [Богданов](#)

прервал его, крикнув: «Ведь это бред, это бред сумасшедшего!». Примерно так же выступили И.П.Гольденберг и редактор «Известий» [Ю.М.Стеклов](#). Бредом назвал тезисы и Г.В.Плеханов. 6 апреля ЦК РСДРП(б) вновь не поддержал Апрельские тезисы. 8 апреля в «Правде» против «разлагающего влияния» ленинских тезисов выступил Л.Б.Каменев со статьёй «Наши разногласия». Он отрицал завершение буржуазно-демократической революции и поэтому отказывался признать курс на её перерастание в революцию социалистическую. Дискуссия по тезисам состоялась в тот же день на заседании Петроградского комитета большевиков, при голосовании – 2 «за», 13 «против», «воздержался» 1. Тем не менее, Ленин настоял на своем, и его идея была, в конце концов, поддержана. С такой ленинской позицией развернулась борьба, так как она находилась в полном противоречии с марксистским учением, с марксистским историческим материализмом.

Вот, что по этому поводу писал Г.В. Плеханов в своем политическом завещании: *« Нет, Ленин не догматик, он знает марксизм. Но, к сожалению, он «развивает» его с непостижимым упорством в одном направлении – в направлении фальсификации и с одной целью – с целью подтверждения своих ошибочных выводов. В марксизме его не устраивает только то, что нужно ждать, пока созреют объективные условия для социалистической революции...»*

Ленин ловко манипулирует цитатами [Маркса и Энгельса](#), зачастую давая им совершенно иное толкование. Из моих работ о роли личности и масс в Истории Ленин усвоил только одно: он, как личность, "призванная" Историей, может творить с ней все, что захочет. Ленин является примером человека, который, признавая свободу воли, видит свои поступки сплошь окрашенными в яркий цвет необходимости. Он достаточно образован, чтобы не считать себя Магометом или Наполеоном, но в том, что он "избранник судьбы", Ленин убежден безусловно. С точки зрения законов социального развития и исторической необходимости Ленин был нужен лишь до февраля 1917 г. - в этом смысле он закономерен. После Февральской революции, которая смела царизм и устранила противоречия между производительными силами и производственными отношениями, историческая надобность в Ленине отпала. Но беда заключается в том, что массы об этом не знали и не знают. Они получили больше политических свобод, чем в Западной Европе, но, полуголодные и обнищавшие, к тому же вынужденные продолжать войну, не заметили этого». (Плеханов Г.В. Политическое завещание).

Маркс в работе «К критике политической экономии» утверждал: **«Ни одна общественная формация не погибнет раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые, высшие производственные отношения никогда не появятся раньше, чем созреют материальные условия их существования в лоне самого старого общества».**

Этот вывод он подтвердил и в I томе «Капитала»: **«Общество, – писал он, – если даже оно напало на след естественного закона своего развития, – а конечной целью моего сочинения является открытие экономического закона движения современного общества, – не может ни перескочить через естественные фазы развития, ни отменить последние декретами. Но оно может сократить и смягчить муки родов»** (Маркс К. Капитал, т.1, книга 1: Процесс производства капитала. М., Изд.полит.лит., 1973, с. 10).

Несмотря на возражения ортодоксальных марксистов об отсутствии объективных условий для непосредственно коммунистического развития в России,

большевики решили брать власть. На VI съезде РСДРП(б), проходившем в Петрограде с 26 июля по 3 августа 1917 г., был взят курс на вооруженное восстание. Против восстания выступили члены ЦК Зиновьев, Каменев и Преображенский. Последний говорил, что только при наличии пролетарской революции на Западе можно будет направить страну по социалистическому пути. В «Кратком курсе истории ВКП(б)» по этому поводу отмечено, что Сталин ответил Преображенскому следующим образом: *«Не исключена возможность, что именно Россия явится страной, пролагающей путь к социализму... Надо откинуть отжившее представление о том, что только Европа может указать нам путь. Существует марксизм догматический и марксизм творческий. Я стою на почве последнего»* (История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс, М., Госполитиздат, 1945, с.189).

Как и предвидели классики и их последователи, большевики после взятия власти столкнулись с непреодолимыми трудностями из-за низкого уровня развития российских производительных сил, малограмотности в основном крестьянского населения. Это не давало возможности России в одиночку реализовать задачи первой фазы коммунизма, без поддержки пролетарскими революциями на Западе и переброски передовых технологий. Но и мировые производительные силы того времени еще не достигли такого уровня, который позволял бы осуществить переход к непосредственно коммунистическому развитию и исключал бы условия для всеобщего распространения бедности.

В 1850 и 1853 гг. Энгельс в своих письмах предупреждал, что партия (и ее вождь), пришедшая к власти раньше, чем в обществе созрели материально-организационные условия осуществления ее программы, будет вынуждена проводить в жизнь, чтобы удержаться у власти, программу другой партии, отделяясь от своего класса *«фразами, обещаниями и уверениями»*. (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.7, с.423). Не случайно большевики вынуждены были брать на вооружение лозунги не своей партии, а лозунги и принципы, например, партии социал-революционеров (эсеров), выражавших интересы крестьянства, т.е. мелкой буржуазии. Прежде всего, это относится к лозунгу: «Земля крестьянам!», а затем к принципу федерализма.

В письме Энгельса Вельдемейру от 12 апреля 1853 года читаем:

«Мне думается, что в одно прекрасное утро наша партия вследствие беспомощности и вялости остальных партий вынуждена будет встать у власти, чтобы, в конце концов, проводить все же такие вещи, которые отвечают непосредственно не нашим интересам, а интересам общереволюционным и специфически мелкобуржуазным; в таком случае под давлением пролетарских масс, связанные своими собственными, в известной мере, ложно истолкованными и выдвинутыми в порыве партийной борьбы печатными заявлениями и планами, мы будем вынуждены производить коммунистические опыты и делать скачки, о которых мы сами отлично знаем, насколько они несвоевременны. При этом мы потеряем головы, - надо надеяться только в физическом смысле, - наступит реакция и, прежде, чем мир будет в состоянии дать историческую оценку подобным событиям, нас станут считать не только чудовищами, на что нам было бы наплевать, но и дураками, что уже гораздо хуже. Трудно представить себе другую перспективу» (там же, т.25, с.490-491).

Предупреждал о такой опасности и Плеханов. *«Социалистическая организация производства, – писал он задолго до революции, – предполагает такой характер экономических отношений, который делал бы эту организацию*

логическим выводом из всего предыдущего развития страны», ибо «декретами не создашь условий, чуждых самому характеру современных экономических отношений». Если этого нет, «придется мириться с тем, что есть, брать то, что дает действительность». В этом случае «здание социалистической организации будет строиться руками правительства, а не класса, не народом, а "сверху". Национальным производством будет заведовать социалистическая каста». И относительно входящих в нее лиц «не может быть никаких гарантий в том, что они не пожелают воспользоваться захваченной ими властью для целей, не имеющих ничего общего с интересами рабочего класса». В результате социальная революция приведет к «обновленному царскому деспотизму на коммунистической подкладке». (Избр. фил. соч. в пяти томах, т. 1, с. 103 – 108, 323). Не напоминает ли приведенное высказывание участь партии большевиков и её вождей?

Позиции Плеханова придерживались и другие бывшие члены первой российской социал-демократической организации «Освобождение труда» (П. Б. Аксельрод, Л. Г. Дейч, В. И. Засулич), которые с 1883 г. (когда Ленину было всего 13 лет) уже занимались переводом произведений классиков и пропагандой марксизма в России. Ленин очень не любил, когда ему приводили подобные высказывания классиков и их последователей, презрительно называя их «петрушкиными цитатами» (см. ПСС, т. 9, с. 409).

И вот - ему, а затем Сталину пришлось брать действительность такой, какой она была. Отсталые экономические отношения заставили Ленина «производить коммунистические опыты»: шарахаться от политики военного коммунизма к капиталистической НЭП, называть приход к власти большевиков то революцией, то октябрьским переворотом. Российская отсталость привела к деспотизму на коммунистической подкладке. А сформировавшаяся советская партийно-государственная каста, в конце концов, присвоила себе достояние всего советского общества.

Таков результат творческого подхода марксистов-ленинцев к марксизму, применение его к отдельной стране с низким для коммунистического строительства уровнем развития производительных сил и, прежде всего, с малограмотностью большинства крестьянского населения. 28 октября 1917 года в письме к петроградским рабочим Плеханов разъяснял: *Крестьянству нужна земля, в замене капиталистического строя социалистическим оно не нуждается. Больше того, хозяйственная деятельность крестьян, в руки которых перейдет помещичья земля, будет направлена не в сторону социализма, а в сторону капитализма». И здесь Георгий Валентинович оказался прав.*

В 1921 г. большевикам пришлось отказаться от политики военного коммунизма, направленной на ликвидацию товарно-денежных отношений, в том числе из-за нежелания крестьян снабжать города продуктами путем прямого безденежного продуктообмена.

В речи «К четырехлетней годовщине октябрьской революции» в 1921 г. Ленин признавал: *«Мы рассчитывали, поднятые волной энтузиазма, разбудившие народный энтузиазм сначала общеполитический, потом военный, мы рассчитывали осуществить непосредственно на этом энтузиазме столь же великие (как и общеполитические, как и военные) экономические задачи. Мы рассчитывали – или, может быть, вернее будет сказать: мы предполагали без достаточного расчёта – непосредственными велениями пролетарского государства наладить государственное производство и государственное распределение продуктов по-коммунистически в мелкокрестьянской стране.*

Жизнь показала нашу ошибку» (Ленин В.И. ПСС, т.44, с.151).

Сталин в ходе индустриализации и коллективизации, по существу, уничтожил крестьянство. Но вчерашний мужик, став рабочим и вступив в ряды партии, повел страну по рыночным рельсам в сторону классического капитализма. Туда и привел. Экономические преобразования, осуществленные в советский период с помощью «энергии рывка молодого капитализма» на «коммунистической подкладке», безусловно, приблизили страну к развитым капиталистическим странам, а по некоторым показателям даже их обогнали. Это был уникальный исторический опыт попытки строительства справедливого общества социалистически-ориентированной надстройкой на полукапиталистическом базисе. Сейчас уже Россия по уровню развития производительных сил несравнима с той, которой она была в 1917 г. Вряд ли она достигла бы такого результата в столь короткий срок, если бы ее развитие происходило в рамках классического капитализма с буржуазно-демократической надстройкой.

Мобилизационный тип плановой советской экономики с огосударствленными средствами производства ускорил развитие национальных производительных сил путем индустриализации промышленности, коллективизации сельхозпроизводства и культурной революции, развития социальной сферы, общественных фондов потребления. За десять лет СССР преодолел путь, который странам с классическим капитализмом пришлось пройти за 100 лет. В результате была создана уникальная историческая общественная модель, названная социализмом, которая не вышла за рамки своеобразного государственного капитализма.

Идеалистическое преувеличение роли передовой надстройки в диалектической связи с отсталым базисом

В ходе исследований классики установили, что в период первобытнообщинного варварства не существовало разделения отношений на базисные и надстроечные, так как не существовало разделения материальной и нематериальной сферы деятельности человека. Это разделение возникло позже, вместе с историческим формированием общественного разделения труда и появлением прибавочного продукта, позволившего нематериальной сфере отделиться от сферы материального производства. В «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс отметили: **«Разделение труда становится действительным разделением лишь с того момента, когда появляется разделение материального и духовного труда»...**

В той же работе они пишут: **«Наибольшее разделение материального и духовного труда, – это отделение города от деревни. Противоположность между городом и деревней начинается вместе с переходом от варварства к цивилизации, от племенного строя к государству, от местной ограниченности к нации и проходит через всю историю цивилизации вплоть до нашего времени...»**

Вместе с городом появляется и необходимость администрации, полиции, налогов и т. д. – словом, общинного политического устройства [des Gemeindewesens], а тем самым и политики вообще».

Дальнейшее развитие общественного разделения труда привело к возникновению классов и государства.

Окончательно разделение общественных отношений на базисные и надстроечные произошло именно вместе с возникновением государственности.

В «Анти-Дюринге» Энгельс разъяснял: **«Пока совокупный общественный труд дает продукцию, едва превышающую самые необходимые средства существования всех, пока, следовательно, труд отнимает все или почти все время огромного большинства членов общества, до тех пор это общество неизбежно делится на классы. Рядом с этим огромным большинством, исключительно занятым подневольным трудом, образуется класс, освобожденный от непосредственно производительного труда и ведающий такими общими делами общества, как управление трудом, государственные дела, правосудие, науки, искусства и т.д.»**

С появлением государства базисные отношения собственности, внутри которых всегда развиваются производственные отношения, стали находить свое отражение в государственной политико-правовой надстройке, как отражение бытия в сознании. Надстройка включает в себя форму государственности, политические институты и правовую систему. Она оказывала и оказывает прямое воздействие на экономический базис путем правового регулирования отношений собственности. Она может содействовать развитию производственных отношений, если находится в русле объективных экономических законов, через регулирование отношений собственности, а также внедрения передовых технологий. А может тормозить их развитие.

Помимо политических и юридических институтов, в надстройке заняли свое место также культура, идеология, в том числе религиозная, философия и иные воззрения конкретного исторического периода. Эти элементы надстройки действовали и действуют на базис не прямо, а косвенно через соответствующие экономическому базису идеологию, философию, культурно-нравственные институты. Таким образом, взаимосвязи базиса и надстройки весьма сложны.

Постепенно в ходе исторического развития в науке и общественном сознании сложилось идеалистическое представление, что государственно-политическая и правовая надстройка, идеологические, религиозные, философские и иные воззрения являются первичными в общественном бытии. Все другие отношения якобы вторичны. Поэтому для смены общественных отношений на более совершенные, умным и справедливым людям достаточно взять власть, т.е. совершить политическую революцию. А уж они установят гармонию, через принятие новых правовых норм, независимо от состояния экономических отношений. Это заблуждение служило теми граблями, на которые наступали многие революционеры-утописты, покорявшие вершины власти.

Как отмечали основоположники коммунистической теории, такое представление было преобладающим до середины 19 столетия. Затем ему было противопоставлено разработанное в основном Марксом материалистическое понимание истории, с первичностью экономических отношений (базиса) и вторичностью надстройки.

Однако идеалистический метод мышления, согласно которому юридические установления представляются первичными по отношению к действительно существующим экономическим отношениям, все еще распространен. Его носители утверждают, что вначале принимаются правовые нормы, а затем уже на их основе возникают экономические отношения. Такое представление было опровергнуто Энгельсом в совместной написанной с Каутским статье под названием «Юридический социализм» (К. Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч., 2-е изд. Том 21). В статье ее авторы пишут: **«Поскольку товарообмен в масштабе общества и в своем наиболее развитом виде вызывает, особенно благодаря системе авансирования и кредита, сложные договорные отношения., которые могут быть даны только обществом в целом, как правовые нормы, установленные**

государством, - постольку создано представление, будто эти правовые нормы обязаны своим возникновением не экономическим фактам, а формальным установлениям, вводимым государством».

Далее они утверждают, что Маркс «своим материалистическим пониманием истории доказал, что все юридические, политические, философские, религиозные и тому подобные представления людей, в конечном счете, определяются экономическими условиями их жизни, их способом производства и обмена продуктов. Тем самым было выдвинуто мировоззрение, отвечающее условиям жизни и борьбы пролетариата; отсутствию собственности у рабочих могло соответствовать только отсутствие иллюзий в их головах...

Борьба обоих мировоззрений, само собой разумеется, еще продолжается, и не только между пролетариатом и буржуазией, но и между свободно мыслящими рабочими и рабочими, находящимися еще во власти старых традиций».

Продолжается эта борьба и ныне внутри коммунистического движения, так как часть левых еще находится под властью старых буржуазных взглядов. Особенно они распространены среди сторонников сталинского «марксизма-ленинизма».

Способствовало формированию таких взглядов, как представляется, обоснование Лениным и партией того, что передовая политико-правовая и идеологическая коммунистическая надстройка может быть первичной по отношению к отсталому полукапиталистическому экономическому российскому базису, что передовое сознание узкого слоя революционеров определит новое передовое бытие, изменит экономические отношения и сознание советских людей.

Тем самым, по существу, отрицалось основное положение материализма о том, что общественное бытие определяет общественное сознание, а не наоборот, что, в конечном счете, экономический базис определяет надстройку, что передовая надстройка не может длительное время соответствовать отсталому базису. Маркс отмечал, что именно способ «производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процесс жизни вообще... Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание» (Маркс К. К критике политической экономии). Конечно, классики не отрицали относительной самостоятельности надстройки и даже её обратного влияния на базис.

В письме Мерингу Энгельс разъяснял, что " не признавая самостоятельного исторического развития различных идеологических областей, играющих роль в истории, мы отрицаем и всякую возможность их воздействия на историю. В основе этого лежит шаблонное, недиалектическое представление о причине и следствии как о двух неизменно противостоящих друг другу полюсах, и абсолютно упускается из виду взаимодействие. Эти господа часто почти намеренно забывают о том, что историческое явление, коль скоро оно вызвано к жизни причинами другого порядка, в конечном итоге экономическими, тут же в свою очередь становится активным фактором, может оказывать обратное воздействие на окружающую среду и даже на породившие его причины" (Энгельс Ф. Письмо Ф. Мерингу, 14 июля 1893 г. - Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 39, с. 82-84).

В письме В. Боргиусу он уточнял: "Политическое, правовое, философское, религиозное, литературное, художественное и т.д. развитие,

основано на экономическом развитии. Но все они также оказывают влияние друг на друга и на экономический базис. Дело обстоит совсем не так, что только экономическое положение является причиной, что только оно является активным, а все остальное - лишь пассивное следствие. Нет, тут взаимодействие на основе экономической необходимости, в конечном счете, всегда прокладывает себе путь" (Энгельс Ф. Письмо В.Боргиусу, 25 января 1894 г. - Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 39, с. 174-175, 176). И все же, как видим, в основе взаимодействия надстройки и базиса всегда лежит экономическая необходимость.

Но никогда классики не считали воздействие надстройки на базис первичным. В конечном счете, экономические отношения определяют отношения и в сфере государственно-правовой, и в сфере идеологической, и в сфере науки, и в сфере культуры.

В.И. Ленин, видимо, под впечатлением проштудированной им «Науки логики» Гегеля, пришел к противоположному, по существу - идеалистическому выводу, что передовым сознанием группы людей, взявших власть и установивших новую надстройку над старым базисом, можно перескочить через естественные фазы развития общества, отменив последние декретами.

Под этот вывод им даже была подведена философская основа. *«...Противоположность материи и сознания,- отмечал Ленин,- имеет абсолютное значение только в пределах очень ограниченной области: в данном случае исключительно в пределах основного гносеологического вопроса о том, что признать первичным и что вторичным. За этими пределами относительность данного противоположения несомненна»* (Ленин В.И. ПСС, т., 18, с. 151). Следовательно, по Ленину, противоположность материи и сознания (первичность первой и вторичность второго) абсолютна только в пределах основного вопроса философии. За пределами философии, т.е. в сфере бытия все это относительно. В ходе исторического развития общества сознание может быть первичным по отношению к материи, к бытию.

Действительно, в диалектической взаимосвязи общественного бытия и сознания, базиса и надстройки определяющее значение этих противоположностей в процессе их взаимодействия может меняться. В конкретных исторических условиях влияния надстройки на базис может быть существенным. Но такое явление не может длиться долго. Взаимодействие на основе экономической необходимости, в конечном счете, всегда проложит себе путь.

Однако иначе рассуждал Ленин. Так, например, в записках Суханову 1923 г. под названием «О нашей революции» Ленин в споре с ним писал: *«Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать, каков именно этот определенный «уровень культуры», ибо он различен в каждом из западноевропейских государств), то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а потом уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы».*

Затем, отстаивая свою позицию, Ленин не нашел ничего лучшего, как сослаться на известное высказывание Наполеона: *«Сначала надо ввязаться в серьезный бой, а там уже видно будет»* (Ленин. В.И. ПСС., т.45., с.380, 381).

Что это, если не самый настоящий авантюризм?

Авантюризм взявшей власть партии большевиков во главе с Лениным выразился, прежде всего, в том, что ввязавшись в серьезный бой по

перепрыгиванию через естественные фазы развития общества с помощью передовой надстройки, пойдя на коммунистические эксперименты, их инициаторы не имели продуманной социально-экономической программы.

Была программа захвата власти, революционного слома старого государственного аппарата, программа установления диктатуры партии, названной диктатурой пролетариата, так как не было в достаточном количестве самого пролетариата. Что же касается экономики, то вначале считалось, что российскому пролетариату нужно было продержаться до победы социалистической революции на Западе. Когда этого не произошло, стали считать, что для установления социализма достаточно национализировать средства производства, умело организовать всеобщее принуждение к труду, наладить строжайший учет и распределение через разверстку отобранного у крестьян продовольствия по промышленным предприятиям, превратить всю экономику в единый, централизованно управляемый механизм. При этом уровень развития производительных сил из расчета исключался.

Легкость взятия власти, энтузиазм народных масс, обстановка приближающихся пролетарских революций в Европе породили у многих веру в скорое осуществление поставленных задач.

В мае 1918 г. Н.И.Бухарин, например, утверждал: *«Переход к коммунистическому строю означает переход к такому строю, где не будет никаких классов, никакого классового различия между людьми, а где все в равной мере будут не наемными работниками, а общественными работниками. К подготовке этого строя нужно переходить немедленно»*. В качестве непосредственной цели такого перехода ставилась задача построения крупного, планомерно организованного, безденежного хозяйства. Для Н.И.Бухарина будущее общество – это громадная трудовая артель, где центральное статистическое бюро указывает, сколько нужно произвести сапог, брюк, ваксы, колбасы, пшеницы и сколько для этого на каждом предприятии должно работать человек. Поэтому и переход к подобному обществу намечался им по линии уничтожения всех маленьких предприятий, сосредоточения всей работы только на самых крупных фабриках и землях. В итоге весь мир станет *«одним трудовым предприятием, где всё человечество по одному строго выработанному, просчитанному и промеренному плану работает на себя, без всяких хозяев и капиталистов, на самых лучших машинах, на самых крупных заводах»*.

Такая форма организации экономики, безусловно, предполагала и отмену денег в результате национализации и уничтожения торговли, перехода к **«правильному распределению продукта на основе учета потребностей и учета запасов»**. Сразу после прихода к власти большевиками была введена всеобщая трудовая повинность, созданы трудовые армии, началась замена рыночных механизмов распределения административными, велась жесточайшая борьба с нарушениями трудовой дисциплины и т. д. Эта программа, названная военным коммунизмом, вполне серьезно считалась необходимой и достаточной для окончательной победы социализма. Она вроде бы соответствовала марксистской теории.

Вот только авторами игнорировались два существенных марксистских условия, во-первых, необходимость для таких преобразований высокого уровня развития не только национальных, но и мировых производительных сил, а, во-вторых, необходимость коммунистических революций в передовых странах капитала с целью создания основы для перехода к коммунистической формации. Эта основа давала бы толчок коммунистическому развитию и в отсталых странах,

какой была Россия. При переходе к полному коммунизму (первая фаза) она давала бы возможность:

- во-первых, преодолевать подчинение человека общественному разделению труда;

- во-вторых, отказаться от стоимостного товарного производства и товарного обмена;

- в третьих, удовлетворять необходимые потребности общества и каждого индивида достаточным количеством выпускаемой продукции. В тогдашней России ничего этого еще не было. Не достигло тогда такого уровня и мировое хозяйство. Поэтому партии постоянно приходилось выдавать желаемое за действительное.

В статье «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата», опубликованной к двухлетнему юбилею Советской власти в газете «Правда» от 7 ноября 1919 г., Ленин писал: *«Труд объединен в России коммунистически постольку, поскольку, во-первых, отменена частная собственность на средства производства, и поскольку, во-вторых, пролетарская государственная власть организует в общенациональном масштабе крупное производство на государственной земле и в государственных предприятиях, распределяет рабочие силы между разными отраслями и предприятиями, распределяет массовые количества принадлежащих государству продуктов потребления между трудящимися...»*

Государственная организация крупного производства в промышленности, переход от «рабочего контроля» к «рабочему управлению» фабриками, заводами, железными дорогами – это, в основных и главнейших чертах, уже осуществлено...» (Ленин В.И. ПСС, т.39, с. 273).

Однако в том, что для коммунистических преобразований необходим высокий уровень развития производительных сил и, прежде всего, высокий интеллектуальный уровень развития человека, как основной производительной силы, партии во главе с Лениным пришлось убедиться быстро. Эксперимент под названием «военный коммунизм» к 1921 г. с треском провалился. К концу военной интервенции и гражданской войны такая политика привела к тяжелейшему экономическому положению. В ряде регионов страны в результате засухи, а также того, что единоличные крестьяне сократили посевные площади из-за продразверстки, разразился голод и эпидемии, сопровождавшиеся народными волнениями и мятежами. Произошло, как и предупреждали Маркс с Энгельсом, **«всеобщее распространение бедности»**. Поэтому Ленину и партии пришлось признать такие коммунистические опыты преждевременными и ошибочными.

В речи «Новая экономическая политика и задачи политпросветов. Наша ошибка» он разъяснял: *«В начале 1918 г. мы рассчитывали на известный период, когда мирное строительство будет возможно. По заключении Брестского мира опасность, казалось, отодвинулась, можно было приступить к мирному строительству.»*

Но мы обманулись, потому что в 1918 г. на нас надвинулась настоящая военная опасность – вместе с чехословацким восстанием и началом гражданской войны, которая затянулась до 1920 года. Отчасти под влиянием нахлынувших на нас военных задач и того, казалось бы, отчаянного положения, в котором находилась тогда республика, в момент окончания империалистической войны, под влиянием этих обстоятельств и ряда других, мы сделали ту ошибку, что решили произвести непосредственный переход к коммунистическому производству и распределению.»

Мы решили, что крестьяне по разверстке дадут нужное нам количество хлеба, а мы разверстаем его по заводам и фабрикам, – и выйдет у нас коммунистическое производство и распределение. Не могу сказать, что именно так определенно и наглядно мы нарисовали себе такой план, но приблизительно в этом духе мы действовали. Это, к сожалению, факт. Я говорю: к сожалению, потому что не весьма длинный опыт привел нас к убеждению в ошибочности этого построения, противоречащего тому, что мы раньше писали о переходе от капитализма к социализму, полагая, что без периода социалистического учета и контроля подойти хотя бы к низшей ступени коммунизма нельзя» (Ленин В.И. ПСС, т.44 с.157).

С идеей перепрыгивания через формацию в отдельной стране на отсталом базисе и построения коммунизма на одном энтузиазме, волей советского государства пришлось расстаться. Видимо, вспомнили классиков, которые предупреждали, что в таких условиях первая фаза коммунизма состояться не может. Пришлось возвращать страну к капитализму, который обладает свойством ускоренными темпами укрупнять и ускорять производство.

Но отдать власть буржуазии, как предлагали некоторые соратники, для Ленина и партии было смерти подобно. Поэтому было решено развивать экономический базис с помощью государственного капитализма, но под руководством партии большевиков и советской власти. После чего уже речь пришлось вести о построении не социализма, а лишь основ для него через программу НЭП. (Ленин В.И. ПСС, т. 45, с. 370).

Эсеровские крестьянские восстания, вызванные голодом и эпидемиями, были подавлены подразделениями Красной Армии. Программой НЭП была возвращена частная торговля, т.е. стоимостной товарно-денежный обмен. Допускалась частная собственность на средства производства, на смешанные с иностранным капиталом предприятия. Появились биржи труда, стал применяться наемный труд. В деревне продразверстка была заменена продналогом. У крестьян появилась возможность торговать излишками продуктов. Однако ключевые отрасли остались в руках государства.

В «Плане доклада о новой экономической политике на VII Московской губпартконференции» (октябрь 1921 г.) Ленин наметил путь: «β) *От непосредственного социалистического строительства к государственному капитализму.*

γ) От государственного капитализма к государственному регулированию торговли и денежного обращения» (ПСС, Т. 44, С. 471-472). \

На VII Московской губпартконференции 29-31 октября 1921 г. он разъяснял: «*Оживление экономической жизни, – а это нам нужно во что бы то ни стало, – повышение производительности, что нам также нужно во что бы то ни стало, – все это мы уже начали получать посредством частичного возврата к системе государственного капитализма. От нашего искусства, от того, насколько правильно мы применим эту политику дальше, будет зависеть и то, насколько удачны будут дальнейшие результаты...*

Мы должны сознать, что отступление оказалось недостаточным, что необходимо произвести дополнительное отступление, еще отступление назад, когда мы от государственного капитализма переходим к созданию государственного регулирования купли-продажи и денежного обращения.

Теперь мы очутились в условиях, когда должны отойти еще немного назад, не только к государственному капитализму, а и к государственному

регулированию торговли и денежного обращения. Лишь таким, еще более длительным, чем предполагали, путем можем мы восстанавливать экономическую жизнь. Восстановление правильной системы экономических отношений, восстановление мелкого крестьянского хозяйства, восстановление и поднятие на своих плечах крупной промышленности. Без этого мы из кризиса не выберемся...

Восстановление капитализма, развитие буржуазии, развитие буржуазных отношений из области торговли и т. д., – это и есть та опасность, которая свойственна теперешнему нашему экономическому строительству, теперешнему нашему постепенному подходу к решению задачи гораздо более трудной, чем предыдущие. Ни малейшего заблуждения здесь быть не должно.

Мы должны понять, что теперешние конкретные условия требуют государственного регулирования торговли и денежного обращения и что именно в этой области мы должны проявить себя» (ПСС, т. 44, с. 212–213).

Итак, выбираться из кризиса было решено через государственный капитализм с товарно-денежными отношениями. Следует подчеркнуть, что государственное регулирование торговли и денежного обращения Ленин считал дополнительным отступлением от социализма.

В ноябре 1922 г. в своем последнем в жизни выступлении на пленуме Моссовета, подводя итоги пятилетнему существованию Советской власти, Ленин выразил уверенность, что **«из России нэповской будет Россия социалистическая»**.

Ленин предполагал, что на мелкобуржуазном и госкапиталистическом базисе будет продолжительное время (НЭП – «всерьез и надолго») существовать надстройка, ориентированная на социализм. А затем соответствующая политика, право, идеология, культура преобразуют госкапиталистический базис в социалистический. (Ленин В.И. О кооперации. ПСС, т.45, с.369–377).

Глубокие переживания Ленина по поводу допущенных ошибок, приведших к тяжелому экономическому положению, большим жертвам в ходе гражданской войны, голоду и эпидемиям, необходимости подавления крестьянских бунтов, унесших сотни тысяч жизней, а также переживания по поводу возможности утери власти большевиками, видимо, усугубили болезненное состояние его здоровья.

И здесь, как представляется, Г.В.Плеханов, который умер 30 мая 1918 г., оказался предсказателем. В политическом завещании он писал: *«Ленин – это Робеспьер 20-го века. Но если последний отсек головы нескольким сотням невинных людей, Ленин отсечет миллионам. В этой связи мне вспоминается одна из первых встреч с Лениным, которая, по-моему, состоялась летом 1895 года в кафе Landolt. Зашел разговор о причинах падения Якобинской диктатуры. Я в шутку сказал, что она рухнула, потому что гильотина слишком часто секла головы. Ленин вскинул брови и совершенно серьезно возразил: "Якобинская республика пала, потому что гильотина слишком редко секла головы. Революция должна уметь защищаться!" Тогда мы (присутствовали П.Лафарг, Ж.Гэд и, кажется, Ш.Лонгэ) только улыбнулись максимализму г. Ульянова. Будущее, однако, показало, что это не было проявлением молодости и горячности, а отражало его тактические взгляды, которые уже в то время были четко сформулированы. Судьба Робеспьера хорошо известна. Не лучшей будет и судьба Ленина: революция, совершенная им, страшнее мифического Минотавра; она съест не только своих детей, но и своих родителей. Но я не желаю ему судьбы Робеспьера. Пусть Владимир Ильич доживает до того времени, когда со всей очевидностью поймет ошибочность своей тактики и*

содрогнется содеянному».

И Владимир Ильич, надо полагать, в 1921 г. содрогнулся от результатов политики военного коммунизма. Он отказался от немедленного перехода к социализму, предложил вернуться к капиталистическому базису, но с надстройкой, нацеленной на социализм. В этом же году он смертельно заболел, перенес три инсульта, с утерей речи.

Когда наступало улучшение во время болезни, Ленин в споре с оппонентами, в предсмертных письмах 1923 г. продолжал настаивать на возможности социалистического строительства на отсталом базисе. Он не очень жаловал классиков, а также их последовательных сторонников, которые критиковали его и большевиков за авантюризм и отступление от принципиальных положений марксистской теории. Так, в письме «О кооперации» он называет их «педантами». *«Нам наши противники, – пишет он, – не раз говорили, что мы предпринимаем безрассудное дело насаждения социализма в недостаточно культурной стране. Но они ошиблись в том, что мы начали не с того конца, как полагалось по теории (всяких педантов), и что у нас политический и социальный переворот оказался предшественником тому культурному перевороту, той культурной революции, перед лицом которой мы всё-таки теперь стоим»* (Ленин В.И. ПСС, т.45, с.377).

Более того, тех, кто мыслил в русле марксистской теории, он в письме «О нашей революции» именуется ещё и «дураками» (там же, с. 382).

Относительно места госкапитализма в экономике переходного от капитализма к коммунизму периода, необходимо отметить, что в теоретическом плане, еще до октября 1917 г. внутри партии большевиков наметились противоположные точки зрения и, в частности, между Лениным и его сторонниками, с одной стороны, Бухариным и его сторонниками – с другой. Известно, что о государственном капитализме, о буржуазном государстве, но без буржуазии на переходе от капитализма к коммунизму, Ленин писал еще в сентябре 1917 г. в своей книге «Государство и революция».

Теоретическая дискуссия между В.И. Лениным и Н.И.Бухариным о госкапитализме своими корнями уходила в их дореволюционные исследования проблем империализма, сочетаясь с различиями в оценках степени экономической зрелости хозяйства России.

Ленин, после неудавшегося эксперимента с военным коммунизмом, рассматривал государственный капитализм как необходимый, требующий значительного времени переход от отсталой экономики уже не к коммунизму, а только к первой его фазе, к социализму. Против этой идеи резко выступил Н.И.Бухарин. Он доказывал абсолютную неприменимость государственного капитализма в условиях Советской России. Бухарин писал: *«Государственный капитализм при пролетарской диктатуре – это бессмыслица, сапоги всмятку. Ибо государственный капитализм предполагает диктатуру финансового капитала, это есть передача производства диктаторски организованному империалистическому государству. Точно таким же вздором является государственный капитализм без капиталистов. „Некапиталистический капитализм“ – ведь это верх путаницы, до которой можно дойти».* Но Ленин продолжал отстаивать свою позицию.

С переходом к НЭП взгляды Бухарина, однако, претерпели резкое изменение. Из противника он превратился в адепта госкапиталистического базиса под надстройкой, нацеленной на социализм. Более того, Бухарин, Троцкий, Радек,

Зиновьев, Сокольников, Каменев, Шляпников и Рыков стали требовать, с целью ускорения индустриализации страны, сдачи частному капиталу и ряда командных высот, то есть крупных предприятий на началах концессии или смешанных акционерных обществ. Но эти требования не были поддержаны.

С введением НЭП в СССР произошел возврат к элементам капитализма. Вновь начали действовать законы стоимости, товарного производства и обмена, частично была введена частная собственность на средства производства. С 1925 года, вопреки позиции Ленина, все это вместо госкапитализма стали называть социализмом.

НЭП формально была свернута к 1929 г. Частная собственность на средства производства была полностью ликвидирована. Они были огосударствлены. Но возврата к непосредственно коммунистическим преобразованиям путем целенаправленного преодоления подчинения человека разделению труда, законам товарного производства и обмена через создание сети производственно-потребительных коммун не произошло, а был взят курс на всемерное развитие советской государственной торговли. При этом Сталин ссылаясь на соответствующие высказывания Ленина периода провала политики военного коммунизма. После формального сворачивания НЭП хозяйственный механизм продолжал быть ориентирован не на развитие прямого продуктообмена, а на стоимостные показатели государственного товарного производства и обмена. Бюджет страны исчислялся в денежном выражении и капиталовложениях. Соответственно, оставались банки и кредиты. Оставался и наемный труд, в котором в качестве работодателя уже выступало государство. Советская партийная и государственная бюрократия, конечно, не растаскивала капитал по карманам. Но она имела ощутимые привилегии.

В экономике действовал закон капиталистического накопления и общественного разделения труда, а в сфере управления – закон развития бюрократии, как продукта разделения труда. Сельские труженики не имели паспортов и тем самым пожизненно прикреплялись к земле – в основном, к физическому труду и отсталости. Иное дело было в городах, особенно центральных. Все это и, прежде всего, разделение труда между городом и деревней, а также товарно-денежный обмен, указывали на наличие в СССР частной собственности, поскольку, согласно классикам, разделение труда и обмен являются ее формой.

Выражением отношений частной собственности в СССР также был наёмный характер труда, который в материальном производстве оплачивался с ориентацией на стоимость рабочей силы. Вот как характеризовал тот период в упомянутой ранее статье «Агония мелкобуржуазной диктатуры» Т.В. Сапронов: *«Положение рабочего класса у нас характеризуется в основном тем же, что и во всем мире, т. е. существованием его раб[очей] силы как товара. Зарплата устанавливается произволом государственных чиновников. Рабочие не только не участвуют в определении цены своего товара - раб[очей] силы, - но они лишены даже возможности влиять на это определение. Рабочая сила здесь не только товар, но товар, находящийся в худших условиях сбыта, чем в капиталистическом обществе. Рабочий лишен элементарного права выбирать себе работу. Он лишен всяких средств защиты от жестокой эксплуатации предпринимателем – государством»...*

«Беглый анализ нашего хозяйства,- писал он, - с неизбежностью требует вывода, что это хозяйство с точки зрения научного социализма не может быть подведено ни под какое другое определение, как своеобразный, уродливый

госкапитализм».

И далее: «Не всякий госкапитализм Маркс и Энгельс считали прогрессивным. "Когда их [средств производства] огосударствление станет экономически неизбежным, только тогда – даже если его совершит современное государство – оно будет экономическим прогрессом". Но это еще не социализм и не четверть, и даже не сотая часть социализма, а лишь является "новым шагом по пути к тому, чтобы само общество взяло в свое владение все производительные силы».

В классических марксистских источниках вполне определенно обозначены последствия, которые влечет за собой развитие отношений найма для общественного устройства. Это всё более заметное отделение государства от общества; исход населения из сельской местности и появление больших городов, находящихся в постоянном развитии; всё более широкое разделение труда, порабощающее производителя; растущее противоречие между физическим и умственным трудом; отделение школы от производительного труда; неравноправие мужчины и женщины.

Госкапиталистический характер базиса, с его разделением труда, соответствующим образом отражался на политической и правовой надстройке. Быстрыми темпами развивалась советская государственная бюрократия. Политические институты все более приобретали буржуазный парламентский характер. Руководство ВКП(б) и КПСС отрывалась от масс. Оно имело значительные привилегии по сравнению с рядовыми членами партии. Буржуазный характер приобретали и государственные институты управления. Некоторые правовые институты заимствовали нормы буржуазного права – прежде всего, гражданского. Деформации подверглась марксистская коммунистическая идеология, происходило заигрывание с религией. Влияние госкапиталистических базисных экономических отношений сказывалось и на философии. Стали развиваться идеалистические концепции. Аналогичному воздействию все более подвергалась культура, особенно в послесталинский период. Все эти факторы указывали на развитие в стране капиталистически-рыночных отношений, названных социализмом.

В конечном итоге, советский госкапитализм в форме государственного социализма не избежал экономического и политического кризиса, как и вся система мирового капитализма. В результате кризиса СССР потерпел катастрофу, во многом были разрушены и советские производительные силы.

Такой конец и предсказывал и Т.В. Сапронов в вышеупомянутой его статье 1932 года. Он писал: *«Все средства производства, в основном, как в городе, так и в деревне, огосударствлены, вся продукция является собственностью государства. Государство организует производство, оно же торгует. Для ведения управленческих, производственных и торговых функций создавалась армия чиновников в несколько миллионов. Эта армия не производит, но потребляет лучший кусок произведенного. Она сложилась в социальный слой, заинтересованный в эксплуатации города и деревни...»*

С точки зрения исторического развития капитализма наш госкапитализм не только не является высшей формой развития капитализма, а, скорее, его первичной формой, формой - в своеобразных условиях - первоначального капиталистического накопления; он является переходным от пролетарской революции к частному капитализму...

Вся политика бюрократического режима, концентрация средств

производства города и деревни в его руках и неумение его организовать производство при удушении рабочего класса с неизбежностью ведет к передаче средств производства в руки отечественной и мировой буржуазии...

Не в единстве раб[очего] класса и консолидации его сил ищет бюрократия спасения, а в его расколе, в натравливании друг на друга его отдельных отрядов.

В деклассировании раб[очего] класса, в его бесправи, в деклассировании крестьян ценою разрушения производительных сил, в преследовании бедняка и середняка паразитическая диктатура ищет спасения. Но такая политика не спасает, а лишь несколько отсрочивает гибель этой диктатуры.

Чем дольше будут такого рода отсрочки, тем катастрофичней будет ее падение».

Здесь, с точки зрения классического марксизма, можно не согласиться с Сапроновым только в том, что советский госкапитализм являлся «*переходным от пролетарской революции к частному капитализму*». Ведь, по существу, взятие власти большевиками в октябре 1917 г. не было социальной, пролетарской революцией, так как не было в достаточном количестве и самого пролетариата. Как уже отмечалось, в России в феврале 1917 г. состоялась социальная буржуазная революция, которая была доведена до конца только в октябре 1993 г. Ее продолжение ныне осуществляется на Украине.

В октябре 1917 г. большевики взяли власть, тем самым совершив лишь политическую революцию, но не социальную.

Итак, советский госкапиталистический базис, в конце концов, смел надстройку, ориентированную на социализм, приведя ее в соответствие с развивавшимися экономическими рыночными отношениями. Он смел ленинско-сталинскую идеологию, советскую науку и культуру, политические и правовые институты. Таким образом, госкапиталистическое бытие определило госкапиталистическое общественное сознание. Приход к власти большевиков в отсталой России и установление политической и идеологической надстройки, направленной на строительство социализма, над неразвитым капиталистическим способом производства сократили муки родов, но, как теперь уже очевидно, не коммунизма, а более развитого, чем в 1917 г., капитализма.

Деформация марксистской теории относительно первой фазы коммунизма

Прежде всего, необходимо отметить, что классики не применяли такой термин неопределенного содержания, как «социализм».

Они использовали термин «коммунизм» в значении «общий, всеобщий». Понятие «коммунизм» Маркс и Энгельс вводят в научный и политический оборот намеренно, чтобы дистанцироваться от множества «социализмов», которые расплодились к тому времени и представляли собой всего лишь мечты добропорядочного бюргера о счастье и справедливости.

Маркс и Энгельс отказались от понятия «социализм» ещё при написании «Манифеста коммунистической партии» в 1847 г.

В Предисловии к английскому изданию Манифеста 1888 г. читаем: **«И всё же, когда мы писали его, мы не могли назвать его социалистическим манифестом. В 1847 г. под именем социалистов были известны, с одной стороны, приверженцы различных утопических систем: оунисты в Англии,**

фурьеристы во Франции, причем и те и другие уже выродились в чистейшие секты, постепенно вымиравшие; с другой стороны, – всевозможные социальные знахари, обещавшие, без всякого вреда для капитала и прибыли, устранить все социальные бедствия с помощью всякого рода заплата. В обоих случаях это были люди, стоявшие вне рабочего движения и искавшие поддержки скорее у образованных классов. А та часть рабочего класса, которая убедилась в недостаточности чисто политических переворотов и провозглашала необходимость коренного переустройства общества, называла себя тогда коммунистической.... А так как мы с самого начала придерживались того мнения, что «освобождение рабочего класса может быть делом только самого рабочего класса», то для нас не могло быть никакого сомнения в том, какое из двух названий нам следует выбрать. Более того, нам и в последствии никогда не приходило в голову отказываться от него» (Маркс К. и Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии. М., Изд. полит. лит., 1980, с.10–11). Очевидно, что этот термин был в ходу во II Интернационале, членом которого была РСДРП(б) во главе с В.И. Лениным. По мнению некоторых авторов, термин «социализм» Ленин заимствовал также у Г.В. Плеханова, который в 1912 г. писал в одном из своих трудов, что первую фазу коммунистического общества принято называть социализмом, а высшую – коммунизмом (Газета Союза рабочих Москвы, № 3, октябрь 2012). Маркс же в «Критике Готской программы» говорит о двух фазах коммунизма – первой и более высокой.

Термин «социализм» Ленин широко использовал в своих произведениях и в официальных документах, нередко вкладывая в него различное содержание. Он, видимо, понимал, что о коммунизме в марксистском смысле, с учетом отсталости России, говорить не приходится.

В книге «Государство и революция» он разъяснял: *«То, что обычно называют социализмом, Маркс назвал «первой» или низшей фазой коммунистического общества. Поскольку общей собственностью становятся средства производства, постольку слово "коммунизм" и тут применимо, если не забывать, что это не полный коммунизм».* (Ленин В.И. ПСС, т.3, с.98).

Но по ходу проводимых преобразований партия во главе с Лениным столкнулась с трудностями в определении того, что предстоит строить: коммунизм, социализм или только основы для социализма.

Путаница с определением содержания этого понятия продолжалась весь советский период. В результате социализмом называли то, что им, с марксистской точки зрения, объективно не являлось.

Вначале социализмом (первой фазой коммунизма) называли период военного коммунизма.

Россия была названа социалистической уже в Конституции РСФСР 1918 года.

Статья 9 главы 5 Конституции гласила: *«Основная задача рассчитанной на настоящий переходный момент Конституции Российской Социалистической Федеративной Советской Республики заключается в установлении диктатуры городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства в виде мощной Всероссийской Советской власти в целях полного подавления буржуазии, уничтожения эксплуатации человека человеком и водворения социализма, при котором не будет ни деления на классы, ни государственной*

власти». А статья 10 прямо объявляла, что «Российская Республика есть свободное социалистическое общество всех трудящихся России».

Бросается в глаза очевидное противоречие ст.9 и ст.10. В первой речь идет о задаче только «водворения социализма», а во второй констатируется, что Российская Республика уже «*есть свободное социалистическое общество*». Причем в характеристику социалистического общества было включено отсутствие и классов, и государственной власти. При образовании СССР 30 декабря 1922 г. (в период введения госкапиталистической НЭП) социалистическими также были названы и советские республики. Явно в этих документах желаемое выдавалось за действительное по причине того, что тогда среди членов партии большевиков и ее лидеров была распространена известная точка зрения, согласно которой российское общество стало социалистическим сразу после взятия власти и национализации промышленности.

По ходу экономических преобразований, проводимых в стране, Ленин определял социализм по-разному. Когда принимался план ГОЭЛРО, он называл социализмом «советскую власть плюс электрификацию всей страны». В «Очередных задачах Советской власти», в апреле 1918 г., Ленин утверждал, что социалистическое «государство может возникнуть лишь как *сеть производительно-потребительских коммун*» (ПСС, Т. 36, С. 430). С введением НЭП, в работе «О кооперации» он уже называл социализм «строим цивилизованных кооператоров», занимающихся культурной торговлей (Ленин В.И. ПСС, т. 45, с.373). Такие определения социализма скорее можно назвать тактическими пропагандистскими лозунгами, чем научным содержанием этой категории, что усложняло её понимание. В теоретическом плане Ленин тогда стал вести речь лишь о создании основ для социализма через государственный капитализм.

После смерти Ленина 21 января 1924 г. эстафета невольного превращения марксизма из науки в утопию перешла к Сталину, который в содержание понятия «социализм» внёс еще большую путаницу.

Очередным шагом в этом направлении было принятие в 1925 г. решения о возможности построения полного социализма в отдельно взятом Советском Союзе, без поддержки мировой революцией. Вот как об этом говорится в Кратком курсе истории ВКП(б), который редактировал сам Сталин.

В 1925 г. перед партией встал вопрос: «Должны ли и можем ли мы построить социалистическое хозяйство, или нам суждено унавозить почву для другого, капиталистического хозяйства? Возможно ли вообще построить социалистическое хозяйство в СССР, а если возможно, то возможно ли его построить при затяжке революции в капиталистических странах и стабилизации капитализма? Возможно ли построение социалистического хозяйства на путях новой экономической политики, которая, всемерно укрепляя и расширяя силы социализма в стране, вместе с тем пока - что дает и некоторый рост капитализма? Как нужно строить социалистическое народное хозяйство, с какого конца нужно начать это строительство? Да, отвечала партия, социалистическое хозяйство можно и нужно построить в нашей стране, ибо у нас есть все необходимое для того, чтобы построить социалистическое хозяйство, построить полное социалистическое общество».

Налицо очевидное противоречие с тем, что было записано в конституциях РСФСР 1918 и 1925 г., где российское общество уже было названо социалистическим.

Необходимо отметить, что главными творческими теоретиками возможности победы социализма в СССР в этот период являлись Сталин и Бухарин. В теоретическом плане они расчленили победу социализма на победу полную и окончательную. При этом полная победа, по их мнению, могла быть достигнута без победы социалистических революций в других капиталистических странах, при отсутствии полной гарантии от реставрации капитализма, а окончательная победа, – только при наличии таких гарантий. Следовательно, делал правильный вывод Сталин, СССР был кровно заинтересован в победе пролетарской революции в капиталистических странах (История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков), Краткий курс, с.260). Однако это были лишь слова. Ранее было рассмотрено, как эти слова были реализованы на практике.

Опираясь на упомянутые работы Ленина 1915-1916 годов о возможности победы социализма в отдельно взятой стране, Сталин и Бухарин настаивали на возможности полной победы социализма в СССР без мировой революции.

ЦК партии потребовал обсуждения этих установок на XIV партийной конференции для придания им силы партийного закона. Против них выступили Троцкий и его сторонники.

Они отрицали возможность полной победы социализма в СССР без революции в европейских странах. Ортодоксальные марксисты Зиновьев и Каменев также считали невозможным построение социализма в СССР «*в виду его технико-экономической отсталости*». Они ушли в оппозицию к Сталину. Из оппозиционеров на стороне Сталина остался Н.И.Бухарин с его теорией мирного вращивания кулака в социализм. Эту теорию до сельскохозяйственного кризиса 1927 г. поддерживал и сам Сталин. 14-я партийная конференция в апреле 1925 г. осудила позицию Зиновьева и Каменева.

Она утвердила установки Сталина, приняв соответствующую резолюцию.

В декабре 1925 г. состоялся XIV съезд партии. Съезд утвердил резолюцию о возможности полного построения социализма в СССР как бесклассового общества без эксплуатации, и без государства. Отметим, в ней социализм назван бесклассовым обществом без государственности. Съезд отверг утверждения оппозиции, что советская промышленность в период НЭП не является социалистической, что середняк-крестьянин не может быть союзником рабочего класса при построении социализма. Зиновьев и Каменев подвергли критике тезис о возможности полной победы социализма в СССР без мировой революции. Они считали этот тезис выражением «национальной ограниченности». На съезде развернулась дискуссия, которая продолжалась и после его окончания.

Тем не менее, в основном решении съезда было записано: «*В области экономического строительства съезд исходит из того, что наша страна, страна диктатуры пролетариата, имеет «все необходимое для построения полного социалистического общества» (Ленин). Съезд считает, что борьба за победу социалистического строительства в СССР является основной задачей нашей партии*».

В 1926 г. возможности построения социализма в СССР Сталин посвятил главу в брошюре «К вопросам ленинизма», а Бухарин написал обширную статью «О характере нашей революции и о возможности победоносного социалистического строительства в СССР». В своей брошюре Сталин, прежде всего, подверг критике определение ленинизма, данное Зиновьевым. В статье «Памяти Ленина» Зиновьев писал: «*Ленинизм есть марксизм эпохи империалистических войн и мировой революции, непосредственно начавшейся в*

стране, где преобладает крестьянство».

Сталин обрушился на Зиновьева за то, что тот ввел в определение ленинизма отсталость России, её крестьянский характер, за превращение ленинизма *«из интернационального пролетарского учения в продукт российской самобытности».*

Тем самым Сталин, по существу, опровергал факты реальной действительности.

Он, вопреки марксистскому учению, писал, что если для капиталистического способа производства и обмена готовые формы капиталистического уклада создаются в феодальном обществе, то социалистических форм уклада капиталистический способ производства и обмена не создаёт. Поэтому возможно осуществление социалистических преобразований в отсталой, крестьянской стране. (Сталин И.В. Сочинения, т. 8, сс.14, 16, 17, 21). Следовательно, по его мнению, первая фаза коммунизма (социализм), переходный период от капитализма к полному коммунизму, не вырастает из находящегося на нисходящей линии развития капитализма. XV партийная конференция и расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала под руководством Сталина в ноябре 1926 г. в своих решениях «клеямили» сторонников троцкистско-зиновьевского блока. На конференции Троцкий спрашивал: *«Почему требуется теоретическое признание построения социализма в одной стране? Откуда взялась эта перспектива? Почему до 1925 г. никто этого вопроса не выдвигал?»*

Он высмеял Бухарина за его утверждение, что спор *«идет о том, сможем ли мы строить социализм и построить его, если мы отвлекаемся от международных дел, то есть спор идет о характере нашей революции»* (Бухарин Н.И. Избранные произведения, с. 308). Троцкий разъяснял, что при строительстве социализма отвлечься от мирового империализма, от мирового рынка, с которым приходится обмениваться товарами, невозможно. Он ответил Бухарину следующим образом: *«Успех социалистического строительства зависит от темпа, а темп нашего хозяйственного развития сейчас непосредственнее и острее всего определяется ввозом сырья и оборудования. Конечно, можно "отвлечься" от недостатка иностранной валюты и заказать большое количество хлопка и машин, но это можно сделать только один раз, второй раз этого "отвлеченья" повторить нельзя (Смех). Всё наше строительство международно обусловлено».* (XV конференция Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет, М. Л., 1927, с.530–533).

Вместе с тем оставался без ответа вопрос о критериях построения полного социализма, что должен представлять собой полный социализм?

Бухарин утверждал, что *«наш социализм в его росте, пока он не достигнет полного расцвета, будет до известной степени иметь свои особые черты, я сказал бы, если можно так выразиться, что он будет длительное время своего развития отсталым социализмом... Но всё-таки он будет социализмом».* Он предлагал строить социализм *«черепашьим шагом»* (Бухарин Н.И. Избранные произведения, М., 1988, с. 243).

В ответ Троцкий разъяснял, что каждый успех хозяйственного развития в СССР – это шаг по длинному мосту, соединяющему капитализм с социализмом. Демонстрируя возможности социализма в развитии экономики и улучшении жизненного уровня, он способствует приближению революции в Европе. Поэтому:

«Черепашьим шагом мы социализм не построим никогда, ибо нас всё строже контролирует мировой рынок» (XV конференция Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет, М. Л., 1927, с.530-533). На седьмом расширенном пленуме ИККИ Троцкий убеждал членов исполкома, что победивший социализм предполагает, прежде всего, более высокий уровень развития производительных сил, чем в передовых капиталистических странах. Достижение этой цели СССР в одиночку невозможно, поскольку советская экономика не может развиваться иначе, как в теснейшей взаимосвязи с развитием мирового рынка, а мировое хозяйство *«в последней инстанции...контролирует каждую из своих частей, даже если эта часть стоит под пролетарской диктатурой и строит социалистическое хозяйство»* (Пути мировой революции. Седьмой расширенный пленум ИККИ, 22 ноября–16 декабря 1926 г. Стенографический отчет. М.- Л.. 1927. т. 2, с. 102).

Троцкий усматривал подлинный смысл тезиса о возможности построения социализма в отдельной и отсталой стране в стремлении советской партийно-государственной бюрократии защитить свое господствующее положение в стране и в международном коммунистическом движении. В этих целях, по его мнению, и было задумано *«заранее назвать социализмом всё, что происходит и будет происходить внутри Союза, независимо от того, что будет происходить за его пределами»*. (Коммунистическая оппозиция в СССР. М., 1990, т. 2, с.145).

Однако все аргументы Троцкого, которые опирались на аутентичный марксизм, были отвергнуты. Коммунистическое учение все более приобретало национально-периферийные черты, утопический характер, не имеющий с марксизмом ничего общего.

По этому поводу Т.В. Сапронов писал: *«Наступает второй тур империалистических войн и социалистических революций, задача действительных коммунистов-большевиков заключается в том, чтобы извлечь уроки из прошлого, настоящего и повести пролетариат по правильному пути, в предстоящий бой»*.

Мы должны разъяснить раб[очему] классу, что с этой политикой и м[елко]буржуазной диктатурой коммунисты ничего общего не имеют, это политика ренегатов коммунизма. На наших фабриках не социализм, а капиталистические формы эксплуатации, не соцсоревнование, а ультрабуржуазная потогонная система. В деревне нет колхозов, а есть государственные предприятия принудительного характера, там не социализация, а экспроприация м[елких] собственников, в том числе и крестьянской бедноты».

Называть наше хозяйство социалистическим - значит делать преступление перед раб[очим] классом и дискредитировать идеи коммунизма, следовательно, косвенно помогать буржуазии» (Сапронов Т.В. Агония мелкобуржуазной диктатуры).

Еще большая неразбериха с содержанием понятия «социализм» произошла, когда в 1936 г. Сталин объявил, о том, что в СССР «уже осуществлена в основном первая фаза коммунизма, социализм». (Доклад на чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов 25 ноября 1936 г. «О проекте Конституции Союза ССР»). Такое заявление в теоретическом плане противоречило тому, что писал Ленин перед смертью о создании с помощью НЭП лишь основ социализма. Получалось, что в 1922 г. стали закладывать лишь основы социализма, а в 1936 г. получили социализм как первую фазу коммунизма. Более того, в 1949 г., в связи с испытанием атомного оружия, было объявлено, что социализм победил

окончательно.

Но поскольку Ленин, и Сталин отождествляли социализм с первой фазой коммунизма, то после такого объявления, согласно марксистской теории, должна была наступить более высокая фаза коммунизма, т.е. полный коммунизм. Полный коммунизм, по Марксу, – это общество с изобилием продуктов, когда **«труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой потребностью жизни»**, так как преодолено подчинение человека общественному разделению труда, когда уже отсутствуют классы, государство, а продукты распределяются по потребностям (см. Маркс К. Критика Готской программы).

Подобная основа в СССР не могла быть создана ни к 1936 г., ни в период после Великой Отечественной войны в условиях разрухи, общей бедности и в окружении развитых империалистических стран. Видимо поэтому в октябре 1952 г. на XIX съезде ВКП(б) было принято решение о необходимости переработки программы партии в связи с переходом только еще к строительству основ для полного коммунизма, т.е. первой его фазы. И уж вовсе теоретическое противоречие проявилось, когда в 80-х годах в СССР стали вести речь не о развитии полного коммунизма, а о развитом социализме, т.е. о первой фазе коммунизма, когда она уже согласно заявлениям Сталина была сформирована к 1949 г.

Однако, с точки зрения марксистской теории, социализмом в СССР называли, по существу, полукапиталистические производственные отношения. Еще в 1932 г. Т.В. Сапронов в упомянутой ранее статье писал: *«Беглый анализ нашего хозяйства с неизбежностью требует вывода, что это хозяйство с точки зрения научного социализма не может быть подведено ни под какое другое определение, как своеобразный, уродливый госкапитализм...»*

Если у нас нет буржуазии, у власти находится бюрократия, она же распоряжается средствами производства, а рабочий остается наемным работником, то характер производства от этого социалистическим не делается.

Только ренегаты коммунизма могут госкапиталистическое хозяйство отождествлять с социалистическим...»

В статье «Критика теории «Деформированного рабочего государства» теоретики Интернациональной коммунистической партии (ИКП) в Италии еще в 70-х годах прошлого столетия вполне в русле марксизма отмечали: *«Социализм – есть упразднение торговли, и к социализму можно двигаться, только ограничивая торговлю».* Конечно, если под социализмом иметь в виду коммунизм».

Они справедливо подвергали критике позицию Троцкого, который, по их мнению, полностью разрушил марксистскую доктрину, утверждая, что *«противоречия советского общества глубоко отличаются по природе своей от противоречий капитализма».*

На самом деле, противоречия советского общества по сути мало чем отличались от противоречий капитализма. Авторы статьи справедливо утверждают, что *«при капитализме наемный труд и денежное обращение постоянно развиваются...»*

Государство всё больше отделяется от гражданского общества; города развиваются, а деревни становятся безлюдными; разделение труда усиливается, противоречие между умственным и физическим трудом становится более резким, школа отделяется от производства, женщина порабощается мужчиной.

На пути к социализму ландшафт коренным образом меняется. Движение становится **обратным** по отношению к тому, которое наблюдали на пути к капитализму: денежное обращение атрофируется и исчезает; государство растворяется в обществе; различие между сельским хозяйством и промышленностью исчезает, тогда, как громадные капиталистические агломерации разрушаются; производственные площади и жилые районы распределяются рационально по территории; разделение труда регрессирует, противоположность между умственным и физическим трудом также стирается, образование более не отделено от производственной деятельности, женщина становится социально равной с мужчиной».

Авторы статьи обоснованно обвиняют троцкизм в плохом знании марксизма. Они утверждают, что троцкизм «не только считает себя идущим к социализму в то время, как он уже давно, в компании с «деформированным рабочим государством», катится в противоположном направлении, но ещё и (во имя социализма!) «имеет наглость бранить машинистов за то, что они двигаются недостаточно быстро».

По их мнению, если СССР в 70-х годах и находился «на этапе перехода к социализму», то исключительно в том же самом смысле, что и все капиталистические государства планеты: осуществляя накопление капитала и развивая крупные современные средства производства.

Троцкисты не знают, что такое коммунизм. В то время, когда в СССР постоянно усиливались все основные черты капиталистического общества, они продолжали заявлять, с комичным самодовольством «что не следует вместе с грязной водой выплескивать и ребенка» и что СССР по-прежнему является «деформированным рабочим государством».

Вывод их чрезвычайно прост: «троцкизм должен быть и будет разрушен; революционная партия пролетариата может быть создана только на базе исторического материализма, исключая любую другую теорию».

«С тех пор, – пишут они, – как Троцкий задался вопросом (в статье «Ещё и ещё раз о природе СССР»), является ли Россия империалистической страной и, естественно, ответил на него отрицательно, стало традицией троцкистских недоучек снисходительно относиться к марксистам, которые разоблачают русский империализм. Последние немедленно получают следующий ответ: «Империализм – это экспансионистская политика финансового капитала. Однако в России нет финансового капитала. Следовательно, Россия не является империалистической». Превосходный вывод, достойный людей, которые рассматривают государственные банки, «народные» или нет, которые предоставляют займы в миллиарды рублей, как институты, «некапиталистический» характер которых находится вне всяких подозрений. Тем не менее, каждый, кто читает газеты, может узнать, что Россия экспортирует капиталы, что она намеревается эксплуатировать, совместно с французским капиталом, будущих рабочих из Фос-сюр-Мер, или что она финансировала строительство сталелитейных заводов в Индии. А если повседневная пресса кажется недостаточным доказательством, можно ещё проконсультироваться с официальными изданиями режима. В своих «Принципах политической экономии» (Маркс написал «Критику политической экономии»), опубликованных в Москве в 1966 году, г-н Никитин пишет в главе «Предоставление кредитов» (стр.461):

«Советский Союз, например, после второй мировой войны предоставил социалистическим странам займы и кредиты в размере, превышающем 8

миллиардов рублей, кредиты, предполагающие максимум льгот. Тогда как капиталистические страны взимают за предоставляемые кредиты очень высокий процент (от 3,5 до 6%), обставляя предоставление кредитов целым рядом экономических и политических условий, кредиты, предоставляемые внутри социалистического содружества обычно устанавливаются на уровне от 1 до 2% в год».

Вот такой развитой социализм был в СССР! Путаница в понимании этого термина остается и ныне в левой среде. Однако марксистская характеристика первой фазы коммунизма (социализма) иная. Несмотря на то, что классики не оставили подробных ее описаний, тем не менее они в своих произведениях наметили основные ее сущностные параметры. К ним можно отнести:

1. Высокий уровень развития производительных сил общества, достигнутый еще капиталистическим способом производства, который, исключал бы всеобщее распространение бедности. Универсализацию мировых производительных сил и формирование всемирно-исторической, эмпирически универсальной личности (Маркс К. и Энгельс Ф. *Немецкая идеология*)

2. Исчерпание капитализмом возможности для дальнейшего развития производительных сил, для своего расширения в планетарном масштабе. (Маркс К., Энгельс Ф. *Немецкая идеология*, Энгельс Ф. *Принципы коммунизма*, Энгельс Ф. *Введение к работе Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.»*).

3. Мировую коммунистическую революцию и установление пролетарской коммунальной государственности (Маркс К. и Энгельс Ф. *Немецкая идеология*, *Манифест коммунистической партии*. Энгельс Ф. *Принципы коммунизма*, Маркс К. *Капитал*, *Гражданская война во Франции*).

4. Огосударствление пролетарским государством коммунального типа источников существования общества как первый шаг к уничтожению отношений частного присвоения. (Маркс К. и Энгельс Ф. *Немецкая идеология*, *Манифест коммунистической партии*. Маркс К. *Критика Готской программы*. Энгельс Ф. *Анти-Дюринг*).

5. Дальнейшее уничтожение отношений частного присвоения путем преодоления подчинения человека общественному разделению труда и законам стоимостного товарного производства и обмена через сеть производственно-потребительских коммун, основанных на общности имущества (Энгельс Ф. *Описание возникших в новейшее время и еще существующих коммунистических колоний*. (Маркс К. и Энгельс Ф. *Немецкая идеология*. Энгельс Ф. *Принципы коммунизма*. Маркс К. и Энгельс Ф. *Манифест коммунистической партии*. Маркс К. *Капитал*. Энгельс Ф. *Анти-Дюринг*, *Происхождение семьи, частной собственности и государства*).

6. Планомерное производство и планомерное распределение. (Маркс К. *Гражданская война во Франции*, Энгельс Ф. *Принципы коммунизма*, *Анти-Дюринг*, *Диалектика природы*).

7. Прямое распределение средств производства (Маркс К. *Критика готской программы*. Энгельс Ф. *Анти-Дюринг*).

8. Распределение предметов индивидуального потребления по труду через именные квитанции. (См. Маркс К. *Критика Готской программы*).

9. По мере преодоления подчинения людей общественному разделению труда и товарного обмена - ликвидацию классовых различий. (См. Маркс К. *Капитал*, Энгельс Ф. *Анти-Дюринг*).

10. Вместе с преодолением классовых различий - «засыпание» коммунальной государственности и переход на самоуправление, т.е. к общественному управлению не людьми, а производственными процессами. (Маркс К. и Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии, Энгельс Ф. Анти-Дюринг, Происхождение семьи, частной собственности и государства).

11. Развитие различных форм самоуправления трудящихся.

В этой связи необходимо отметить, что основоположники коммунистической теории связывали переход общества к полному коммунизму с производственными организациями рабочих, которые учили бы их самоорганизации, управлению производством и распределением, учили бы влиять на общественно-политические процессы. И такими переходными формами самоорганизации и коммунистического самоуправления Маркс и Энгельс считали коммуны, кооперативные фабрики и рабочие кооперативы, народные предприятия и пролетарские профсоюзы. Относительно коммун, необходимо иметь в виду опубликованную в 1845 г. в «Немецком Ежегоднике» статью Энгельса «Описание возникших в новейшее время и еще существующих коммунистических колоний» (Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. Соч. Т. 42). В этой статье Энгельс на примере американских и английской коммунистических колоний (коммун) пришел к выводу, что *коммунизм – это общественная жизнь и деятельность на основе общности имущества.*

Не случайно поэтому Ленин, сразу после прихода большевиков к власти, мечтал о создании сети производственно-потребительских коммун с целью преодоления с их помощью подчинения человека разделению труда и законам товарного обмена. Так, в Докладе VII-му Экстренному съезду РКП(б) 8 марта 1918 г. он говорил по сути о преодолении разделения труда в области управления через слияние законодательной и исполнительной функции, а в области производства и потребления - через создание потребительно-производительных коммун. Он считал необходимым *«принудительное объединение всего населения в «потребительно-производительные коммуны».* В «Очередных задачах Советской власти», в апреле 1918 г., Ленин уже утверждает, что социалистическое «государство может возникнуть лишь как сеть производительно-потребительских коммун»... Он считает задачами построения социализма «постепенный переход к поголовному объединению в потребительные общества и продуктообмен» (ПСС, Т. 36, С. 185). Эти положения Ленин повторяет во многих своих статьях и речах в 1918-1920-х годах. Лишь отсталость производительных сил, отсутствие мировой революции, послевоенная разруха, голод и эпидемии заставляют его отказаться от этой идеи в 1921 г. и перейти к новой экономической политике государственного капитализма.

Относительно роли рабочих производственных кооперативов в коммунистическом развитии, необходимо отметить, что классики специальных трудов на эту тему не создавали. Они писали о них в основном в письмах и документах, имеющих практическое значение. Вместе с тем упоминание о кооперативах мы находим в первом томе «Капитала», в котором Маркс пишет, что капиталистическое производство само себя отрицает **«на основе кооперации и общего владения землей и произведёнными самим трудом средствами производства».**

В III томе «Капитала» Маркс разъяснял, что кооперативные фабрики самих рабочих являются первой брешью в капиталистическом способе производства, (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, с. 384-483).

В «Гражданской войне во Франции» Маркс писал: **«А если кооперативное производство не должно оставаться пустым звуком или обманом, объединенные кооперативы {совокупность товариществ}, если оно должно вытеснить капиталистическую систему, если организуют национальное производство по общему плану, взяв тем самым руководство им в свои руки и прекратив постоянную анархию и периодические конвульсии, неизбежные при капиталистическом производстве, – не будет ли это, спрашиваем мы вас, милостивые государи, коммунизмом, «возможным» коммунизмом?»** (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 17, с. 346-347).

В письме Герману Юнгу 14 июля 1870 г. Маркс предлагал включить в программу работы Генерального Совета Международного Товарищества пятым вопросом рассмотрение условий кооперативного производства в национальном масштабе. Им была составлена Инструкция по отдельным вопросам делегатам временного Центрального Совета Первого Интернационала. В п «е» этой Инструкции было записано: **«Во избежание вырождения кооперативных обществ в обыкновенные буржуазные акционерные общества (societes par actions), рабочие каждого предприятия, независимо от того, являются они пайщиками или нет, должны получать равные доли в доходе. Мы согласны допустить в виде чисто временной меры, чтобы пайщики получали небольшой процент».** (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 16, с.194-203).

Необходимо обратить внимание на этот важный принцип кооперативного распределения, рекомендуемый, чтобы рабочие каждого кооперативного предприятия получали **равные** доли в доходе. Иначе кооператив может переродиться в **капиталистическое** акционерное общество. В «Гражданской Войне во Франции» 1871 г. Маркс писал о том, что пролетариат должен не за отвлечённые – от своего повседневного производительного бытия – идеалы бороться, а дать свободу элементам нового общества, которые **уже развились** в лоне старого разрушающегося буржуазного общества, и элементами этими являются **кооперативные товарищества рабочих**.

Рабочие кооперативы, объединившись, берут руководство национальным производством в свои руки, организуют его по общему плану и тем самым вытесняют капиталистическую систему.

Но кооперативное движение без революционных изменений основ общественного строя не в состоянии превратить общественное производство в единую, обширную и гармоническую систему свободного кооперативного труда, т.е. в систему коммунистическую.

В «Критике Готской программы» Маркс подчеркивал, что «социалистическая организация совокупного труда возникает из **классовой борьбы**, в ходе **революционного** преобразования общества, а **не по-лассальянски** – из «помощи», предоставляемой производительным кооперативам непролетарским государством. Из марксистского учения вытекает, что после прихода пролетариата к власти, помощь кооперативам должно оказывать пролетарское государство переходного периода.

Энгельс в «Развитии социализма от утопии к науке» отмечал, что Оуэн ввёл – в качестве мероприятий для перехода к уже вполне коммунистическому устройству общества – кооперативные общества (потребительские и производственные), **«которые с тех пор, по крайней мере, доказали на практике полную возможность обходиться как без купцов, так и без фабрикантов».** В письме Августу Бебелю 20 –23 января 1886 г. Энгельс пояснял, что его позиция отличается от позиции Шульце-Делича и Лассалья, которые

«предлагали создавать мелкие кооперативные товарищества: один – с помощью государства, другой – без неё, но, по мысли их обоих, эти кооперативные товарищества должны были не вступать во владение уже имеющимися средствами производства, а лишь наряду с существующим капиталистическим производством создавать новое, кооперативное. Моё предложение,– пишет Энгельс,– требует внедрения кооперативных товариществ в существующее производство. Им надо будет дать землю, которая в ином случае эксплуатировалась бы по-капиталистически, подобно тому, как Парижская Коммуна требовала, чтобы рабочие на кооперативных началах пустили в ход бездействующие фабрики, остановленные хозяевами. Различие здесь огромное. А что при переходе к полному коммунистическому хозяйству нам придется в широких размерах применять в качестве промежуточного звена кооперативное производство – в этом Маркс и я никогда не сомневались. Но дело должно быть поставлено так, чтобы общество – следовательно, на первое время государство – сохранило за собой собственность на средства производства и, таким образом, особые интересы кооперативного товарищества не могли бы возобладать над интересами всего общества в целом».

Так решали рассматриваемую проблему классики почти полтора столетия назад. Предложенные ими решения, как представляется, не потеряли своей актуальности и сегодня. Вот и Ленин в своем предсмертном письме «О кооперации» рассматривал эту форму коллективного хозяйствования, но в основном с позиции развития культурной торговли в связи с введением НЭП, а также вел речь о кооперировании крестьянства, так как сельхозпроизводство осуществлялось единоличными мелкими, малопроизводительными крестьянскими хозяйствами.

После смерти Ленина единоличные крестьянские хозяйства были объединены в коллективные хозяйства, но не на кооперативной или коммунальной, а на артельной основе. Развитие же кооперативов пошло по иному пути, чем указывали классики.

В конце концов, верх взяла идея централизации и огосударствления всех форм хозяйствования, что тормозило развитие самоуправленческих начал в обществе.

Однако содержание понятия социализма, как первой фазы коммунизма, с точки зрения марксистского учения иное. Повторим основные признаки социализма:

1. Высокий уровень развития производительных сил общества, достигнутый капиталистическим способом производства, который, давал бы простор для их дальнейшего развития и исключал бы всеобщее распространение бедности. Универсализацию мировых производительных сил и формирование всемирно-исторической, эмпирически универсальной личности.

2. Исчерпание капитализмом возможности для дальнейшего развития производительных сил, для своего расширения в планетарном масштабе.

3. Мировая коммунистическая революция, т.е. революция в большинстве развитых стран капитала и установление пролетарской коммунальной государственности.

4. Огосударствление пролетарским государством коммунального (общинного) типа источников существования общества как первый шаг к уничтожению отношений частного присвоения.

5. Планомерное производство и планомерное распределение.
6. Прямое распределение средств производства.
7. Распределение предметов индивидуального потребления по труду через именные квитанции.
8. Дальнейшее уничтожение отношений частного присвоения путем целенаправленного преодоления подчинения человека общественному разделению труда и законам стоимостного товарного производства и обмена через организацию системы производственно-потребительских коммун, основанных на общности имущества. Развитие различных форм самоуправления трудящихся и, прежде всего, рабочих кооперативов как переходной формы.
9. По мере преодоления подчинения людей общественному разделению труда, а также законам товарного производства и обмена, т.е. отношений частной собственности, - ликвидаця классовых различий.
10. Вместе с преодолением классовых различий - «засыпание» коммунальной государственности и переход на коммунное (общинное) скоординированное самоуправление, т.е. к общественному управлению не людьми, а производственными процессами.

Деформация марксистского положения о необходимости уничтожения частной собственности в процессе коммунистических преобразований

В «Манифесте коммунистической партии» классики записали, что **«коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности»** (Манифест коммунистической партии. М. Политиздат. 1980, с 39).

Однако, что такое частная собственность?

В этой связи необходимо отметить, что вульгарное понимание политэкономических категорий собственности, а также частной собственности, стало следующим отступлением, превращавшим марксизм из науки в утопию. Хотя основоположники марксизма и выработали теоретические основы, необходимые для правильного понимания этих категорий, однако не сформулировали их четкого определения. Поэтому большинству людей они всё еще остаются недоступными. В массе своей коммунисты используют знания на уровне обыденного понимания этих категорий. Нет определенного понимания их содержания и среди теоретиков. Одни частную собственность связывают с существованием государственности, другие с классами, третьи с правовыми установлениями и т.д. В СССР с 60-х годов 20 века серьезных научных разработок по вопросам собственности не предпринималось. Советские ученые обходились ссылками на вырванные из контекста цитаты классиков, а постсоветские – на вульгарные представления, позаимствованные у авторов рыночных концепций. Это привело к догматизации, а в последние двадцать лет и к деформации научных знаний о собственности и вульгаризации общественного сознания, порождающего растущие социальные противоречия.

Большинство людей понятие собственности связывают с принадлежностью вещи кому-либо. *Моя* собственность, *его* собственность и т.д.

В письме Анненкову Маркс отмечал, что люди, к сожалению, понимают под собственностью отношение человека к вещи. Это неправильно. Собственность – это **отношения между людьми** по поводу вещей и, прежде всего, по поводу их

присвоения.

Почему присвоения?

Потому, что термином «собственность» в политэкономической науке обозначают исторически развивающиеся общественные отношения между различными субъектами собственности (отдельными индивидуумами, социальными группами, государственной бюрократией) по поводу присвоения продуктов труда и, прежде всего, средств производства как элементов материального богатства общества.

Следовательно, содержанием политэкономического понятия «собственность» являются экономические отношения между субъектами этих отношений по поводу присвоения продуктов труда.

Совокупность продуктов труда, в том числе и средств производства, принадлежащих данному субъекту (собственнику), в науке обозначают как объект собственности. Объектом собственности могут быть как средства производства, так и предметы индивидуального потребления. В зависимости от принадлежности средств производства и предметов потребления конкретным субъектам, в советской политэкономической науке и дифференцировали формы собственности. Например, конституции СССР закрепляли социалистическую собственность в формах государственной, кооперативно-колхозной и личной.

Постепенно в массовом сознании советских людей, видимо, под воздействием упрощенного понимания сущности этой категории партийными органами, а с их подачи и политэкономической наукой, понятие собственности, в том числе и частной собственности, стало отождествляться лишь с принадлежностью объектов собственности тем или иным лицам (субъектам). Таким образом, форма отрывалась от содержания этой категории, т.е. от способа присвоения. Такое понимание упрощало и тем самым опошляло марксизм, в котором под собственностью понимается не только принадлежность объекта тому или иному собственнику, а, прежде всего, отношения по поводу присвоения объектов собственности.

Классики считали, что экономически присвоение может осуществляться двумя способами: либо прямо, без посредника в форме товарно-денежных отношений, либо через товарно-денежные отношения. Прямое нетоварное присвоение классики называли присвоением общим, коммунистическим. В этой связи Энгельс в Анти-Дюринге отмечал: **«Когда с современными производительными силами станут обращаться сообразно с их познанной, наконец, природой, общественная анархия в производстве заменится общественно-планомерным регулированием производства сообразно потребностям как общества в целом, так и каждого его члена в отдельности. Тогда капиталистический способ присвоения, при котором продукт порабощает сперва производителя, а затем и присвоителя, будет заменен новым способом присвоения продуктов, основанным на самой природе современных средств производства: с одной стороны, прямым общественным присвоением продуктов в качестве средств для поддержания и расширения производства, а с другой – прямым индивидуальным присвоением их в качестве средств к жизни и наслаждению».** Прямое присвоение, по мнению Маркса и Энгельса, будет включать в себя владение и пользование имуществом (объектами собственности), но без его отчуждения.

А вот частным классики считали присвоение, опосредствованное товарно-

денежными отношениями, которые сформировались в результате развития разделения труда. Энгельс в том же произведении разъяснял, что **«закон присвоения, или закон частной собственности, покоится на товарном производстве и товарном обращении»**... До этого в «Немецкой идеологии» оба классика написали: **«В действительности я владею частной собственностью лишь постольку, поскольку я имею что-нибудь такое, что можно продать...»**.

В «Происхождении семьи, частной собственности и государства» Энгельс показал, как, например, земля, превращаясь в товар, и таким образом приобретала свойство частной собственности. **«Полная, свободная собственность на землю,— писал он,— означала не только возможность беспрепятственно и неограниченно владеть ею, но также и возможность отчуждать ее... Что это означало, разъяснили... деньги, изобретенные одновременно с частной собственностью на землю. Земля могла теперь стать товаром, который продают и закладывают»**. Значит, понятие частной собственности в марксизме тесно связано с товарно-денежным обменом, с возможностью присвоения имущества (и, прежде всего, средств производства) частными лицами с целью не только владения, пользования им, но также распоряжения им (отчуждения или присвоения) через товарно-денежные отношения.

Итак, согласно марксистской теории, закон частного присвоения, или «закон частной собственности», покоится на товарном производстве и товарном обращении, т.е. в основе отношений частной собственности лежит товарно-денежный обмен. Исторические исследования, проведенные Марксом и Энгельсом, показали, что причиной возникновения товарного обмена стало развитие разделения труда, которое вначале привело к появлению прибавочного продукта у скотоводческих племен и необходимости обмена. Поэтому понятие частной собственности в марксизме теснейшим образом связано, прежде всего, с разделением труда, а затем и с его последствием – товарным обменом. Еще в «Экономическо-философских рукописях» 1844 г. Маркс отмечал: что **«разделение труда и обмен суть формы частной собственности»**...

По обоснованному мнению классиков, содержанием отношений частной собственности является частный характер присвоения, который возможен только при условии действия закона разделения труда, породившего необходимость товарного обмена излишками.

В «Немецкой идеологии» основоположники пошли еще дальше в этом направлении. Они записали, что **«разделение труда и частная собственность, это - тождественные выражения: в одном случае говорится по отношению к деятельности то же самое, что в другом – по отношению к продукту деятельности»**. А это значит то, что если материальное производство осуществляется в условиях общественного разделения труда, то продуктом этой деятельности всегда будет частная собственность.

Классики установили, что отношения частной собственности дают возможность присваивать средства к жизни с избытком. В таком присвоении заключена потенциальная возможность для господства над чужим трудом и для его эксплуатации. Избыток позволяет приобретать средства производства и рабочую силу с целью ее эксплуатации для извлечения прибыли. Не случайно классики в Манифесте записали, что коммунизм не уничтожает **«присвоение продуктов труда, служащих непосредственно для воспроизводства жизни, присвоение, не оставляющее никакого избытка, который мог бы создавать власть над чужим трудом»** (Манифест коммунистической партии, с. 40).

По их мнению, именно избыток расслаивает общество на антагонистические классы богатых и бедных, эксплуататоров и эксплуатируемых.

Из всего изложенного следует, что под частной собственностью в марксизме понимается обусловленное разделением труда, товарным производством и обменом присвоение частными лицами источников существования всех, а также присвоение продуктов общественного производства с избытком, которое дает возможность эксплуатировать чужой труд.

И основоположники коммунистической теории пришли к выводу, что в ходе коммунистического развития, в переходный период от капитализма к коммунизму (в первой его фазе), отношения частной собственности (частный характер присвоения) должны быть постепенно уничтожены путем преодоления подчинения человека законам разделения труда, товарного производства и обмена. На первом этапе это осуществляется через огосударствление средств производства пролетарским государством-коммуной (общиной). Затем должно постепенно преодолевать подчинение человека законам разделения труда. С преодолением общественного разделения труда отпадает необходимость товарного производства и обмена. **«Именно то обстоятельство – что разделение труда и обмен суть формы частной собственности, – писал Маркс в «Экономическо-философских рукописях», – как раз и служит доказательством как того, что человеческая жизнь нуждалась для своего осуществления в частной собственности, так, с другой стороны, и того, что теперь она нуждается в упразднении частной собственности».**

Почему человечество нуждалось в частной собственности? Очевидно потому, что разделение труда и обмен, лежащие в основе частного присвоения и, прежде всего, присвоения средств производства, способствовали развитию производительных сил общества на историческом отрезке от рабовладельческого способа производства до капитализма. Частное присвоение в условиях малоразвитых производительных сил способствовало накоплению излишков в частных руках и тем самым позволяло укрупнять производство, внедрять новые технологии. Но на нисходящей линии последней стадии развития отношений частной собственности, т.е. на закате капитализма, когда производительные силы в своем количественном и качественном отношении достигли определенного уровня они приобрели общественный характер. Частное присвоение стало тормозить их развитие. Оно стало оковами этого развития. Общество стало нуждаться в постепенном его уничтожении с тем, чтобы общественный характер производительных сил соответствовал общественному характеру присвоения.

Почему частное присвоение на закате капитализма становится оковами развития производительных сил?

Маркс и Энгельс убедительно доказали, что капиталистические производственные отношения, которые развиваются внутри отношений капиталистической частной собственности, имеют целью только максимальное извлечение прибыли капиталистами. На нисходящей линии развития капиталистического способа производства был достигнут определенный уровень развития производительных сил и производительности труда в развитых странах капитала. Тогда ориентация хозяйственного механизма на максимальное извлечение прибыли стала ограничивать развитие производительных сил. Оно стало сдерживаться страхом капиталистов перепроизвести товар в условиях анархии рыночного производства, страхом не найти рынка его сбыта и потерпеть банкротство, что делает невыгодным дальнейшее совершенствование

производительных сил с целью увеличения выпуска продукции в единицу времени. Во время постоянно повторяющихся кризисов дальнейшее развитие производительности труда приводит к необходимости уничтожения части производительных сил и произведенной продукции, которая не находит потребителя. Коммунистический же способ производства, в основе которого лежит общий характер присвоения, снимает оковы с развития производительных сил, так как он нацелен не на максимальное извлечение прибыли отдельными капиталистами, а на максимальное удовлетворение постоянно растущих материальных и нематериальных потребностей всего общества, всех людей. А эти постоянно растущие потребности безграничны. Они могут быть ограничены лишь возможностями природы. Следовательно, с целью освобождения развития производительных сил и производительности труда от капиталистических оков, отношения капиталистической частной собственности должны быть заменены отношениями общей коммунистической (общинной) собственности.

Сразу следует уточнить, что в марксизме речь идет не о диалектическом снятии частной собственности, как пытаются толковать некоторые теоретики марксизма, а именно об ее уничтожении, но уничтожении постепенном. В «Принципах коммунизма», написанных Энгельсом еще в 1847 г. для «Манифеста коммунистической партии», на 16-й вопрос: **«Возможно ли уничтожить частную собственность сразу?»** – он отвечал: **«Нет, невозможно, точно так же, как нельзя сразу увеличить имеющиеся производительные силы в таких пределах, какие необходимы для создания общественного хозяйства. Поэтому надвигающаяся по всем признакам революция пролетариата сможет только постепенно преобразовать нынешнее общество и только тогда уничтожит частную собственность, когда будет создана необходимая для этого масса средств производства».** В «Обращении Центрального комитета к Союзу коммунистов», написанном Марксом и Энгельсом в 1850 г., прямо говорилось, что **«дело идет не об изменении частной собственности, а об её уничтожении, не о затушевывании классовых противоречий, а об уничтожении классов, не об улучшении существующего общества, а об основании нового общества»** (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т.7, с.261, 267).

В «Экономическо-философских рукописях» Маркс показал, что частная собственность не только сдерживает развитие производительных сил, но и неизбежно приводит к отрешению работника от радостей жизни, закабалению его предметом его труда. Продукт труда становится чужим для него продуктом. Определенный труд превращается в отчуждение труда, определенное общество – в отчужденное общество. В этом труде пролетарий «чувствует себя не счастливым, а несчастным», не развивает свободно свои физические и духовные силы, а подавляет их, изнуряет свое тело и разрушает свой дух. В процессе труда он принадлежит не себе, а собственнику капитала. Он сам себе кует цепи.

Отношение пролетария к продукту своего труда, как к предмету чуждому и над ним властвующему, порождает его отношение к акту производства, к своей собственной деятельности, как тоже к чему-то чуждому, порождает отчуждение человека от общества, превращает общественную жизнь человека в простое условие и элементарное средство поддержания его существования. В мире частной собственности человек лишается стимулов производить по законам красоты и универсальных потребностей, так как его деятельность коммерциализирована. Отнимая у человека предмет его производства в качестве товара для рынка, отчужденный труд, - указывает Маркс, тем самым отнимает у него свойственную его роду подлинно человеческую жизнь.

Наконец, прямым следствием отчуждения человека от продукта его труда,

его родовой сущности, является отчуждение человека от природы, отчуждение человека от человека, противостояние одного человека другому. **«Мы видели, - пишет Маркс в «Экономическо-философских рукописях», – какое значение имеет при социализме богатство человеческих потребностей, а, следовательно, и какой-нибудь новый способ производства и какой-нибудь новый предмет производства: новое проявление человеческой сущностной силы и новое обогащение человеческого существа. В рамках частной собственности все это имеет обратное значение. Каждый человек старается пробудить в другом какую-нибудь новую потребность, чтобы вынудить его принести новую жертву, поставить его в новую зависимость и толкнуть его к новому виду наслаждения, а тем самым и к экономическому разорению. Каждый стремится вызвать к жизни какую-нибудь чуждую сущностную силу, господствующую над другим человеком, чтобы найти в этом удовлетворение своей собственной своекорыстной потребности. Поэтому вместе с ростом массы предметов растет царство чуждых сущностей, под игмом которых находится человек, и каждый новый продукт представляет собой новую возможность взаимного обмана и взаимного ограбления. Вместе с тем человек становится все беднее как человек, он все в большей мере нуждается в деньгах, чтобы овладеть этой враждебной сущностью, и сила его денег падает как раз в обратной пропорции к массе продукции, т. е. его нуждаемость возрастает по мере возрастания власти денег...**

Безмерность и неумеренность становятся их истинной мерой. Даже с субъективной стороны это выражается отчасти в том, что расширение круга продуктов и потребностей становится **изобретательным** и всегда **расчетливым** рабом нечеловечных, рафинированных, неестественных и **надуманных** вожделений».

В этом же произведении Маркс отмечает существенную причинно-следственную связь: частная собственность - не только решающая причина всякого отчуждения, и, прежде всего, отчужденного труда, она в то же время **«есть продукт, результат, необходимое следствие отчужденного труда, внешнего отношения рабочего к природе и к самому себе»**. Следовательно, только уничтожением частной собственности можно положить конец отчужденному труду, отчуждению человека от его родовой сущности, взаимному отчуждению людей, отчуждению человека от природы. Преодолением отчуждения исключаются условия, порождающие частную собственность.

Здесь же Маркс рассматривает доктрины утопического коммунизма «в его первой форме». Незрелость этого «грубого коммунизма» заключается в том, что он стремится противопоставить частной собственности «всеобщую» частную собственность. По Марксу, это лишь форма проявления отношений частной собственности.

Как уже было отмечено, уничтожение частной собственности, частного присвоения продуктов общественного труда в процессе коммунистического развития классики видели, прежде всего, в огосударствлении средств производства пролетарским государством-коммуной. А затем - в преодолении подчинения человека общественному разделению труда, законам товарного производства и обмена, которые дают возможность присваивать продукты с избытком.

Однако иначе представлял себе это И.В. Сталин, а за ним и советская политэкономическая наука. Они полагали, что передача средств производства в собственность советского государства сразу же уничтожает отношения частной

собственности, частного присвоения. После реализации НЭП, по завершении индустриализации, коллективизации и культурной революции, все средства производства и распределения полностью перешли в собственность государства. Считалось, что тем самым частная собственность на средства производства и частное присвоение в Советском Союзе были упразднены.

Напомню, что Конституция СССР 1936 г. закрепила социалистическую собственность в трех формах: государственной, кооперативно-колхозной и личной. Места частной собственности в ней уже не было, из чего вытекало, что отношения частной собственности в СССР, по существу, были ликвидированы. Все это партией и общественной наукой преподносилось как развитие марксизма, как творческий марксизм. Но такой «творческий» марксизм в корне противоречил классической марксистской теории, так как устанавливал отсутствие отношений частной собственности при наличии общественного разделения труда, товарного производства и товарного обмена. Тогда как огосударствление средств производства, согласно марксистскому учению, является лишь первым шагом к уничтожению отношений частной собственности.

Следующим шагом, как уже отмечалось, должно было быть преодоление подчинения человека общественному разделению труда на различные его виды. Коммунистическое развитие требует также ликвидации мирового разделения труда и мирового рынка с его товарно-денежным обменом. (Анти-Дюринг). Международное разделение труда и мировой рынок заставляли Советский Союз развивать внешнюю торговлю, в том числе средствами производства, с капиталистическими странами и ориентировать советскую экономику на стоимостные показатели. Ориентации на стоимость требовал и обмен между городом и деревней, в которых существовали различные формы собственности на продукты труда. Подчинение советского общества действию законов внешнего и внутреннего разделения труда, ориентация производителей на стоимостные показатели товарного производства и обмена, принадлежность средств производства не коммунальному пролетарскому государству, а государству буржуазному, но без буржуазии, не позволяет определять советский базис того времени как базис коммунистический, в котором отсутствовали отношения частной собственности.

На чем же были основаны сталинские заблуждения?

Судя по всему – на взглядах Н.И. Бухарина, который в работах еще периода военного коммунизма «Азбука коммунизма» (1919 г.) и «Экономика переходного периода» (1920 г.) полагал, что власть пролетариата и национализация промышленности сразу же меняет капиталистические экономические отношения на противоположные. Бухарин заявлял, что «при государственной власти пролетариата и пролетарской национализации производства» сразу исчезают практически все экономические отношения, до этого существовавшие в обществе. Прибавочная стоимость, товар, цена, эксплуатация, наёмный труд, заработная плата становятся «диаметрально противоположными» своему исходному капиталистическому содержанию. Однако при этом Бухарин забывал, что советское государство не было государственной властью пролетариата по указанным выше причинам. Хотя такое идеалистическое представление не соответствовало ни марксистской теории, ни практике, а имя Бухарина как «врага народа» было надолго вычеркнуто из истории, выработанные им теоретические положения, взятые на вооружение Сталиным, продолжали существовать, в той или иной форме, в качестве официальной экономической доктрины коммунистической партии. И это несмотря на то, что Бухарин после перехода к НЭП изменил свою позицию и стал пропагандировать развитие капитализма в

России. Он писал в одном из своих произведений: *«Переход к новой экономической политике явился крахом наших иллюзий»*. Имеются в виду иллюзии по поводу того, что власть пролетариата и национализация промышленности сразу же меняют капиталистические экономические отношения на социалистические. К сожалению, эти иллюзии распространены в коммунистическом движении и ныне. Однако следует еще раз напомнить справедливое предостережение Ленина, который считал, что государственное регулирование торговли и денежного обращения является дополнительным отступлением от социализма даже по сравнению с НЭП. *«Мы должны сознать, разъяснял он, что отступление оказалось недостаточным, что необходимо произвести дополнительное отступление, еще отступление назад, когда мы от государственного капитализма переходим к созданию государственного регулирования купли-продажи и денежного обращения»*.

Восстановление капитализма, развитие буржуазии, развитие буржуазных отношений из области торговли и т. д., – это и есть та опасность, которая свойственна теперешнему нашему экономическому строительству, теперешнему нашему постепенному подходу к решению задачи гораздо более трудной, чем предыдущие. Ни малейшего заблуждения здесь быть не должно».

Следовательно, переход «к созданию государственного регулирования купли-продажи и денежного обращения» Ленин полагал более опасным для коммунистического развития, чем государственный капитализм в форме НЭП (Ленин В.И. ПСС. Т. 44. С. 212–213).

Однако так не считал Сталин, полагавший, что товарное производство в СССР *«коренным образом отличается от товарного производства при капитализме»* (Сталин. И.В. Экономические проблемы социализма в СССР. Госполитиздат, 1953, с.18).

СССР имел государственный банк и сберкассы для населения. Госбанк осуществлял накопление капитала в денежной форме и в золоте. Деньги находились в обороте. Советское государство осуществляло капиталовложения в развитие различных отраслей, предоставляла кредиты под проценты другим государствам.

Возможность накопления денег, в которых концентрируется меновая стоимость товаров, была и у населения – через сберкассы.

И далее Сталин пишет, *«что необходимо откинуть и некоторые другие понятия, взятые из «Капитала» Маркса, где Маркс занимался анализом капитализма, и искусственно приклеиваемые к нашим социалистическим отношениям»*. Аргументируя это, Сталин продолжает: *«Но более чем странно пользоваться теперь этими понятиями, когда рабочий класс не только не лишен власти и средств производства, а, наоборот, держит в своих руках власть и владеет средствами производства. Довольно абсурдно звучат теперь, при нашем строе, слова о рабочей силе, как товаре, и о «найме» рабочих: как будто рабочий класс, владеющий средствами производства, сам себе нанимается и сам себе продаёт свою рабочую силу»*. (там же).

Такая аргументация не соответствовала действительному положению дел и носила демагогический характер. Дело в том, что владение рабочим классом средствами производства с самого начала было пропагандистским лозунгом, так как власти рабочего класса в СССР не было и не могло быть в силу отсутствия в достаточном количестве самих рабочих на момент ее взятия большевиками. Советская власть представляла собой власть рабочих и крестьян при

подавляющем большинстве крестьянского населения с частнособственническим мировоззрением.

Если сразу после прихода к власти большевиков и были попытки установить формы власти рабочих через фабрично-заводские комитеты, то они продолжались всего лишь несколько месяцев. Затем от этих попыток пришлось отказаться в силу указанных причин.

Поэтому диктатуру коренных классовых интересов пролетариата вначале осуществлял тонкий слой профессиональных революционеров в партии, а после его довольно скорого полного истончения, диктатура пролетариата стала идеологическим прикрытием для советской партийной и государственной бюрократии. Бюрократия не только владела средствами производства, но и распоряжалась ими. Она же осуществляла покупку рабочей силы в качестве товара, впрочем, как и способностей работников умственного труда и осуществляла оплату рабочей силы через стоимость товаров.

Сам же Сталин в цитируемом произведении признавал, «*что потребительские продукты, необходимые для покрытия затрат рабочей силы в процессе производства, производятся у нас и реализуются как товары, подлежащие действию закона стоимости*» (там же, с.20). А коль скоро потребительские продукты реализовались как товары с товарными стоимостями, которыми покрывались *затраты рабочей силы*, то рабочая сила в СССР также являлась товаром. Но мы знаем из марксистского учения, что товаром рабочая сила может быть только при наёмном труде, а наёмный труд – только при капитализме, когда рабочий продает свои способности к труду собственнику средств производства. При этом под зарплатой наниматель скрывает стоимость рабочей силы, которая как раз и покрывается стоимостью товаров. Собственником же средств производства был не рабочий класс, а советский государственный аппарат бюрократов как совокупный капиталист.

Таким образом, тезис об отсутствии в СССР отношений частной собственности, частного присвоения является ошибочным, в силу действия в советской экономике законов общественного разделения труда, стоимостного товарного производства и денежного обмена в сфере индивидуального потребления. А легализация в перестроечный период на территории бывшего СССР частного присвоения источников существования всего общества привела к появлению олигархов, крупной, средней и мелкой буржуазии.

Отрицание необходимости преодоления подчинения людей действию закона общественного разделения труда в первой коммунистической фазе

Итак, в связи с огосударствлением средств производства, после 1936 г. с подачи Сталина и официальной науки в массовом сознании было сформировано представление об уничтожении в СССР частной собственности.

Но, как уже отмечалось, согласно марксистской теории огосударствление средств производства ещё не означает уничтожения отношений частного присвоения вообще, если не преодолено подчинение человека общественному разделению труда и действию стоимостных законов товарного производства и обмена, являющихся формами частной собственности. Видимо, чтобы устранить это противоречие, Сталин в «Экономических проблемах социализма в СССР», по существу, объявил о преодолении антагонистических противоречий общественного разделения труда, а также о том, что стоимостные законы

товарного производства и обмена приобрели в СССР новое социалистическое содержание. Но так ли это?

За разъяснением обратимся к классикам.

Напомню, что под общественным разделением труда они понимали исторически изменяющееся в зависимости от развития производительных сил естественное разделение труда, опосредствованное товарным производством и обменом, **«и соответственное ограничение индивидуума сферой определенной профессии».**

В процессе эволюции естественное разделение труда, обусловленное половозрастными различиями и природными условиями, развилось в разделение труда общественное, обусловленное уже товарно-денежным обменом. Производство на продажу и товарный обмен установили общественную связь между самостоятельными производителями.

В «Капитале» Маркс писал: **«В обществе, продукты которого, как общее правило, принимают форму товаров, т.е. в обществе товаропроизводителей, это качественное различие видов полезного труда, которые здесь выполняются независимо друг от друга, как частное дело самостоятельных производителей, развивается в многочленную систему, в общественное разделение труда».**

Он отметил, что постепенно общественное разделение труда, наряду с экономической областью, охватывало все другие сферы общества и везде закладывало основу узкого профессионализма, специализации и раздробления человека. (См. Маркс К. «Капитал». Т.1. М. 1973. С. 51). В результате произошло отделение городского труда от деревенского, умственного от физического, творческого от рутинного, управленческого от исполнительского. Классики выявили неразрывную связь общественного разделения труда с формами частной собственности. В «Немецкой идеологии» они разъясняли: **«Различные ступени в развитии разделения труда являются вместе с тем и различными формами собственности, т. е. каждая ступень разделения труда определяет также и отношения индивидов друг к другу соответственно их отношению к материалу, орудиям и продуктам труда»...»**

Рабовладельческой ступени развития разделения труда соответствовала форма частного присвоения раба и прибавочного продукта рабского труда, феодальной – форма частного присвоения земли и прибавочного продукта, создаваемого крепостным крестьянином, капиталистической – форма частного присвоения средств производства и прибавочной стоимости, создаваемой свободным наемным трудом.

Маркс и Энгельс установили, что именно частная собственность **«выражает в наиболее резкой форме подчинение индивида разделению труда и определенной, навязанной ему деятельности, – подчинение, которое одного превращает в ограниченное городское животное, а другого – в ограниченное деревенское животное и ежедневно заново порождает противоположность между их интересами».**

Они отмечали, что **«пока люди находятся в стихийно сложившемся обществе, пока, следовательно, существует разрыв между частным и общим интересом, пока, следовательно, разделение деятельности совершается не добровольно, а стихийно, – собственное деяние человека становится для него чуждой, противостоящей ему силой, которая угнетает его, вместо того чтобы он господствовал над ней. Дело в том, что как только начинается**

разделение труда, у каждого появляется какой-нибудь определенный, исключительный круг деятельности, который ему навязывается и из которого он не может выйти: он – охотник, рыбак или пастух, или же критический критик и должен оставаться таковым, если не хочет лишиться средств к жизни...». Они разъясняли, что «вместе с разделением труда дано и противоречие между интересом отдельного индивида или отдельной семьи и общим интересом всех индивидов, находящихся в общении друг с другом».

Постепенно противоречивые интересы, порожденные разделением труда и появлением излишков, дающих возможность частным лицам господствовать и эксплуатировать чужой труд, расслоили общество на противоположные классы и переросли в интересы классовые. Основоположники коммунистической теории считали, что в основе деления общества на классы эксплуататоров и эксплуатируемых, угнетателей и угнетенных лежит именно закон разделения труда. В «Анти-Дюринге», в очерке теории социализма, Энгельс разъяснял: **«Разделение общества на классы эксплуатирующий и эксплуатируемый, господствующий и угнетенный было неизбежным следствием прежнего незначительного развития производства. Пока совокупный общественный труд дает продукцию, едва превышающую самые необходимые средства существования всех, пока, следовательно, труд отнимает все или почти все время огромного большинства членов общества, до тех пор это общество неизбежно делится на классы. Рядом с этим огромным большинством, исключительно занятым подневольным трудом, образуется класс, освобожденный от непосредственно производительного труда и ведающий такими общими делами общества, как управление трудом, государственные дела, правосудие, науки, искусства и т.д. Следовательно, в основе деления на классы лежит закон разделения труда»** (Анти-Дюринг, с.286).

Значит, для преодоления подчинения людей общественному разделению труда, для ликвидации причин классового расслоения и эксплуатации общество необходимо иметь, прежде всего, высокоразвитое производство с соответствующим уровнем развития производительности труда. Это необходимо, во-первых, для того, чтобы совокупный общественный труд удовлетворял постоянно возрастающие разумные человеческие потребности, а во-вторых, для того чтобы освободить время огромного большинства членов общества от подневольного труда.

Разделение труда, обусловленное недостаточным развитием материального производства, влечет за собой неравное распределение труда и его продуктов. Вместе с тем ограничение человека сферой определенной профессии превращает его в одностороннее существо. Развитию одной-единственной деятельности приносятся в жертву все его физические, умственные и прочие способности. Маркс называл это **«профессиональным идиотизмом»** (см. Маркс К. «Нищета философии»).

В отличие от Адама Смита и социалистов-утопистов, считавших экономическую категорию разделения труда вечным, непреодолимым законом, Маркс и Энгельс, как отмечалось выше, пришли к выводу, что подчинение человека закону разделения труда является преходящим. Человеческое общество развивается в сторону освобождения человека от подчинения закону разделения труда.

Классики считали, что в ходе коммунистического развития подчинение людей общественному разделению труда должно преодолевать путем

перемены труда. **«Настанет время, – утверждает Энгельс в «Анти-Дюринге», – когда не будет ни тачечников, ни архитекторов по профессии и когда человек, который в течение получаса давал указания как архитектор, будет затем в течение некоторого времени толкать тачку, пока не явится опять необходимость в его деятельности как архитектора».** (См. «Анти-Дюринг». С 202). Здесь Энгельс имеет в виду необходимость чередования умственного и физического труда, а также то, что в коммунистическом обществе не будет пожизненных профессий, с помощью которых сейчас человек зарабатывает себе на жизнь. Каждый человек коммунистического общества будет широким специалистом. Ему не будет надобности зарабатывать себе на жизнь с помощью узкопрофессиональной специализации. Его человеческие потребности будут удовлетворяться сполна, а непродолжительный и творческий труд с переменой его видов станет не подневольной обязанностью, а первой жизненной необходимостью, приносящей радость.

Уже в условиях капиталистического способа производства классиками была выявлена тенденция движения в сторону необходимости перемены общественного труда. В этой связи в «Капитале» Маркс отмечал: **«Технический базис крупной промышленности революционен. Посредством внедрения машин, химических процессов и других методов она постоянно производит перевороты в техническом базисе производства, а вместе с тем и в функциях рабочих и в общественных комбинациях процесса труда. Тем самым она столь же постоянно революционизирует разделение труда внутри общества и непрерывно бросает массы капитала и массы рабочих из одной отрасли производства в другую. Поэтому природа крупной промышленности обуславливает перемену труда, движение функций, всестороннюю подвижность рабочего...»**

Но если перемена труда теперь прокладывает себе путь только как непреодолимый естественный закон и со слепой разрушительной силой естественного закона, который повсюду наталкивается на препятствие, то, с другой стороны, сама крупная промышленность своими катастрофами делает вопросом жизни и смерти признание перемены труда, а потому и возможно большей многосторонности рабочих, всеобщим законом общественного производства, к нормальному осуществлению которого должны быть приспособлены отношения. Она как вопрос жизни и смерти ставит задачу: чудовищность несчастного резервного рабочего населения, которое держится про запас для изменяющихся потребностей капитала в эксплуатации, заменить абсолютной пригодностью человека для изменяющихся потребностей в труде; частичного рабочего, простого носителя известной частичной общественной функции, заменить всесторонне развитым индивидуумом, для которого различные общественные функции суть сменяющие друг друга способы жизнедеятельности» (Маркс. К. и Энгельс Ф. Соч., т.23, с.498-499).

Маркс считал, что основой **«всякого развитого и товарообменом опосредствованного разделения труда является отделение города от деревни. Можно сказать, – писал он в «Капитале, – что вся экономическая история общества резюмируется в движении этой противоположности».** Поэтому классики пришли к выводу, что преодоление общественного разделения труда должно начинаться с соединения труда городского и деревенского. Ещё в «Манифесте коммунистической партии» они в перечень главных мероприятий, необходимых для переворота во всём капиталистическом способе производства, включили: **«Соединение земледелия с промышленностью, содействие**

постепенному устранению различия между городом и деревней».

Затем в своих более поздних произведениях, в частности, в «Капитале», в «Критике Готской программы, в «Анти-Дюринге» они углубляли аргументацию в части необходимости преодоления в процессе коммунистического развития подчинения людей общественному разделению труда.

Классики в общем виде обозначили основные мероприятия, направленные на преодоление подчинения человека действию этого закона. К ним они отнесли:

а) дальнейшее развитие производительных сил и увеличение производительности труда за счет совершенствования машинного производства и управления, формирование всесторонне умственно и физически развитой личности с широкой специализацией, соединение воспитания подрастающего поколения с материальным производством, ликвидацию пожизненных оплачиваемых профессий;

б) постепенное слияние городского и сельского труда и как следствие ликвидацию товарного производства и обмена;

в) постепенную ликвидацию отрыва умственного труда от физического, творческого от рутинного - путем их чередования, включение в действие закона перемены общественного труда, значительное сокращение рабочего времени;

д) равномерное распределение промышленности по всей территории, постепенную ликвидацию различий в условиях жизни в больших, средних и малых городах, развитие не больших промышленных городов, а малых и средних городов-коммун, высокотехнологичных поселений, приближенных к источникам сырья с одинаковыми условиями проживания;

е) отмирание государства и переход на самоуправление - т.е. ликвидацию общественного разделения труда в сфере управления, ликвидацию труда начальников и подчиненных.

Классики доказывали, что **«уничтожение противоположности между городом и деревней не только возможно, – оно стало прямой необходимостью для самого промышленного производства, как и для производства сельскохозяйственного, и, сверх того, оно необходимо в интересах общественной гигиены. Только путем слияния города и деревни, – считали они, – можно устранить нынешнее отравление воздуха, воды и почвы... Капиталистическая промышленность уже стала относительно независимой от узких рамок местного производства необходимых ей сырых материалов... Вырастив новое поколение всесторонне развитых производителей, которые понимают научные основы всего промышленного производства и каждый из которых изучил на практике целый ряд отраслей производства от начала до конца, общество тем самым создаст новую производительную силу, которая с избытком перевесит труд по перевозке сырья и топлива из более отдаленных пунктов. Следовательно, уничтожение разрыва между городом и деревней не представляет собой утопию также и со стороны, с которой условием его является возможно более равномерное распределение крупной промышленности по всей стране... Правда, в лице крупных городов, – отмечает Энгельс, – цивилизация оставила нам такое наследие, избавиться от которого будет стоить много времени и усилий. Но они должны быть устранены – и будут устранены, хотя бы это был очень продолжительный процесс».** (См. Анти-Дюринг, с.297-301).

С перечисленными выше положениями классиков полностью соглашался

Ленин. *«Капитализм – писал он, – окончательно разрывает связь земледелия с промышленностью, но в то же время своим высшим развитием он готовит новые элементы этой связи, соединения промышленности с земледелием на почве сознательного приложения науки и комбинации коллективного труда, нового расселения человечества (с уничтожением как деревенской заброшенности, оторванности от мира, одичалости, так и противоестественного скопления гигантских масс в больших городах)»* (Ленин В.И. ПСС, т.26, с.73-74).

Однако иначе считал Сталин. В «Экономических проблемах социализма в СССР» он указывал, что *«почва для противоположности между городом и деревней, между промышленностью и сельским хозяйством уже ликвидирована нынешним нашим социалистическим строем. Это, конечно, не значит, что уничтожение противоположности между городом и деревней должно повести к "гибели больших городов" (см. «Анти-Дюринг» Энгельса). Большие города не только не погибнут, но появятся ещё новые большие города как центры наибольшего роста культуры, как центры не только большой индустрии, но и переработки сельскохозяйственных продуктов и мощного развития всех отраслей пищевой промышленности. Это обстоятельство облегчит культурный расцвет страны и приведёт к выравниванию условий быта в городе и деревне».* (Сталин. И.В. Экономические проблемы социализма в СССР. М., Политиздат, 1953, с.26).

Таким образом, Иосиф Виссарионович увековечивал рост больших городов, являющихся одной из форм выражения развития отношений частной собственности, разделение людей на привилегированных горожан и отсталых деревенских жителей, а также жителей периферийных поселений.

Проблему преодоления подчинения человека действию закона разделения труда в СССР Сталин решил также просто. Вначале он свел проблему разделения труда к противоположности интересов работников городского и деревенского, умственного и физического, управленческого и исполнительского труда, а затем заявил, что эта противоположность в СССР уже ликвидирована. Таким образом получалось, что с передачей средств производства в собственность советского государства, с установлением советской системы социализма подчинение человека разделению труда по существу было преодолено.

Он утверждал: *«Несомненно, что с уничтожением капитализма и системы эксплуатации, с укреплением социалистического строя в нашей стране должна была исчезнуть и противоположность интересов между городом и деревней, между промышленностью и сельским хозяйством. Оно так и произошло... Конечно, рабочие и колхозное крестьянство составляют всё же два класса, отличающиеся друг от друга по своему положению. Но это различие ни в коей мере не ослабляет их дружбу»...* (там же, с.25).

Однако, утверждая это, Сталин вступал в глубокие противоречия с тем, что высказывал ранее – на стр. 16. *«В настоящее время, – отмечал он, – у нас существуют две основные формы социалистического производства: государственная – общенародная, и колхозная, которую нельзя назвать общенародной».* Сразу же нужно отметить ошибочность этого утверждения, так как, несмотря на то, что в Конституции СССР 1936 г. государственная собственность и была названа общенародной, но этого не может быть по определению. Государственная собственность не может быть общенародной, так как не может быть общенародным само государство.

Государство возникло и существует как машина для поддержания

господства одной части общества над другой.

К тому же советская государственная машина не была и пролетарским государством-коммуной. Но об этом позже.

Итак, Сталин считал по существу преодоленным разделение труда между городом и деревней, несмотря на то, что город и деревня оставались обособленными производителями. Более того, колхозы продавали государству сельхозпродукцию по установленным государством закупочным ценам. Колхозники на всю жизнь прикреплялись к деревенской жизни, так как им выдавались паспорта только в виде исключения. Так *что* же это тогда, если не разделения труда между городом и деревней в марксистском понимании? Но у Сталина была своя точка зрения.

Так же просто Сталин «преодоле» разделение труда на умственный и физический.

В этой связи он пишет: *«Понятно, что с уничтожением капитализма и системы эксплуатации должна была исчезнуть и противоположность интересов между физическим и умственным трудом. И она действительно исчезла при нашем современном социалистическом строе. Теперь люди физического труда и руководящий персонал являются не врагами, а товарищами – друзьями, членами единого производственного коллектива, кровно заинтересованного в преуспевании и улучшении производства. От былой вражды между ними не осталось и следа»* (там же. С. 27).

Тем самым по существу Сталин приходит к выводу, что в СССР преодолены противоречия между городским и деревенским, умственным и физическим, творческим и рутинным, управленческим и исполнительским трудом, так как интересы всех слоев населения якобы совпадали. В действительности же в Советском Союзе противоположность между городским и деревенским трудом, трудом умственным и физическим, трудом управленца и управляемого преодолена не была в силу недостаточного развития производительных сил. Именно недоразвитость производительных сил, недостаточное оснащение техникой и недостаток всесторонне развитых личностей были причиной деления советского общества на рабочих, крестьян, интеллигенцию, партийную и государственную бюрократию, на людей городских и деревенских, на начальников и подчиненных. А недостаточное производство жизненных средств вынуждало распределять их через товарно-денежные отношения, которые давали возможность отдельным лицам присваивать их с излишком, расслаивали общество на людей относительно зажиточных и бедных.

Общественные отношения в Советском Союзе развивались по пути, начертанному Сталиным – в прямом противоречии с марксистским учением. Очевидно ведь, что рост больших городов не способствует выравниванию условий жизни городского населения, и уж тем более не позволяет преодолеть общественное разделение труда между городом и деревней. Наличие больших городов закономерно для капиталистического разделения труда, т.е. для капиталистической частной собственности, а не для действия коммунистического закона перемены труда, ликвидации различий в условиях жизни, соединения городского и деревенского труда, оптимального распределения промышленности по всей территории.

Сталин также по своему разумению интерпретировал само понятие разделения труда, считая это творческим развитием марксизма.

В это понятие он включил не только противоположность интересов между

городом и деревней, умственным и физическим трудом, но и «существенные» и «несущественные» различия между ними. *«Совершенно другой характер, – пишет Сталин, – имеет проблема исчезновения различий между городом (промышленностью) и деревней (сельским хозяйством), между физическим и умственным трудом. Эта проблема не ставилась классиками марксизма. Это новая проблема, поставленная практикой нашего социалистического строительства...»* (там же, с.27). Такое толкование проблемы говорит о немарксистском её понимании. Можно подумать, что единая собственность государства на промышленную и сельскохозяйственную продукцию ликвидирует существенные различия между городским и деревенским трудом без развития передового машинного производства, без ликвидации больших городов, без слияния городского и деревенского труда, без выравнивания условий жизни городского и сельского населения.

«То же самое, – продолжает Сталин, – нужно сказать о проблеме уничтожения существенного различия между трудом умственным и трудом физическим». Он указывает, что уничтожение *«существенного различия между умственным и физическим трудом»* произойдет *«путем поднятия культурно-технического уровня рабочих до уровня технического персонала».* А вот «несущественные» различия Сталин считал непреодолимыми. Они, по его мнению, останутся и при полном коммунизме.

В этой связи он пишет: *«Некоторые товарищи утверждают, что со временем исчезнет не только существенное различие между промышленностью и сельским хозяйством, между физическим и умственным трудом, но исчезнет также всякое различие между ними. Это неверно. Уничтожение существенного различия между промышленностью и сельским хозяйством не может привести к уничтожению всякого различия между ними. Какое – то различие, хотя и несущественное, безусловно, останется ввиду различий в условиях работы в промышленности и в сельском хозяйстве. Даже в промышленности, если иметь в виду различные ее отрасли, условия работы не везде одинаковы: условия работы, например, шахтеров отличаются от условий работы машиностроительных рабочих. Если это верно, то тем более должно сохраниться известное различие между промышленностью и сельским хозяйством. То же самое надо сказать насчет различия между трудом умственным и трудом физическим. Существенное различие между ними в смысле разрыва в культурно-техническом уровне, безусловно, исчезнет. Но какое-то различие, хотя и несущественное, все же сохранится, хотя бы потому, что условия работы руководящего состава предприятий не одинаковы с условиями работы рабочих».* (там же, с.29).

Значит, при полном коммунизме Сталин считал возможным разделение труда по профессиям, так как, по его мнению, останется профессиональный труд рабочих различной специализации и труд начальников, промышленный труд будет отделен от труда сельскохозяйственного.

И эти различия Сталин считал несущественными!

Совершенно очевидно, что эта точка зрения в корне противоречит марксизму.

Сталин, видимо, не только недопонимал суть марксистского учения о капиталистическом разделении труда, которое обусловлено господством товарного производства и обмена в силу недоразвитых производительных сил, порождающих отношения буржуазной частной собственности, но и не искал пути преодоления подчинения советских людей общественному разделению труда.

Следовательно, он недопонимал суть коммунизма вообще.

При полном коммунизме, согласно марксистскому учению, не будет условий для подчинения человека общественному разделению труда, так как не будет товарного производства и обмена. Не будет и пожизненных профессий. На смену узкопрофессиональному «кретинизму» придет широкая специализация.

Специализация - это разделение видов полезного труда в зависимости от предмета. Не будучи опосредствованной товарным производством и обменом, т.е. отношениями частной собственности, специализация теряет содержание политэкономической категории общественного разделения труда. Специализация непосредственно выражает прогресс производительных сил и способствует ему.

Вместе с широкопрофильной специализацией в коммунистическом обществе будет действовать закон перемены общественного труда.

В «Принципах коммунизма» Энгельс на вопрос: **«Каковы будут последствия окончательного устранения частной собственности?»** отвечал: **«Существование классов вызвано разделением труда, а разделение труда в его теперешнем виде совершенно исчезнет, так как, чтобы поднять промышленное и сельскохозяйственное производство на указанную высоту, недостаточно одних только механических и химических вспомогательных средств. Нужно также соответственно развить и способности людей, приводящих в движение эти средства. Подобно тому, как в прошлом столетии крестьяне и рабочие мануфактур после вовлечения их в крупную промышленность изменили весь свой жизненный уклад и сами стали совершенно другими людьми, точно так же общее ведение производства силами всего общества и вытекающее отсюда новое развитие этого производства будет нуждаться в совершенно новых людях и создаст их. Общественное ведение производства не может осуществляться такими людьми, какими они являются сейчас, – людьми, из которых каждый подчинен одной какой-нибудь отрасли производства, прикован к ней, эксплуатируется ею, развивает только одну сторону своих способностей за счет всех других и знает только одну отрасль или часть какой-нибудь отрасли всего производства.**

Уже нынешняя промышленность все меньше оказывается в состоянии применять таких людей. Промышленность же, которая ведется сообща планомерно всем обществом, тем более предполагает людей со всесторонне развитыми способностями, людей, способных ориентироваться во всей системе производства. Следовательно, разделение труда, подорванное уже в настоящее время машиной, превращающее одного в крестьянина, другого в сапожника, третьего в фабричного рабочего, четвертого в биржевого спекулянта, исчезнет совершенно. Воспитание даст молодым людям возможность быстро осваивать на практике всю систему производства, оно позволит им поочередно переходить от одной отрасли производства к другой, в зависимости от потребностей общества или от их собственных склонностей. Воспитание освободит их, следовательно, от той односторонности, которую современное разделение труда навязывает каждому отдельному человеку. Таким образом, общество, организованное на коммунистических началах, даст возможность своим членам всесторонне применять свои всесторонне развитые способности.

Но вместе с тем неизбежно исчезнут и различные классы. Стало быть, с одной стороны, общество, организованное на коммунистических началах, несовместимо с дальнейшим существованием классов, а, с другой стороны,

само строительство этого общества дает средства для уничтожения классовых различий. Отсюда вытекает, что противоположность между городом и деревней тоже исчезнет. Одни и те же люди будут заниматься земледелием и промышленным трудом, вместо того чтобы предоставлять это делать двум различным классам. Это является необходимым условием коммунистической ассоциации уже в силу весьма материальных причин.

Распыленность занимающегося земледелием населения в деревнях, наряду со скоплением промышленного населения в больших городах, соответствует только недостаточно ещё высокому уровню развития земледелия и промышленности и является препятствием для всякого дальнейшего развития, что уже в настоящее время дает себя сильно чувствовать. Всеобщая ассоциация всех членов общества в целях совместной и планомерной эксплуатации производительных сил; развитие производства в такой степени, чтобы оно удовлетворяло потребности всех; ликвидация такого положения, когда потребности одних людей удовлетворяются за счет других; полное уничтожение классов и противоположностей между ними; всестороннее развитие способностей всех членов общества путём устранения прежнего разделения труда, путём производственного воспитания, смены родов деятельности, участия всех в пользовании благами, которые производятся всеми же, и, наконец, путём слияния города с деревней – вот главнейшие результаты ликвидации частной собственности».

По существу в приведённых положениях содержатся все основные экономические составляющие коммунистического развития и полного коммунизма, в котором устранено подчинение людей общественному разделению труда.

Эти положения, так или иначе, классики обосновывали затем во всех своих последующих трудах, в которых речь шла об экономических характеристиках коммунистического общества, включая разделение труда. В «Критике Готской программы» (1875 г.) Маркс, например, дал определение более высокой фазы коммунизма, которое полностью соответствует перечисленным выше экономическим признакам: **«На высшей фазе коммунистического общества, – писал Маркс, – после того как исчезнет порабощающее человека подчинение его разделению труда; когда исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда; когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой потребностью жизни; когда вместе с всесторонним развитием индивидов вырастут и производительные силы, и все источники общественного богатства польются полным потоком, лишь тогда можно будет совершенно преодолеть узкий горизонт буржуазного права, и общество сможет написать на своем знамени: Каждый по способностям, каждому по потребностям!»**

О недопонимании Сталиным сути коммунизма свидетельствует и его утверждение, что при переходе к полному коммунизму члены общества смогут *«получить образование, достаточное для того, чтобы... они имели возможность свободно выбирать профессию, а не быть прикованными на всю жизнь, в силу существующего разделения труда, к одной какой-либо профессии»*. (Экономические проблемы социализма в СССР, с. 68). Значит, при полном коммунизме, по Сталину, останется профессиональный труд, т.е. оплачиваемые пожизненные профессии, а, следовательно, **«ограничение индивидуума сферой определённой профессии»**, которую человек будет свободно выбирать с учетом способностей и полученного образования. Более того, в приведённом выше высказывании Сталин прямо говорит о

коммунистическом разделении труда.

А это позиция не Маркса, не Энгельса и не Ленина. Это позиция Евгения Дюринга, раскритикованного в своё время Энгельсом и Марксом.

Дюринг, как и Сталин, отрицал возможность полного устранения подчинения человека закону разделения труда.

Он полагал этот вопрос *«решенным, раз будут приниматься во внимание различия природных условий и личных способностей.... Привлекательность восхождения к таким родам деятельности, – трактовал он, – которые требуют больших способностей и предварительной подготовки, будет покоиться исключительно на склонности к соответствующему занятию и на удовольствии от выполнения именно этой и никакой другой вещи».*

Опровергая это заблуждение, Энгельс пишет: **«Теперь, после всего сказанного, можно оценить по достоинству ребяческое представление г-на Дюринга, будто общество может взять во владение всю совокупность средств производства, не производя коренного переворота в старом способе производства и не устраняя, прежде всего старого разделения труда; будто задача может считаться решенной, раз только «будут приниматься во внимание природные условия и личные способности».** При этом, однако, целые массы человеческих существ останутся по-прежнему прикованными к производству одного вида продуктов, целые «населения» будут заняты в одной какой-нибудь отрасли производства, и человечество будет, как и до сих пор, делиться на известное число различным образом искалеченных **«экономических разновидностей»**, каковыми являются **«тачечники» и «архитекторы».** Выходит, что общество в целом должно стать господином средств производства лишь для того, чтобы каждый отдельный член общества оставался рабом своих средств производства, получив только право выбирать, какое средство производства должно поработать его» (Анти- Дюринг, с.301-302).

Противоречащее марксизму сталинское понимание рассматриваемой проблемы, допущение разделения труда в виде «несущественных» различий в полном коммунистическом обществе было взято на вооружение КПСС, общественной наукой и пропагандой в послесталинский период. Так, например, в учебном пособии по научному коммунизму 1973 г., в разделе «Преодоление социально-классового содержания разделения труда» читаем: *«Система социалистического общественного разделения труда представляет собой новую, более высокую по сравнению с капиталистической, форму разделения труда, хотя и сохраняющую отдельные элементы старой системы, связанные с уровнем развития производительных сил. Социалистическая система разделения труда непрерывно изменяется, совершенствуется, развивается в направлении перерастания в коммунистическую систему общественного разделения труда, которая будет качественно отличаться от предыдущей. Коммунистическое разделение труда будет базироваться на уничтожении существенных различий между физическим и умственным, индустриальным и сельскохозяйственным трудом, на выравнивании квалификации работников и уровня технической оснащенности их труда. Оно не будет иметь социально - классового содержания, ибо само общество станет социально-однородным»* (Научный коммунизм. Учебное пособие. М., Высшая школа, 1973, с.319).

Как видим, даже в брежневский период в учебной литературе тиражировались сталинские ошибочные положения. В ней речь шла о подчинении людей закону не только социалистического, но в будущем, и коммунистического

общественного разделения труда в форме «несущественных», как писал Сталин, различий, к которым он относил различия в труде рабочих той или иной профессии, различия труда начальников и подчиненных.

Под воздействием официальной советской науки и пропаганды, в общественном сознании глубоко укоренилось представление о невозможности полного преодоления подчинения людей действию закона общественного разделения труда, невозможности преодоления «профессионального кретинизма», который, согласно классикам, покоится на товарном производстве и обмене.

Сталинские заблуждения тиражировали штатные советские академики. Украинский ортодоксальный марксист Б. Грицкив, давая им характеристики, расположил их в алфавитном порядке: **Куусинен** Отто Вильгельмович, **Пономарёв** Борис Николаевич, **Поспелов** Пётр Николаевич, **Суслов** Михаил Андреевич, **Федосеев** Пётр Николаевич. Он справедливо отмечает, что все они почти ровесники, у них почти одинаковая партийная и научная карьера, все они академики, Герои Социалистического Труда, члены ЦК КПСС, кандидаты и члены Президиума ЦК КПСС. Они располагались на высшей ступени идеологической иерархии в СССР. Без их ведома в стране не выходила ни одна книга, не издавался ни один журнал, ни одна газета, невозможна была ни одна публикация, чем-либо отличающаяся от официального курса.

Но самое главное, что их объединяет, – это то, что все они состоялись, сложились как личности при Сталине. Все они дети одного гнезда – гнезда Сталина!

Все они наперегонки, стремясь обогнать друг друга, восхваляли и возвеличивали вождя народов, чутко улавливали любой его намёк, теоретически обосновывали, развивали и разъясняли любое слово вождя.

Все они имели очень гибкий позвоночник и прогибались перед каждым начальством, меняя на 180° свои взгляды и убеждения.

Вот как, например, рассуждал П.Н.Федосеев о классовой борьбе, о ложности лозунга общенародного государства в статье «Марксистская теория классов и классовой борьбы», опубликованной в 1948 году в журнале «Большевик» № 4: *«Всякие отступления от марксовой теории классовой борьбы, как учит весь исторический опыт, ведут к буржуазному перерождению социалистического движения....»* (стр.63)...

«Маркс и Энгельс решительно отвергали утверждения социал-демократических оппортунистов о том, что будто бы государство может стоять над классами и в качестве «общенародного» органа примирить классовые антагонизмы» (стр.65).

А вот в выступление того же Федосеева на февральском (1964 г.) Пленуме ЦК КПСС. Он ехидничал над теми, кто полагает, что классовая борьба должна сохраняться вплоть до высшей фазы коммунизма и что в СССР продолжается классовая борьба (Пленум ЦК КПСС, 10–15 февраля 1964 г. Стенографический отчет. М., 1964 г., с.607-608). Здесь академик напрочь отказывается от своей позиции при Сталине и говорит совершенно противоположное тому, что говорил в 1948 году, прогибаясь уже под Хрущёва.

Затем Б. Грицкив приводит фрагменты из выступления М. А.Суслова на XIX съезде партии, опубликованного в газете «Известия» от 17 октября 1952 г.: *«... партия уверенно поведет советский народ к полной победе коммунизма под мудрым водительством нашего великого вождя и учителя, корифея науки,*

родного и любимого товарища Сталина...

...XIX съезд ВКП(б) и новый гениальный труд т.Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» открывают величественные перспективы победоносного шествия нашей страны к коммунизму...

...В центре внимания всей идейно-политической работы партийных организаций должны стать исторические решения XIX съезда партии, выдающееся произведение И.В.Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР».

И сравнивает их с тем, что писал М.А. Суслов в статье «XXII съезд КПСС и задачи кафедр общественных наук», опубликованной в журнале «Коммунист» № 3, 1962, на стр. 15-47: «...известный тезис Сталина об обострении классово-борьбы после победы социалистического строя, когда эксплуататорские классы были ликвидированы, по сути дела является ревизией учения Маркса, Энгельса, Ленина.

...Сталин, нередко неправильно относившийся к наследию классиков марксизма ленинизма, без оснований критиковал книгу Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», под сомнение ставил такой важнейший по содержанию труд Ленина, как «Философские тетради»

...Известно, что одним из самых запутанных и нерешенных вопросов в политэкономии социализма был вопрос о товарном производстве и законе стоимости... Однако и в брошюре Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» не давался правильный ответ на этот поставленный жизнью вопрос... Сталин ошибочно ограничивал сферу товарного производства только лишь предметами личного потребления, исключая из нее средства производства.

... В «Экономических проблемах» Сталин ошибочно утверждал, что групповая колхозная собственность и товарное обращение уже (в условиях 1952г.!) превращаются в тормоз нашего движения вперед...

... Сталин совершенно обошел один из основных законов диалектики -закон отрицания отрицания и дал неправильную трактовку вопроса о соответствии производственных отношений характеру производительных сил в социалистическом обществе».

С сентября 1953 года по октябрь 1964 года Суслов уже восхвалял Н.С.Хрущева. Вот, что он говорил в своем выступлении на февральском (1964 г.) Пленуме ЦК КПСС: «Товарищ Н.С. Хрущев, с его неиссякаемой энергией, с его подлинно большевистской страстностью и принципиальностью, – признанный руководитель нашей партии и народа. Он выражает самые сокровенные думы и чаяния советских людей. Ленинскую линию, которую проводит наша партия, нельзя отделить от Центрального Комитета, от Никиты Сергеевича Хрущева. Эта линия подняла на небывалую высоту престиж нашей страны на международной арене, возвысила ее авторитет в глазах трудящихся всего мира, Эту ленинскую линию безраздельно поддерживают все коммунисты и весь народ нашей страны. (Бурные аплодисменты. Все встают)» (Пленум ЦК КПСС. 10-15 февраля 1964 г. Стенографический отчет, М., 1964, с.551).

Прошло всего лишь несколько месяцев, и в октябре того же 1964 г., на пленуме ЦК КПСС Суслов сотоварищи уже снимал со всех постов «верного ленинца» Никиту Хрущёва!

Не менее прославился и П.Н. Поспелов, который, будучи редактором «Истории Гражданской войны в СССР», официальных биографий Ленина, Сталина, – создавал именно тот образ вождя народов, который требовался последнему (Грицкив. Б. Суловизм это тот же сталинизм!).

Соответствующим образом нужно относиться и к статьям, опубликованным в Большой Советской Энциклопедии, издававшейся под мудрым руководством все тех же академиков. Относительно разделения труда на ее страницах читаем: *«Подлинно научную оценку Р. т., дал марксизм-ленинизм. Он отмечает его историческую неизбежность и прогрессивность, указывает на противоречия антагонистического Р. т. в эксплуататорском обществе и раскрывает единственно правильные пути их устранения...»*

Возможность свободного выбора профессии способствует превращению труда в первую жизненную потребность, что выступает одним из условий перехода к высшей фазе коммунизма».

Очевидно, что эта позиция не имеет отношения ни к классикам, ни к Ленину, который в этом вопросе полностью придерживался классического марксизма.

Это, внедрённое в массовое сознание дюринго-сталинское заблуждение, затем сыграло с нашим обществом, пытавшимся строить коммунизм, злую шутку.

Оно стало одной из главных причин, обусловивших развитие социального неравенства, отношений частного присвоения и краха советской системы.

Ведь марксизм исходит из того, что на подходе к полному коммунизму в обществе должно быть полностью преодолено подчинение человека общественному разделению труда с заменой его законом перемены общественного труда. Личность «профессионального кретина» должна сменить всесторонне развитая «тотальная» личность (Маркс). Касаясь преодоления общественного разделения труда и воспитания всесторонне развитой личности в период диктатуры пролетариата, Маркс разъясняет: **«Очевидно, что составление комбинированного рабочего персонала из лиц обоего пола и различного возраста, будучи – в своей стихийной, грубой капиталистической форме, когда рабочий существует для процесса производства, а не процесс производства для рабочего, – зачумлённым источником гибели и рабства, при соответствующих условиях неизбежно должно превратиться, наоборот, в источник гуманного развития».**

Классики считали, что в производительном труде должны участвовать все члены общества после достижения определенного возраста, включая и детей. В этой связи Маркс пишет о зародышах **«воспитания эпохи будущего, когда для всех детей свыше известного возраста производительный труд будет соединяться с преподаванием и гимнастикой не только как одно из средств для увеличения общественного производства, но и как единственное средство для производства всесторонне развитых людей»** (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т.23, с.500-501).

Это положение Энгельс отстаивает в споре с Дюрингом. **«Овладев всеми средствами производства в целях их общественно-планомерного применения, – указывает он, – общество уничтожит существующее ныне порабощение людей их собственными средствами производства. Само собой разумеется, что общество не может освободить себя, не освободив каждого отдельного человека. Старый способ производства должен быть, следовательно, коренным образом перевернут, и в особенности должно исчезнуть старое разделение труда. На его место должна вступить такая**

организация производства, где, с одной стороны, никто не мог бы свалить на других свою долю участия в производительном труде, этом естественном условии человеческого существования, и где, с другой стороны, производительный труд, вместо того чтобы быть средством порабощения людей, стал бы средством их освобождения, представляя каждому возможность развивать во всех направлениях и действительно проявлять все свои способности, как физические, так и духовные, – где, следовательно, производительный труд из тяжелого бремени превратится в наслаждение» (см. Анти-Дюринг, с. 298).

Справедливости ради необходимо отметить, что советское среднее и высшее образование, после преодоления безграмотности в стране, было ориентировано на привитие широкого кругозора школьникам и студентам. В соответствии с решениями 20 и 21 съездов партии 60-е годы даже предпринимались робкие попытки расширить специализацию при обучении в средних и высших учебных заведениях. Но они носили только экспериментальный характер и были ориентированы на профессиональное разделение труда.

В это же время, с целью слияния городского и деревенского труда, создавались агропромышленные комплексы. Но эти попытки не получили серьезного развития – в силу, видимо, не только материальных причин, но и недопонимания марксистской теории. Не случайно в Программе КПСС, принятой в 1961 г. на XXII съезде, было сформулировано понятие коммунизма, в котором опущен основной признак более высокой его фазы – отсутствие подчинения человека общественному разделению труда.

«Коммунизм,– записано в Программе,– это бесклассовый общественный строй с единой общенародной собственностью на средства производства, полным социальным равенством всех членов общества, где вместе с всесторонним развитием людей вырастут и производительные силы на основе постоянно развивающейся науки и техники, все источники общественного богатства польются полным потоком и осуществиться великий принцип «от каждого – по способностям, каждому – по потребностям». (Программа КПСС. Политиздат, 1971, с.62).

Из этой формулы коммунизма, в отличие от формулы Маркса в «Критике Готской программы», совершенно непонятно, откуда возьмется полное социальное равенство всех членов общества. Из принципа коммунистического распределения (который к тому же искажен) или вследствие преодоления подчинения людей действию закона общественного разделения труда в результате постоянно развивающейся науки и техники? Очевидно, что составители программы находились под воздействием ошибочной сталинской установки, согласно которой в СССР общественное разделение труда уже было преодолено.

Отрицание необходимости преодоления в первой фазе коммунизма действия законов стоимости и товарного обмена

Как было отмечено ранее, в «Экономических проблемах социализма» Сталин пришел к выводу, что законы стоимости и товарного обмена при социализме приобретают новое, социалистическое содержание, что они не могут привести к реставрации капитализма.

Тем самым, по существу, Сталин отрицал опасность ориентации на стоимостные категории, на расширение товарного обмена в переходный к полному коммунизму период, - опасность, о которой предупреждали и Маркс, и Энгельс, и Ленин.

Маркс в I томе «Капитала» отмечал, что **«товарная форма продукта труда, или форма стоимости товара, есть форма экономической клеточки буржуазного государства»**. (Маркс К. «Капитал». М., Изд.полит.лит., 1973, с.6).

Энгельс в «Анти-Дюринге» разъяснял: **«Понятие стоимости является наиболее общим и потому всеобъемлющим выражением экономических условий товарного производства»**, т.е. капитализма. Он утверждал, что **«в форме стоимости продуктов уже содержится в зародыше вся капиталистическая форма производства»**. **«Раз товаропроизводящее общество, – указывал он, – развило форму стоимости, присущую товарам как таковым, в форму денег, то многое из того, что в стоимости ещё скрыто в виде зародыша, прорывается наружу. Ближайшим и наиболее существенным результатом является то, что товарная форма приобретает всеобъемлющий характер»** (Энгельс Ф. Анти-Дюринг, с.315).

«Происхождении семьи, частной собственности и государства» он писал: **«Лишь только производители перестали сами непосредственно потреблять свой продукт, а начали отчуждать его путем обмена, они утратили свою власть над ним. Они уже больше не знали, что с ним станет. Возникла возможность использовать продукт против производителя, для его эксплуатации и угнетения. Поэтому ни одно общество не может сохранить надолго власть над своим собственным производством и контроль над социальными последствиями своего процесса производства, если оно не уничтожит обмена между отдельными лицами»**.

Ленин постоянно обращал внимание на то, что общество, **«основанное на товарном производстве, стоящее в обмене с цивилизованными капиталистическими нациями, на известной ступени развития неизбежно становится и само на путь капитализма»** (Ленин В.И. ПСС, т. 11, с.37). В хозрасчете Ленин видел восстановление капитализма (там же, т. 44, с.211).

И уж совсем четко он указывал: **«Коммерция = капитализм»** (там же, с.473).

Сталин в «Экономических проблемах социализма в СССР» занял иную позицию.

Конечно, не всё в этом произведении противоречило марксизму. В споре с экономистами-товарниками, которые предлагали расширять товарное производство, и антитоварниками, предлагавшими его немедленно ликвидировать, Сталин отверг обе позиции. Это соответствовало марксизму, ибо, с одной стороны, расширение товарно-денежных отношений, сферы действия закона стоимости, с точки зрения марксизма, ведет к капитализму, но, с другой - уровень развития советских производительных сил того времени, разделение труда между промышленным и сельскохозяйственным производством не позволяли немедленно отказаться от товарного производства, от рыночного обмена.

Ошибка Сталина состояла в том, что прекращение действия закона стоимостного товарно-денежного обмена он связывал с более высокой фазой коммунизма (Экономические проблемы социализма в СССР, с.23). Тогда как классики и Ленин исключали возможность развития товарно-денежных отношений уже в первой фазе, при социализме. Преодоление товарного производства и обмена они считали необходимым уже на этом этапе коммунистического развития. А развитие товарно-денежных отношений Ленин допускал не при социализме, а на этапе создания лишь основ для социализма. Об этом говорилось ранее.

Вот что писал Сталин: *«Нельзя рассматривать товарное производство*

как нечто самодовлеющее, независимое от окружающих экономических условий. Товарное производство старше капиталистического производства. Оно существовало при рабовладельческом строе и обслуживало его, однако не привело к капитализму. Оно существовало при феодализме и обслуживало его, однако, несмотря на то, что оно подготовило некоторые условия для капиталистического производства, не привело к капитализму. Спрашивается, почему не может товарное производство обслуживать также на известный период наше социалистическое общество, не приводя к капитализму, если иметь в виду, что товарное производство не имеет у нас такого неограниченного и всеобъемлющего распространения, как при капиталистических условиях, что оно у нас поставлено в строгие рамки благодаря таким решающим экономическим условиям, как общественная собственность на средства производства, ликвидация системы наемного труда, ликвидация системы эксплуатации?»

И он делал вывод, что «наше товарное производство представляет собой не обычное товарное производство, а товарное производство особого рода, товарное производство без капиталистов, которое имеет дело в основном с товарами объединенных социалистических производителей (государство, колхозы, кооперация), сфера действия которого ограничена предметами личного потребления, которое очевидно, никак не может развиваться в капиталистическое производство и которому суждено обслуживать, совместно с его "денежным хозяйством", дело развития и укрепления социалистического производства» (Экономические проблемы социализма в СССР, с.15,17). Тот же подход у Сталина был и к стоимости, которая, по Марксу, выражает товарную форму продукта труда и которая является клеточкой капиталистического способа производства.

Сталин утверждал, что закон стоимости так же хорошо может обслуживать социализм, как некогда обслуживал капитализм.

Приведём его высказывание и на этот счет: «Иногда спрашивают: существует ли и действует ли у нас, при нашем социалистическом строе, закон стоимости? Да, существует и действует. Там, где есть товары и товарное производство, не может не быть и закона стоимости. Сфера действия закона стоимости распространяется у нас прежде всего на товарное обращение, на обмен товаров через куплю-продажу, на обмен главным образом товаров личного потребления. Здесь, в этой области, закон стоимости сохраняет за собой, конечно, в известных пределах роль регулятора. Но действия закона стоимости не ограничиваются сферой товарного обращения. Они распространяются также на производство. Правда, закон стоимости не имеет регулирующего значения в нашем социалистическом производстве, но он всё же воздействует на производство, и этого нельзя не учитывать при руководстве производством. Дело в том, что потребительские продукты, необходимые для покрытия затрат рабочей силы в процессе производства, производятся у нас и реализуются как товары, подлежащие действию закона стоимости. Здесь именно и открывается воздействие закона стоимости на производство. В связи с этим на наших предприятиях имеют актуальное значение такие вопросы, как вопрос о хозяйственном расчете и рентабельности, вопрос о себестоимости, вопрос о ценах и т. п.». И далее: «Уже было сказано, что сфера действия товарного производства при нашем строе ограничена и поставлена в рамки. То же самое надо сказать о сфере действия закона стоимости» (там же, с.20,21).

Ошибка Сталина была не в том, что он признал действие закона стоимости

и существования рынка в СССР (это – констатация факта), а в том, что он считал это не капитализмом, а социализмом. Своим авторитетом он накрепко связал рынок с социализмом как первой фазой коммунизма. Тем самым он дезориентировал коммунистов. Он не нашел мужества отказаться от провозглашенного им еще в 1936 г. тезиса о том, что в СССР «*осуществлена в основном первая фаза коммунизма, социализм*» (КПСС в резолюциях. М., 1985, т.7, с.51), а в 1949 г. – что социализм победил окончательно.

Относительно первой фазы коммунизма Маркс писал: «**Производители могут, пожалуй, получать бумажные удостоверения, по которым они извлекают из общественных запасов предметов потребления то количество продуктов, которое соответствует времени их труда. Эти удостоверения не деньги. Они не совершают обращения**» (К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т.24, стр.402). В СССР же функционировало самое настоящее капиталистическое денежное обращение. Ибо в деньгах были выражены меновые стоимости товаров.

В «Критике Готской программы» Маркс разъяснял составителям этой программы: «**В обществе, основанном на началах коллективизма, на общем владении средствами производства, производители не обменивают своих продуктов; столь же мало труд, затраченный на производство продуктов, проявляется здесь как *стоимость* этих продуктов, как некое присущее им вещественное свойство, потому что теперь, в противоположность капиталистическому обществу, индивидуальный труд уже не окольным путем, а непосредственно существует как составная часть совокупного труда**». Некоторые лингвисты считают перевод фразы «*столь же мало труд, затраченный на производство продуктов, проявляется здесь как стоимость этих продуктов*» искаженным. Точный её перевод, по их мнению, звучит следующим образом: «**также и труд, затраченный на производство продуктов, не проявляется здесь как *стоимость* этих продуктов**»... (Неизвестный марксизм. Теоретический журнал, 2010, № 1, с.36).

Так или иначе, здесь у Маркса речь идет об отсутствии при социализме стоимостного обмена товарами, как при товарно-денежных отношениях.

Ибо далее он уточняет, что «**каждый отдельный производитель получает – после всех вычетов – обратно от общества ровно столько, сколько сам дает ему. То, что он дал обществу, составляет его индивидуальное количество труда. Например, общественный рабочий день представляет собой сумму индивидуальных рабочих часов; индивидуальное рабочее время каждого отдельного производителя – это доставленная им часть общественного рабочего дня, его доля в нем. Он получает от общества квитанцию о том, что им доставлено такое-то количество труда (за вычетом его труда в пользу общественных фондов), и по этой квитанции он получает из общественных запасов такое количество предметов потребления, на которое затрачено столько же труда. То же самое количество труда, которое он дал обществу в одной форме, он получает обратно в другой форме. Здесь, очевидно, господствует тот же принцип, который регулирует обмен товаров, поскольку последний есть обмен равных стоимостей...**»

Но есть особенность такого обмена. И Маркс ее разъясняет.

Она заключается в том, что «**принцип и практика здесь уже не враждебны друг другу, тогда как при товарообмене обмен эквивалентами существует лишь в *среднем*, а не в каждом отдельном случае**».

Итак, по Марксу, в первой фазе коммунизма уже не должно быть

товарообмена, при котором обмен эквивалентами существует лишь в среднем, через деньги, в которых сконцентрированы меновые стоимости всех товаров.

В этой переходной фазе производитель получает от общества не деньги, а *именную* квитанцию, в которой должно быть выражено количество индивидуальных рабочих часов, представляющих собой индивидуальное рабочее время, - так как другого измерителя для труда, кроме его продолжительности нет.

По этой квитанции производитель получает со склада количество продуктов, соответствующее затраченному им ранее количеству времени на труд. Количество труда, которое он отдал обществу при изготовлении своего продукта, он получает обратно другим продуктом, на изготовление которого затрачено столько же труда.

Следовательно, по Марксу на первой фазе коммунизма уже отсутствует обмен продуктами, но остается обмен деятельностью, т.е. обмен трудом. Но никаких товаров здесь уже нет, «как нет ни малейшего позвякивания монет в кармане производителя».

Такою же позицию занимал и Ленин.

В работе «К истории вопроса о несчастном мире» он писал: *«Реорганизация России на основе диктатуры пролетариата, на основе национализации банков и крупной промышленности, при натуральном продуктообмене города с деревенскими потребительными обществами мелких крестьян, экономически вполне возможна, при условии обеспечения нескольких месяцев мирной работы. А такая реорганизация сделает социализм непобедимым и в России и во всем мире...»* (Ленин В.И. ПСС, т.35, с.250-251). В «Проекте программы РКП(б)» он планировал *«рядом постепенных, но неуклонных мер уничтожить совершенно частную торговлю, организовав правильный и планомерный продуктообмен между производительными и потребительскими коммуналами единого хозяйственного целого, каким должна стать Советская республика»*. (Ленин В.И. ПСС, т. 38, с.89–90).

Более того, как уже отмечалось, государственное регулирование торговли и денежного обращения Ленин считал дополнительным отступлением от социализма даже по сравнению с НЭП.

Однако Сталин не только не видел опасности в законах товарного обмена и стоимости при социализме, но считал, что им суждено обслуживать и далее дело развития и укрепления социалистического производства, так как они, по его мнению, приобрели в этот период новое содержание. Позиция Сталина о возможности длительного существования рынка при социализме немедленно была объявлена последним достижением в развитии марксистско-ленинской мысли. Но на деле она зачёркивала учение Маркса о первой фазе коммунизма.

Перечёркивала она и отношение к этой проблеме Ленина, который не считал это социализмом, а лишь строительством его основ.

В русле ленинской позиции Троцкий в 1936 г. писал: *«Правильнее, поэтому, нынешний советский режим, во всей его противоречивости, назвать не социалистическим, а подготовительным или переходным от капитализма к социализму»* («Преданная революция», М., 1991, стр.43). Он считал, что *«использование привычных норм заработной платы»* служит *«... строительству социализма»*, но это еще не социализм.

Это, конечно, не социализм, это еще капитализм. Если для Ленина рынок – это средство перехода к социализму через государственный капитализм, то для Троцкого это уже не капитализм (см. «Критику деформированного рабочего

государства»). Но и не социализм. А вот, для Сталина, рынок – это сущностный признак социализма, т.е. первой фазы коммунизма. В этом принципиальная разница. По Сталину, получается, что если построили социализм, то в нём может развиваться рынок и товарное производство. Сталин создал облик «социализма с рыночным лицом». Эта позиция была взята на вооружение партией и официальной политэкономической наукой. С тех пор в любом учебнике политической экономии стала содержаться глава о «товарно-денежных отношениях при социализме» или даже о «социалистическом товарном производстве». На сталинской идее «рыночного социализма» воспитывались поколения советских руководителей и ученых-политэкономов. Эта идея настолько укоренилась в сознании советских людей и научного сообщества, что её до сих пор отстаивают многие ученые, называющие себя марксистами.

Нетоварное производство исключает и накопление капитала, а, следовательно, наемный труд. Классики не допускали возможности сосуществования первой фазы коммунизма и наёмного труда, так как наёмный труд равен капиталу, т.е. стоимостному товарному производству и обмену. По их мнению, первая фаза коммунизма равна разрушению наёмного труда и капитала.

Они всегда ставили четкое уравнение: *первая фаза коммунизма равна упразднению наёмного труда*. Однако, как справедливо отмечают авторы статьи «Марксистская анатомия октября и современность»: «Все это было в СССР. Характер труда рабочих оставался наёмным – администрация нанимала работников и обладала реальной властью на производстве, а не наоборот. Прибавочный продукт отчуждался государственным аппаратом и им же перераспределялся. Между тем еще Маркс предупреждал: **«Никакая форма наёмного труда, хотя одна из них может устранить недостатки другой, не в состоянии устранить недостатки самой системы наемного труда»** (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.46, ч.1, с. 62) **«Капитал, - по его убеждению, - предполагает наёмный труд, а наёмный труд предполагает капитал. Они взаимно обуславливают друг друга; они взаимно порождают друг друга»**. (там же, т.6, с.444). А раз создается капитал, то рано или поздно появятся те, кто захочет владеть этим капиталом и «как положено» – на правах частной собственности.

Утвердившийся в ходе реализации модели «государственного социализма» монополю-государственный способ производства, основанный на наёмном труде в промышленности, сфере услуг и значительной части сельского хозяйства – это своеобразный государственный капитализм, которого, по словам В.И. Ленина, «никакой Маркс и никакие марксисты не могли предвидеть» (ПСС, т.45, с.117). Таким путем были преодолены экономические уклады, доставшиеся многонациональной стране в наследство от феодализма и даже дофеодальных способов производства. Однако созданная за годы «социалистического строительства» громадная система управления с её всепроникающим бюрократическим планированием была эффективна только при двух главных обстоятельствах: при не очень значительных номенклатуре и ассортименте промышленной продукции и при значительных объемах дешевого, с полукрепостническими рецидивами труда колхозников и полурабского труда миллионов заключенных в исправительно-трудовых лагерях, что позволяло взамен армии безработных сдерживать рост стоимости рабочей силы и занижать её реальную цену на монополюном рынке труда. По мере исчезновения этих двух факторов, административно-командная система с каждой новой пятилеткой все более пробуксовывала, а к середине 1980-х годов и вовсе встала. Выход из создавшегося тупика партийно-государственная верхушка поначалу пыталась найти в «перестройке», т.е. переходе, по примеру Китая, к модели «рыночного

социализма», но тут же выяснилось, что большая часть «номенклатуры» не хочет поступаться при этом своими привилегиями и вообще привычным полупаразитическим образом жизни, что было бы неизбежно».

Ошибочной позицией Сталина, которую он изложил в «Экономических проблемах социализма в СССР», после его смерти воспользовались экономисты – сторонники товарного направления развития советской экономики, имевшие влияние на партийно-государственную номенклатуру. Поэтому уже в сентябре 1953 г. было принято постановление Пленума ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О расширении советской торговли». Экономисты – сторонники «антитоварного» направления развития подверглись гонениям. Стала сокращаться сфера деятельности Госплана в связи с расширением в апреле 1955 г. экономических прав Совета Министров СССР, министерств союзных республик и директоров предприятий. Первые ощутимые удары по производственному механизму, созданному в годы прежних пятилеток, были нанесены в 1957 году.

Были объявлены неправильными и ошибочными прежние механизмы развития и управления советской экономикой во всех областях и взят путь на децентрализацию управления экономикой.

В 1958 году Хрущёв, совместив должность первого секретаря ЦК КПСС с должностью Председателя Совета Министров СССР, продолжил путь рыночных преобразований. В этом году были ликвидированы МТС, сельхозтехнику стали продавать колхозам. Свое теоретическое обоснование этот путь нашел в трудах ученых-экономистов (например, Островитянов К.В. Политическая экономия. М., Госполитиздат, 1959, 3-е изд., с.440-556).

Идеями рыночного социализма была проникнута и программа КПСС, принятая на XXII съезде в 1961 г. Несмотря на развенчание Хрущёвым культа личности Сталина в 1956 г., в программе было записано: *«В коммунистическом строительстве необходимо полностью использовать товарно-денежные отношения в соответствии с новым содержанием, присущим им в период социализма. Большую роль при этом играет применение таких инструментов развития экономики, как хозяйственный расчет, деньги, цена, себестоимость, прибыль, торговля, кредит, финансы».* (Программа КПСС. Политиздат, 1971, с.89). Нетрудно заметить сходство этого положения Программы с тем, что написано в сталинских «Экономических проблемах социализма в СССР».

И это не случайно. Дело в том, что решение о необходимости переработки Программы партии в связи с переходом к строительству коммунизма было принято в октябре 1952 г. на XIX съезде ВКП(б). В постановлении съезда было прямо записано о необходимости руководствоваться при переработке Программы основными положениями произведения Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР», которое было опубликовано в том же году. (Каганович Л.М. Памятные записки. М., ВАГРИУС, 1996, с. 496).

К тому же, в составлении программы участвовали упомянутые ранее сталинские академики.

С 1962 г., в связи с переводом социалистической системы хозяйствования на стоимостные показатели прибыли, стал регулярно происходить рост цен, что привело к событиям в Новочеркасске, – расстрелу протестовавших против этого рабочих.

Та же экономическая политика была продолжена и всеми последующими руководителями страны. В период руководства страной Брежневым, Председатель Совета Министров СССР А.Н. Косыгин (октябрь 1964 – октябрь 1980 г.) добивался

проведения экономических реформ, которые были изложены им в докладе об улучшении управления промышленностью, совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства на сентябрьском (1965 г.) Пленуме ЦК КПСС. Суть «косыгинских реформ» состояла в децентрализации народнохозяйственного планирования, повышении роли интегральных показателей экономической эффективности (прибыль, рентабельность) и увеличении самостоятельности предприятий. Необходимо отметить, что в период руководства Косыгиным перед советским правительством встала проблема изменений в системе управления.

Изменений настоятельно требовало выросшее и сильно усложнившееся народное хозяйство. В это время появляется проект ОГАС В.М. Глушкова. Идея проекта состояла в усовершенствовании централизованного управления народным хозяйством на базе электронно-вычислительной техники. Над проектом Глушков начал работать еще в 1962 г. Его предложения о разработке системы безденежных расчётов с населением каждый раз настойчиво отвергались.

И тут с рыночной инициативой выступили мало кому известные экономисты Бирман и Либерман. Они предложили Косыгину свой план хозяйственных реформ. Опубликованная в «Правде» статья Е.Г. Либермана «План, прибыль, премия» считалась их научным «обоснованием». Ученые, отнёсшиеся к реформам скептически, называли их "либерманизацией".

В связи с проводимой экономической политикой, вполне понятно, почему Бирман и Либерман сразу стали играть заметную роль в советской экономической науке. Вместе с тем деятельность их была четко направлена против проекта Глушкова. Они соблазняли Косыгина тем, что, дескать, их экономическая реформа будет стоить ровно столько, сколько стоит бумага, на которой будет напечатано постановление Совета Министров. Она даст в результате больше, чем очень дорогой и требующий невероятного напряжения усилий всей страны и полной реконструкции старой системы управления народным хозяйством проект ОГАС.

Эти аргументы сыграли свою роль в том, что программа подведения технической базы под существующую в то время плановую систему управления экономикой была отвергнута. Под воздействием антимарксистских воззрений в партии, аргументов экономистов-«рыночников», а также, видимо, коммерческого прошлого Косыгина во времена НЭП, 4 октября 1965 г. было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства». Это постановление вполне соответствовало действовавшей Программе партии. В нем предлагалось «оценивать результаты деятельности предприятий по полученной прибыли (рентабельности производства)».

Рентабельность уже напрямую связывалась с ростом прибыли, а не со снижением затрат на выпуск единицы продукции.

Кроме государственных и кооперативных предприятий в этом постановлении появились некие «торговые и снабженческие сбытовые организации», которым разрешалось передавать накопившиеся остатки изделий на комиссионных началах, то есть не по действующим государственным ценам. Ясно, что при таком подходе просто не могли не возникнуть и набирать силу полуподпольные коммерческие структуры. Предприятиям представлялась определенная экономическая самостоятельность. Это создавало благоприятные условия для расширения и упрочения отношений частной буржуазной собственности – через укрепление рыночных механизмов товарно-денежного обмена, через дальнейшую децентрализацию управления и планирования путем

внедрения моделей хозрасчета и самофинансирования на предприятиях.

Хозяйственная реформа 1965 г. вполне закономерно пробуксовывала – из-за несовместимости плановой экономики с ориентацией предприятий на капиталистическую прибыль и предоставляемыми свободами для хозрасчета и самофинансирования. Игнорировалось предупреждение Маркса о том, что **« не может быть ничего ошибочнее и нелепее, нежели на основе меновой стоимости и денег предполагать контроль объединенных индивидов над их совокупным производством»** (К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. 46, ч.1, с.102).

Ориентация на расширение рыночных отношений товарного производства и обмена, через хозрасчет и самофинансирование требовала полной самостоятельности предприятия при установлении цены на выпускаемую продукцию, на увольнение лишних рабочих, на прочие экономические элементы капиталистического способа производства и обмена, то есть на расширение отношений буржуазной частной собственности. По этой причине директора предприятий в массе своей стали стремиться к полной хозяйственной независимости, к полному распоряжению средствами производства и распределения, которые находились в их владении и пользовании, что обусловило в дальнейшем роль директорского корпуса как ударной силы контрреволюции.

И хотя реформы Косыгина не были доведены до своего логического завершения, (их завершили впоследствии Горбачев и Рыжков) они имели далеко идущие последствия. Происходил существенный перекося экономики в сторону ее милитаризации. Разваливалось планирование. Вместо планомерности производства и планомерности распределения с целью удовлетворения всё возрастающих потребностей общества и каждого его члена, был введен показатель от достигнутого безотносительно того, имелась ли потребность в той или иной продукции. Такое планирование привело, с одной стороны, к перепроизводству товаров, не пользующихся спросом у населения, с другой – возникал дефицит самого необходимого. Кроме того, в ежегодных отчетах нередко завышались производственные показатели роста.

Как следствие, происходило торможение темпов роста промышленного производства, которые упали с 12,5% предвоенного периода до 3,5% в брежневский период. Однако, несмотря на эти негативные явления в экономике, всё-таки постепенно рос жизненный уровень советских людей.

Продукты питания были дешевыми. Квартирная плата представляла собой почти символическую сумму. Значительно выросли общественные фонды потребления. Вместе с тем за счет перелива средств и мздоимства верхов, образовалась теневая сфера экономики. Разворачивалась торгово-распределительная сеть. Всё это к концу 70-х годов сомкнулось с партийно-государственной номенклатурой. У неё наблюдался безудержный рост привилегий и стремление к коррупции, как скрытой форме эксплуатации.

С приходом к руководству страны в 1985 г. Горбачева и Рыжкова, экономика страны была полностью переориентирована на рыночно-капиталистические рельсы. Это поставило точку в существовании надстройки, ориентированной на социалистическое развитие страны, и она разрушилась, - конечно, не без помощи извне. Совершенно очевидно, что расширение товарно-денежных отношений и ориентация на стоимостные показатели привели к развитию и углублению капиталистических отношений. И мы получили то, что получили.

Намеченные классиками в «Анти-Дюринге» пути уничтожения отношений

частного присвоения и переход к прямому, т.е. общественному присвоению через преодоление подчинения людей общественному разделению труда и обмена, большинству левых, к сожалению, и сейчас представляются утопией. Подобная *дюринговщина* с подачи Сталина, советской политекономической науки и пропаганды, глубоко укоренилось в сознании советских людей.

Деформация марксистской теории в части государственности в первой фазе коммунизма

И, наконец, отступления от фундаментальных основ марксизма, превращавшие марксистскую теорию в утопию, произошло при практическом применении марксизма к сфере советского государственного строительства и управления.

Классики всегда считали государство эксплуататором, паразитическим наростом на теле общества. В «Критике Готской программы» Маркс разъяснял, что **«под "государством" на деле понимают правительственную машину или государство, поскольку оно в силу разделения труда образует свой собственный, обособленный от общества организм...»**.

Поэтому, говоря о сути государства, марксизм имеет в виду, прежде всего, государственный аппарат - чиновничество, бюрократию. Ещё в работе «Критика гегелевской философии права», написанной Марксом в молодом возрасте, он утверждал: **«Бюрократия имеет в своем обладании государство... Авторитет есть принцип её знания. Её иерархия есть иерархия знаний... как руководить людьми... Бюрократия имеет в своём обладании государство, спиритуалистическую сущность общества: это есть её частная собственность»**. (Маркс К. К критике Гегелевской философии права. Соч., т.1, с.273). Эксплуататорская сущность государства раскрывается классиками во многих работах. **«Государство, – пишет Энгельс, – есть продукт общества на известной ступени развития; государство есть признание, что это общество запуталось в неразрешимое противоречие с самим собой, раскололось на непримиримые противоположности, избавиться от которых оно бессильно. А чтобы эти противоположности, классы с противоречивыми экономическими интересами, не пожрали друг друга и общество в бесплодной борьбе, для этого стала необходимой сила, стоящая, по-видимому, над обществом... И эта сила, происшедшая из общества, но ставящая себя над ним, всё более и более отчуждающая себя от него, есть государство...»** (Энгельс Ф. Происхождение семьи частной собственности и государства). Поэтому Маркс и Энгельс полагали, что в ходе коммунистической революции произойдет слом всей старой буржуазной государственной машины, на месте которой будет создана новая пролетарская государственность переходного периода.

На парламент и парламентские способы борьбы Маркс и Энгельс рассчитывали мало. Парламент К. Маркс характеризовал как организацию, **«всегда проявляющую фантастическую склонность к компромиссам – из страха перед борьбой, из слабости и коррумпированности парламентариев, их «семейной привязанности» к родным государственным окладам, из эгоизма, всегда побуждающего заурядного буржуа жертвовать общим интересом своего класса ради того или иного личного мотива»**.

В этом вопросе взгляды левых разошлись. Если социал-демократия полагала, полагает и сейчас возможным парламентские способы борьбы, использование прежней буржуазной государственной машины с ее

бюрократическим аппаратом, то классический марксизм исходит из необходимости её разрушения. Ещё в работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», напечатанной в 1852 г. в Нью-Йорке, Маркс указывал: **«Все перевороты усовершенствовали эту машину вместо того, чтобы сломать ее».** (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. 8, с.206).

В 1871 г. в письме к Кугельману Маркс повторяет, что пролетарская революция должна **«не передать из одних рук в другие бюрократически-военную машину, как бывало до сих пор, а сломать ее... – таково предварительное условие всякой действительно народной революции на континенте».** (Маркс К. и Энгельс Ф. Избранные письма. М., 1947, с.263).

Но что взамен? Взамен сломанной буржуазной государственной машины, как отмечалось выше, Маркс предлагал создать переходную пролетарскую государственность для осуществления государственной политики диктатуры коренных классовых интересов пролетариата.

Против этого выступили анархисты М.А. Бакунин и его сторонники. Они призывали к немедленному уничтожению паразита-государства в ходе социальной революции.

Бакунин писал, что Маркс *«хочет того же, чего хотим мы: полного торжества экономического и социального равенства, – но в государстве и при посредстве государственной власти, при посредстве диктатуры очень сильного и, так сказать, деспотического временного правительства, т.е. посредством отрицания свободы. Мы хотим достичь того же торжества экономического и социального равенства путем уничтожения государства и всего, что зовется юридическим правом и, с нашей точки зрения, является перманентным отрицанием человеческих прав. Мы хотим перестройки общества и объединения человечества не сверху вниз, при посредстве какого бы то ни было авторитета и с помощью социалистических чиновников, инженеров и других официальных ученых; мы хотим перестройки снизу вверх, путем свободной федерации освобожденных от ярма государства рабочих ассоциаций всех видов»* (Материалы для биографии М. Бакунина, т. 3, Бакунин в Первом Интернационале. М.,Л., 1928, с.330).

В этой связи в письме Теодору Куно от 24 января 1872 г. Энгельс разъяснял: **«В то время как основная масса социал-демократических рабочих вместе с нами считает, что государственная власть есть не что иное, как организация, которую создали себе господствующие классы – землевладельцы и капиталисты – для защиты своих общественных привилегий, Бакунин утверждает, что государство создало капитал, что капиталист обладает своим капиталом только по милости государства. Так как, следовательно, государство является главным злом, то необходимо, прежде всего, упразднить государство, и тогда капитал сам собой полетит к черту. Мы же говорим обратное: упраздните капитал – присвоение немногими всех средств производства – и тогда государство падёт само собой. Разница существенная: упразднение государства без осуществления прежде социального переворота – бессмыслица; упразднение же капитала – это и есть социальный переворот и включает в себе преобразование всего способа производства».**

Таким образом, анархо-бакунисты выступили против борьбы рабочего класса за власть. Они выступали вообще против всякой власти, в том числе и власти рабочего класса. Классики, в свою очередь, отстаивали необходимость пролетарского государства, которое было бы своеобразным мостиком для

перехода от государства к самоуправлению народа.

Прообраз такого мостика они увидели в конструкции коммунального государства, созданного во времена «Парижской Коммуны».

Подобной конструкцией Маркс устранил недостающее звено в коммунистической теории – конструкцией пролетарского государства-коммуны (общины), которое должно прийти на смену сломанной старой буржуазной государственной машине.

30 мая 1871 г., сразу после подавления Парижской Коммуны, Генеральным советом Международного Товарищества Рабочих было принято составленное Марксом воззвание под заголовком «Гражданская война во Франции. Воззвание Генерального совета Международного Товарищества Рабочих». В этом историческом документе Маркс полностью поддержал коммунаров, которые, во избежание бюрократизации государственного аппарата Парижской коммуны, строили ее на определенных принципах. Называть такую конструкцию уже не государством, а коммуной (общиной) предлагал Энгельс.

Ленин в «Государстве и революции» называл ее полугосударством. Согласно марксистскому учению, коммунальная государственность переходного к полному коммунизму периода должна обладать следующими принципами:

1. Она должна быть не парламентарной, а работающей корпорацией, в одно и то же время и законодательствующей, и исполняющей законы.

2. Выборы центральных и местных органов власти должны осуществляться на основе всеобщего избирательного права по избирательным округам. Депутаты должны избираться из рабочих или признанных представителей рабочего класса. Они должны быть сменяемы в любое время с простейшей процедурой отзыва той организацией, которая их избирала. Депутаты должны строго придерживаться *mandat impératif* (точной инструкции) своих избирателей.

3. Высших государственных чинов не должно быть. Зарплата чиновника любого ранга не выше зарплаты рабочего, без всяких привилегий и выдачи денег на представительство.

4. Постоянного войска и полиции не должно быть. Они замещаются национальной гвардией, в основном, состоящей из рабочих, а в сельской местности - народной милицией, с самым непродолжительным сроком службы.

5. Судейские чины должны избираться открыто, быть ответственными и сменяемыми.

6. Церковь должна быть отделена от государства, а школа от церкви с экспроприацией всех церквей, поскольку они являются корпорациями, владевшими имуществом. Священники должны вернуться к скромной жизни частных лиц, чтобы подобно их предшественникам-апостолам жить милостыней верующих.

7. Все учебные заведения должны быть бесплатными для народа и вне влияния церкви и государства. Таким образом, не только школьное образование становилось бы доступным всем, но и с науки снимались бы оковы, наложенные на нее классовыми предрассудками и правительственной властью.

Маркс писал: **«Коммуна была прямой противоположностью французской империи. Лозунг «социальной республики», которым парижский пролетариат приветствовал февральскую революцию, выражал лишь неясное стремление к такой республике, которая должна была**

устранить не только монархическую форму классового господства, но и самое классовое господство. Коммуна и была определенной формой такой республики...»

В этом произведении он ведёт речь о периферийном самоуправлении, которое развивалось бы в такой государственности.

Но он был противником полной отмены централизации сразу. **«Немногие, но очень важные функции, – разъясняет он, – которые остались бы тогда еще за центральным правительством, не должны были быть отменены – такое утверждение было сознательным подлогом – а должны были быть переданы коммунальным, то есть строго ответственным чиновникам.**

Единство нации подлежало не уничтожению, а, напротив, организации посредством коммунального устройства. Единство нации должно было стать действительностью посредством уничтожения той государственной власти, которая выдавала себя за воплощение этого единства, но хотела быть независимой от нации, над нею стоящей. На деле эта государственная власть была лишь паразитическим наростом на теле нации. Задача состояла в том, чтобы отсечь чисто угнетательские органы старой правительственной власти, её же правомерные функции отнять у такой власти, которая претендует на то, чтобы стоять над обществом, и передать ответственным слугам общества. Вместо того, чтобы один раз в три или в шесть лет решать, какой член господствующего класса должен представлять и подавлять народ в парламенте, вместо этого всеобщее избирательное право должно было служить народу, организованному в коммуны, для того чтобы подыскивать для своего предприятия рабочих, надсмотрщиков, бухгалтеров, как индивидуальное избирательное право служит для этой цели всякому другому работодателю».

Некоторые лидеры социал-демократии стали называть государство-коммуна народным государством. Эту позицию остро критиковали анархо-бакунисты. Энгельс соглашался с такой критикой. В письме Бебелю он разъяснял:

«Так как государство есть лишь преходящее учреждение, которым приходится пользоваться в борьбе, в революции, чтобы насильственно подавить своих противников, то говорить о свободном народном государстве есть чистая бессмыслица: пока пролетариат ещё нуждается в государстве, он нуждается в нём не в интересах свободы, а в интересах подавления своих противников, а когда становится возможным говорить о свободе, тогда государство, как таковое, перестает существовать».

Согласно марксистской теории, коммунальное (общинное) государство должно осуществлять господство (диктатуру) коренных классовых интересов пролетариата на переходе от капитализма к полному коммунизму, т.е. в первой коммунистической фазе. Коренными классовыми интересами пролетариата на этой фазе классики считали ликвидацию классов через уничтожение отношений частного присвоения, развивающихся в форме общественного разделения труда и стоимостного товарно-денежного обмена. С ликвидацией классов должны отпадать и функции государства, как машины для поддержания господства одной части общества над другой. В «Манифесте коммунистической партии» классики записали: **«Когда в ходе развития исчезнут классовые различия и все производство сосредоточат в руках ассоциации индивидов, тогда публичная власть потеряет свой политический характер».** (Манифест коммунистической партии. с.47). А это значит, что публичная, т.е. государственная власть перестанет существовать.

Энгельс уточняет это положение в «Анти-Дюринге». Он пишет: **«Когда государство наконец-то становится действительно представителем всего общества, тогда оно само себя делает излишним. С того времени, когда не будет ни одного общественного класса, который надо было бы держать в подавлении, с того времени, когда исчезнут вместе с классовым господством, вместе с борьбой за отдельное существование, порождаемой теперешней анархией в производстве, те столкновения и эксцессы, которые проистекают из этой борьбы, – с этого времени нечего будет подавлять, не будет и надобности в особой силе для подавления, в государстве.**

Первый акт, в котором государство выступает действительно как представитель всего общества – взятие во владение средств производства от имени общества – является в то же время последним самостоятельным актом его как государства. Вмешательство государственной власти в общественные отношения становятся тогда в одной области за другой излишними и само собой засыпает. На место управления лицами становится управление вещами и руководство производственными процессами. Государство не "отменяется", оно *отмирает*. Исходя из этого, следует оценивать фразу про "свободное народное государство", фразу, имевшую до известной поры право на существование в качестве агитационного средства, но в конечном итоге научно несостоятельную. Исходя из этого, следует оценивать требование так называемых анархистов, чтобы государство было отменено с сегодня на завтра». (Энгельс Ф. с.285).

А в «Происхождении семьи, частной собственности и государства» он делает вывод: **«Итак, государство существует не извечно. Были общества, которые обходились без него, которые понятия не имели о государстве и государственной власти. На определенной ступени экономического развития, которая необходимо связана была с расколом общества на классы, государство стало в силу этого раскола необходимостью. Мы приближаемся теперь быстрыми шагами к такой ступени развития производства, на которой существование этих классов не только перестало быть необходимостью, но становится прямой помехой производству. Классы исчезнут так же неизбежно, как неизбежно они в прошлом возникли. С исчезновением классов исчезнет неизбежно государство. Общество, которое по-новому организует производство на основе свободной и равной ассоциации производителей, отправит всю государственную машину туда, где ей будет тогда настоящее место: в музей древностей, рядом с прялкой и с бронзовым топором».**

Ленин к принципам коммунальной государственности добавил и своё положение о немедленном переходе *«к тому, чтобы все исполняли функции контроля и надзора, чтобы все на время становились "бюрократами" и чтобы поэтому никто не мог стать бюрократом»...*

«С того момента, – писал он, – когда все члены общества или хотя бы громадное большинство их сами научились управлять государством, сами взяли это дело в свои руки, "наладили" контроль за ничтожным меньшинством капиталистов, за господчиками, желающими сохранить капиталистические замашки, за рабочими, глубоко развращёнными капитализмом, – с этого момента начинает исчезать надобность во всяком управлении вообще. Чем полнее демократия, тем ближе момент, когда она становится ненужной. Чем демократичнее "государство", состоящее из вооружённых рабочих и являющееся "уже не государством в собственном смысле слова", тем быстрее начинает отмирать всякое государство. Ибо когда все научатся управлять и

будут на самом деле управлять самостоятельно общественным производством, самостоятельно осуществлять учет и контроль тунеядцев, баричей, мошенников и тому подобных “хранителей традиций капитализма”, – тогда уклонение от этого всенародного учета и контроля неизбежно сделается таким невероятно трудным, таким редчайшим исключением, будет сопровождаться, вероятно, таким быстрым и серьезным наказанием (ибо вооружённые рабочие – люди практической жизни, а не сентиментальные интеллигентки, и шутить они с собой едва ли позволят), что необходимость соблюдать несложные основные правила всякого человеческого общежития очень скоро станет привычкой. И тогда будет открыта настезь дверь к переходу от первой фазы коммунистического общества к высшей его фазе, а вместе с тем к полному отмиранию государства».

Конструкцию пролетарского государства-коммуны Ленин предлагал в «Апрельских тезисах» 1917 г. Однако этой ленинской мечте не суждено было сбыться – прежде всего, из-за империалистического окружения и отсталости молодой Советской Республики, преобладания мелкобуржуазной стихии малограмотной крестьянской массы и поэтому оказания мощнейшего сопротивления коммунистическим преобразованиям. В «Крестьянской войне в Германии» Энгельс предупреждал: **«Самым худшим из всего, что может предстоять вождю крайней партии, является вынужденная необходимость обладать властью в то время, когда движение ещё недостаточно созрело для господства представляемого им класса и для проведения мер, обеспечивающих это господство. То, что он может сделать, зависит не от его воли, а от того уровня, которого достигли противоречия между различными классами, и от степени развития материальных условий жизни, отношений производства и обмена, которые всегда определяют и степень развития классовых противоречий. То, что он должен сделать, чего требует от него его собственная партия, зависит опять-таки не от него самого, но также и не от степени развития классовой борьбы и порождающих ее условий... Таким образом, он неизбежно оказывается перед неразрешимой дилеммой: то, что он может сделать, противоречит всем его прежним выступлениям, его принципам и непосредственным интересам его партии; а то, что он должен сделать, невыполнимо. Словом, он вынужден представлять не свою партию, не свой класс, а тот класс, для господства которого движение уже достаточно созрело в данный момент. Он должен в интересах самого движения отстаивать интересы чуждого ему класса и отделяться от своего класса фразами, обещаниями и уверениями в том, что интересы другого класса являются его собственными».** Таким классом в СССР оказался крестьянский мелкобуржуазный класс, и партия вынуждена была представлять интересы этого класса, составлявшего на тот период подавляющее большинство населения.

Кроме того, как отмечают некоторые авторы, в силу собственных воззрений, В.И. Лениным был взят курс на жесткую централизацию (см, например, Жиль Дове. "Ренегат Каутский" и его ученик Ленин. Интернет-сайт <http://www.aitrus.info/node/98>).

Необходимо подчеркнуть, что советская государственность значительно отличалась от марксистской конструкции государственности пролетарской. Она была сформирована не как пролетарское коммунальное (общинное) государство, а как государство без буржуазии, но буржуазное – с его высшими должностными лицами и штатным аппаратом пожизненных чиновников, которые имели привилегии, присущие буржуазной бюрократии. В ночь с 25 на 26 октября 1917 г.

на II Всероссийском съезде Советов было сформировано первое Советское правительство – Совет народных комиссаров. Он состоял целиком из большевиков.

Председателем первого Совнаркома был избран Ленин. Троцкий в нём занял пост народного комиссара по иностранным делам. После образования народного комиссариата по делам национальностей, его возглавил Сталин. Члены вновь образованного правительства (СНК) пользовались полномочиями и привилегиями высших должностных лиц государства. Народные комиссары были облечены полномочиями министров, а председатель – полномочиями премьер-министра.

Если сразу же после прихода к власти партия большевиков во главе с Лениным и пыталась реализовать на практике основные марксистские требования к пролетарской государственности переходного периода, то уже через несколько месяцев она вынуждена была отказаться от этих попыток. Последовательно реализовать их было невозможно, прежде всего, из-за малограмотности большинства населения. Не было квалифицированных кадров в среде революционно настроенного пролетариата и крестьянства.

Пришлось использовать в управлении царских специалистов.

А они не были сознательными коммунистами и требовали соответствующей оплаты.

Выступая на IV конгрессе Коминтерна 13 ноября 1922 года, В.И. Ленин вынужден был констатировать: *«Мы переняли старый государственный аппарат, и это было нашим несчастьем. Государственный аппарат очень часто работает против нас. Дело было так, что в 1917 году, после того, как мы захватили власть, государственный аппарат нас саботировал. Мы тогда очень испугались и попросили: «Пожалуйста, вернитесь к нам назад». И вот они все вернулись, и это было нашим несчастьем. У нас имеются теперь огромные массы служащих, но у нас нет достаточно образованных сил, чтобы действительно распоряжаться ими. На деле очень часто случается, что здесь, наверху, где мы имеем государственную власть, аппарат кое-как функционирует, в то время, как внизу они самовольно распоряжаются и так распоряжаются, что очень часто работают против наших мероприятий. Наверху мы имеем, я не знаю сколько, но я думаю, во всяком случае, только несколько тысяч, максимум несколько десятков тысяч своих. Но внизу – сотни тысяч старых чиновников, полученных от царя и от буржуазного общества, работающих отчасти сознательно, отчасти бессознательно против нас»* (ПСС, т.45, с. 290).

Не смогли большевики реализовать и марксистское положение о диктатуре пролетариата. Как справедливо отмечают авторы статьи «Марксистская анатомия октября и современность», «диктатура пролетариата в России существовала. Но, во-первых, это была не диктатура пролетариата в «чистом виде», то есть не одноклассовая социалистическая диктатура пролетариата, а «демократическая диктатура пролетариата», то есть союз меньшинства рабочих и большинства бедных крестьян. Во-вторых, срок ее жизни ограничивается лишь несколькими месяцами». Первая попытка утверждения «демократической диктатуры пролетариата» ограничилась периодом с октября 1917 года по январь-февраль 1918 года. За это время, произошло слияние рабочих и солдатских Советов с общекрестьянскими Советами.

Затем в январе-феврале 1918 года произошло слияние подлинно рабочих

организаций – фабрично-заводских комитетов с профсоюзами. Профсоюзы же переводились под контроль складывавшегося партийно-государственного аппарата, членство в них становилось обязательным для всех работающих не только на предприятиях, но и в учреждениях...

Несмотря на сопротивление рабочего класса такой государственной политике, к началу 1919 г. Советской власти удалось покончить с автономными фабзавкомом. Так же в ходе гражданской войны большевики отказались от своей же дооктябрьской идеи создать отдельно от крестьянских Советов Советы сельскохозяйственных рабочих...

Итак, несмотря на всю активность рабочего класса и крестьянства и свержение политического господства помещиков и буржуазии, социалистической революции в октябре (ноябре) 1917 года в капиталистически отсталой России не произошло.

Карл Маркс предвидел возможность такой ситуации. Еще 1847 году. Он писал: **«Поэтому, если пролетариат и свергнет политическое господство буржуазии, его победа будет лишь кратковременной, будет лишь вспомогательным моментом в самой буржуазной революции, как это было в 1794 году (во Франции – авт.), – до тех пор, пока в ходе истории, в её «движении» не создались ещё материальные условия, которые делают необходимым уничтожение буржуазного способа производства...»** (Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд., т.4, с. 298-299).

Прекрасно это понимал и Ленин. Уже после победы в гражданской войне и введения НЭП он заявлял, что *«мы довели буржуазно-демократическую революцию до конца, как никто»*, однако оговаривался:

«Мы вполне сознательно, твердо и неуклонно продвигаемся вперед, к революции социалистической, зная, что она не отделена китайской стеной от революции буржуазно-демократической, зная, что только борьба решит, насколько нам удастся (в последнем счете) продвинуться вперед, какую часть необъятно высокой задачи мы выполним, какую часть наших побед закрепим за собой. Поживем, увидим» (Ленин В.И. ПСС, т. 44, с. 144–145).

«Таким образом, – справедливо отмечают авторы указанной статьи, – к началу 1919 года диктатура пролетариата в Советской России – даже в её неразвитом, «демократическом», виде – потерпела поражение; фабзавкомы и комбеды были упразднены, социалистическая перспектива Октябрьской революции внутри страны была окончательно утрачена. А через полгода потерпела поражение и пролетарская революция в Европе... Страна по существу вернулась к революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства. Однако и ей осталось недолго существовать, ведь реальная власть была уже не у депутатов рабоче-крестьянских Советов, а у исполкомов и комитетов РКП(б). Советы всё больше отделялись от трудовых коллективов, а в Советском аппарате стали нарастать бюрократические тенденции, с которыми большевики совершенно искренне призывали массы и самих себя бороться» (Неизвестный марксизм. Теоретический журнал. № 1, 2010, с.5-10).

В начале ноября 1920 г. на заседании коммунистов – делегатов V Всероссийской конференции профсоюзов - возникла дискуссия о роли и задачах «резервуара государственной власти»: профсоюзов в Советской России. В ходе дискуссии одни считали возможным отдать руководство промышленностью профсоюзам, другие настаивали на свободе создания фракций и платформ

внутри профсоюзов и внутри партии. Группа «демократического централизма», в которую входили: Сапронов, Осинский, Смирнов, выступила вообще против единоначалия. Этой же позиции придерживались Рыков и Томский. Они были сторонниками коллегиального руководства.

Л.Д. Троцкий рассуждал в том направлении, что мол, если государство у нас рабочее, от кого профсоюзам защищать пролетариат? Не от родного же государства? На это Ленин возражал: *«Товарищ Троцкий говорит о «рабочем государстве». Позвольте, это абстракция.... Не совсем рабочее, в том-то и штука. Тут и заключается одна из основных ошибок товарища Троцкого... У нас государство на деле не рабочее, а рабоче-крестьянское – это во-первых. А из этого очень многое вытекает ... Государство у нас рабочее, – добавил Ленин, – с бюрократическим извращением».* (Ленин В.И. ПСС, т.42, с.207-208).

И далее он разъяснял: *«Наше теперешнее государство таково, что поголовно организованный пролетариат защищать себя должен, а мы должны эти рабочие организации использовать для защиты от своего государства и для защиты рабочими нашего государства. И та, и другая защита осуществляется через своеобразное сплетение наших государственных мер и нашего соглашения, «сращивания» с нашими профсоюзами... – в понятие «сращивания» входит то, что надо уметь использовать мероприятия государственной власти для защиты материальных и духовных интересов поголовно объединенного пролетариата от этой государственной власти»* (там же, с. 209).

В дискуссии верх взяла ленинская позиция, согласно которой профсоюзы были названы школой управления, школой хозяйничанья, школой коммунизма. Однако они должны были действовать под государственным руководством и под влиянием партии. Методом убеждения они должны были поднять рабочих на борьбу с разрухой, вовлечь их в социалистическое соревнование, а тем самым - в социалистическое строительство. В результате профсоюзы были подчинены государственному руководству и партийному влиянию. Впоследствии они стали пристяжным ремнем директорского корпуса.

В марте 1921 г. состоялся X съезд партии. Ленин выступил с докладом о *единстве партии*. Съезд предписал распустить немедленно все фракционные группы.

Эти решения были записаны в резолюции съезда «О единстве партии».

Съезд осудил также «рабочую оппозицию». Он признал пропаганду анархо-синдикалистских идей руководства промышленностью профсоюзами несовместимой с принадлежностью к коммунистической партии. С опорой на эту резолюцию, в партии и в обществе было подавлено всякое инакомыслие, независимо от сложившихся объективных условий.

Быстрыми темпами стала формироваться партийная и советская бюрократия.

В «Письме к съезду» (1922 г.) Ленин предупреждал соратников:

«Наша партия опирается на два класса и потому возможна ее неустойчивость и неизбежно ее падение, если бы между этими двумя классами не могло состояться соглашения» (ПСС, т.45, с. 344).

«Если не закрывать глаза на действительность, то надо признать, что в настоящее время пролетарская политика партии определяется не её составом, а громадным, безраздельным авторитетом того тончайшего слоя,

который можно назвать старой партийной гвардией. Достаточно небольшой внутренней борьбы в этом слое, и авторитет его будет если не подорван, то, во всяком случае, ослаблен настолько, что решение будет зависеть уже не от него», – писал он чуть ранее (там же, с.20).

Однако он отказывался публично признавать непролетарский характер возникшего в результате Октябрьской революции общества и даже грозил публичным выразителям таких взглядов расстрелом (там же, т.45, с. 89-90).

Трудно не согласиться и с выводом авторов «Марксистской анатомии октября» в том, что «прогнозы Ленина-теоретика (в отличие от немарксистских чаяний его, как социал-якобинского политика и практика) полностью оправдались. ВКП(б) пережила ожесточенную внутрипартийную борьбу и уничтожение значительной части старой гвардии, а СССР – крах попытки социалистической революции в одной, отдельно взятой капиталистически отсталой стране. Как показала история, завершение всего цикла буржуазно-демократических преобразований в России заняло примерно столько же времени, сколько во Франции. Там – 1789-1871 гг. у нас – 1905-1991. Причем сходство удивительное, до мелочей. Сам Ленин напоминал Робеспьера. Он, как и Робеспьер в свое время, неоднократно бил левых, – к примеру, на X съезде РКП(б) была запрещена «Рабочая оппозиция», добивавшаяся выполнения одного из ключевых положений новой партийной программы о том, что «профессиональные союзы должны прийти к фактическому сосредоточению в своих руках всего управления всем народным хозяйством, как единым целым» (Ленин В.И. ПСС, Т.38, с.435). На гильотину российский «Робеспьер» не попал, но известно, что в годы сталинских «чисток» старой гвардии его вдова Н.К. Крупская допускала, что Ленин мог бы оказаться в числе репрессированных. После смерти вождя революции власть в Советской России, как и во Франции в 1794, перешла к термидорианской «Директории» – более правым «нэповским коммунистам»...

На смену НЭП в конце 1920-х годов пришел российский советский бюрократизм во главе с И.В. Сталиным, который воплотил в себе многие черты Наполеона I и даже отчасти Наполеона II»...

Как уже было отмечено, под руководством Сталина в СССР сформировался с своеобразный государственный капитализм в форме государственного социализма, который был похож на государственный капитализм в некоторых буржуазных государствах.

В этой связи в 1891 году под влиянием Ф. Энгельса немецкие социал-демократы включили в Эрфуртскую программу своей партии следующее положение: **«Социал-демократическая партия не имеет ничего общего с так называемым государственным социализмом, системой огосударствления в фискальных целях, которая ставит государство на место частного предпринимателя и тем самым объединяет в одних руках силу экономической эксплуатации и политического угнетения рабочего».** (К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т.22, с.623).

Созданное усилиями российских большевиков и их последователей общество оказалось как раз практическим воплощением этой известной немарксистской модели псевдосоциализма, на деле же – государственно-капиталистического монополизма.

Конечно, в Советском Союзе был другой «случай» «государственного социализма». Коллективизация позволила большевикам провести необходимую для индустриализации общества культурную революцию на селе. Она

способствовала перекачке свыше 30 млн. рабочих рук из села в город.

В СССР сохранялась классовая структура общества, в том числе промышленный рабочий класс, совхозный полупролетариат и постоянно сокращавшееся колхозное крестьянство.

Роль буржуазии при этом играл политически господствующий класс партийно-государственной бюрократии («номенклатура»), выполнявший, говоря словами Энгельса, **«общественную должностную функцию совокупного предпринимателя»** (там же, т.20, с.185). Сохранялись товарообмен между государственными и колхозно-кооперативными секторами производства, розничная торговля и прочие атрибуты товарно-денежного хозяйства.

Цель государственного социализма, как отмечал Ф. Энгельс, – **«превратить возможно большее число пролетариев в зависимых от государства чиновников и пенсионеров и организовать наряду с дисциплинированной армией солдат и чиновников такую же армию рабочих»**. **«Принудительные выборы под наблюдением назначенного государством начальства вместо фабричных надсмотрщиков – хорош социализм»**, - возмущался он (К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т.35, с.140).

Такой социализм и был построен в СССР («Марксистская анатомия октября и современность»).

В годы гражданской войны и мирного строительства основ социализма, а также перехода к провозглашенным коммунистическим преобразованиям, партийные и государственные чиновники стали превращаться в *«особый слой лиц, специализирующийся на управлении и поставленный в привилегированное положение перед народом»* (Ленин). Они были носителями отчуждающегося от общества организованного насилия в форме власти.

Как уже отмечалось, основной причиной невозможности реализации марксистских положений о коммунальном государстве переходного периода без постоянной армии и полиции стало то, что коммунистические преобразования осуществлялись в отдельно взятой отсталой стране, в капиталистическом окружении, без поддержки революциями в основных господствующих странах капитала. Как и предсказывал Маркс, местный коммунизм постоянно подвергался опасности быть задавленным как изнутри, так и мировым капитализмом.

В октябре 1917 г. были созданы рабочие дружины для охраны общественного порядка, на базе которых затем была сформирована советская милиция, как постоянно действующий государственный орган с профессиональными сотрудниками. Затем, по существу, милиция переросла в полицию.

Чиновники старых министерств устроили саботаж. Но саботаж был сломлен и ликвидирован. Был создан Высший совет народного хозяйства (ВСНХ).

В декабре 1917 г. для борьбы с саботажами и контрреволюционными выступлениями молодое Советское государство было вынуждено создать Всероссийскую Чрезвычайную Комиссию (ВЧК). По существу, ВЧК исполняла функции политической полиции. В 1922 г. ВЧК была реорганизована в Государственное политическое управление (ГПУ).

Внешняя империалистическая угроза, состояние войны с Германией, заставили молодую советскую республику создавать постоянную армию. 15 января 1918 г. был издан Декрет Совета Народных Комиссаров «Об организации Рабоче-крестьянской Красной Армии» *на добровольной основе*. После начала

гражданской войны и военной интервенции стран Антанты в 1918 г. советская республика была вынуждена создавать постоянную армию уже на мобилизационной основе.

Советской власти не удалось избежать известных предостережений о том, что любая «власть развращает, а абсолютная власть развращает абсолютно».

Советские партийные и государственные деятели, в том числе и из ядра профессиональных революционеров в партии большевиков, стали добывать уважение к себе с помощью исключительных законов, в силу которых они приобретали привилегии для себя, особую святость и неприкосновенность.

Власть развращала и абсолютно развратила, особенно после смерти Ленина, советское партийное и государственное руководство во главе со всеми генеральными секретарями. Привилегии для партийных и государственных чиновников оставались до конца Советской власти.

Партийная бюрократия стала получать привилегии с 1922 г. Так, во время болезни Ленина на XII партконференции (август 1922 г.) была принята резолюция «О материальном положении активных партработников». Была введена строгая иерархия их обеспечения по 6 разрядам (КПСС в резолюциях и решениях, т.2, с.597). В июле 1923 г. Зиновьев и Бухарин осудили постановление Политбюро об облегчении детям ответственных работников условий поступления в вузы. Они заявили, что **«такая привилегия закроет дорогу более даровитым и внесёт элементы касты. Не годится».** (Известия ЦК КПСС, 1991, № 4. с.202).

В этом же году Ленин в своем предсмертном письме: «Как нам реорганизовать Рабкрин», предназначенном для немедленного опубликования, писал: *«Наш госаппарат, за исключением Наркоминдела, в наибольшей степени представляет из себя пережиток старого, в наименьшей степени подвергнутого сколько-нибудь серьезным изменениям».* (Ленин. В.И. ПСС, т.45, с.383). Он предложил XII съезду партии меры по предотвращению дальнейшей бюрократизации партии и государства, чрезмерной концентрации власти в руках Политбюро, Оргбюро, Секретариата и генерального секретаря. Ленин считал необходимым расширить состав, права и полномочия в партии Центральной Контрольной Комиссии (ЦКК), а в государственном управлении – Рабоче-крестьянской Инспекции (РКИ). Он предложил объединить ЦКК с РКИ и ввести в состав ЦКК 75-100 новых членов из числа рядовых рабочих и крестьян, без отрыва их от производства. Они должны были обладать равными правами с членами ЦК, сплоченной группой присутствовать на заседаниях ЦК, Оргбюро и Политбюро и иметь возможность противодействовать чрезмерной бюрократизации партии и власти.

Ленин просил опубликовать эти письма в «Правде» немедленно. Бухарин, будучи главным редактором газеты «Правда», сразу опубликовать письмо не решился, так как оно касалось Сталина. После долгих проволочек, в конце концов, письмо было опубликовано, но в нём была изъята фраза о том, что Сталин, будучи наркомом государственного контроля и возглавляя РКИ, своим авторитетом мог бы помешать деятельности комиссии. (Известия ЦК КПСС, 1989, № 11, с.179-192). В апреле 1923 г. на XII съезде партии, на котором Ленин уже не присутствовал, формально были выполнены ленинские рекомендации. ЦК был расширен с 27 до 40 человек. Также формально была реорганизована Рабоче-крестьянская Инспекция (Рабкрин), которую возглавлял Сталин.

После смерти Ленина 21 января 1924 г. советская бюрократия стала развиваться быстрее, благодаря сталинской политике назначения на должности

преданных ему людей. В случае попадания в немилость чиновник и его семья теряли все. Поэтому они были полностью зависимы от Сталина. Он всегда мог устранить неугодного – того, кого он породил. Однако Сталин не видел в этом развитие капитализма, а считал, что в СССР осуществляется переход от капитализма к первой фазе коммунизма, видимо, забыв, что этот переход осуществляется в условиях капитализма.

Каста партийно-государственных чиновников особенно интенсивно стала формироваться с начала 30-х годов. Под руководством Сталина складывалась система «номенклатуры». Это была система распределения официальных постов и привилегий, им сопутствующих.

Номенклатурная система предполагала наличие двух отдельных списков. В первом содержались должности, а во втором – имена лиц, пригодных для назначения на эти должности. Система номенклатурных списков создавала машину контроля над любой политической, государственной или общественной должностью значимого масштаба. Центральная и местная партийно-государственная номенклатура в полной мере начинала пользоваться представляемыми властью возможностями. Те, кто становился частью номенклатурной системы, получали соответствующие привилегии, о которых остальное население могло только мечтать. Эти привилегии уже не были стеснены «мещанскими» представлениями о равенстве. Марксистское положение о социальном равенстве, достигаемом с помощью ликвидации подчинения людей общественному разделению труда, было объявлено «левацкой уравниловкой». Выступления оппозиции во главе с Троцким внутри партии с требованиями реализации ленинских установок борьбы с бюрократией были жестоко пресечены Сталиным.

Следует, однако, отметить, что вплоть до 1933 г. Троцкий сурово осуждал любую попытку борьбы со сталинизмом. Он предлагал бороться с бюрократией посредством внутренней реформы партийного и государственного аппарата.

Сталин гордо отвечал ему: «Эти кадры можно снять только гражданской войной». Левая оппозиция с покорностью заявляла: «Наша задача заключается в том, чтобы сохранить единство партии во что бы то ни стало, дать решительный отпор политике раскола, откола, исключений, отсечений и тому подобное – и в то же время обеспечить партии возможность свободно обсудить и разрешить все спорные вопросы в рамках единой партии» (Проект Платформы большевиков-ленинцев (оппозиций) к XV съезду ВКП(б), «Архив Троцкого», М., 1990, т.4, с.152).

Троцкий, вопреки марксизму, продолжал считать СССР рабочим государством, однако, «деформированным». В 1931 году он утверждал: *«Признание нынешнего Советского государства как государства рабочего означает не только то, что буржуазия может вновь захватить власть лишь путем вооруженного восстания, но также и то, что пролетариат СССР не утратил возможности подчинить себе бюрократию или возродить партию и исправить режим диктатуры без новой революции и путем реформы».*

Троцкий ошибочно считал, что определяющим в СССР является комплекс надстроечных юридических и политико-экономических мер, которые составляют «пролетарский фундамент государства». По его мнению, пока не осуществляется возврат к частной собственности на основные средства производства, пока осуществляется планирование, «возврат» к капитализму невозможен.

В этой связи теоретики ИКП справедливо отмечают:

«Беда, однако, в том, что из него никогда не «выходили», в рамках одной

России это невозможно, и что экономические мероприятия, осуществленные большевиками, а позже сталинское планирование, провозглашенное Троцким как победа, были полностью совместимы с капитализмом».

Эти авторы в полном соответствии с марксистской теорией утверждают в своей статье, что любая бюрократия есть бюрократия определенного способа производства. Следовательно, марксистов должны интересовать не степень злоупотреблений или привилегий, лживости или «покушений на демократию», а идентификация способа производства, который делает необходимым государство, формализмом которого является бюрократия.

Поскольку советская бюрократия покупала товары за деньги, постольку речь может идти о бюрократии капиталистического способа производства. *«Низшая стадия коммунизма, т.е. социализм, не будет знать бюрократии. Тот, кто не является сознательным контрреволюционером или тупым, неисправимым республиканцем, не может говорить о «бюрократизированном социализме»; выражение само по себе абсурдное, потому что социализм – это устранение бюрократии»* («Критика теории «Деформированного рабочего государства»).

А вот как характеризовал советскую бюрократию Т.В. Сапронов в его статье 1932 г. «Агония мелкобуржуазной диктатуры». Он писал: *«Часть этой бюрократии вышла из рядов революционного пролетариата, большинство же никакого отношения к Октябрьской революции не имеет. Оно наберено частью из открыто враждебных раб[очему] классу сил, частью из деклассированной м[елкой] буржуазии и худшей полудеревенской части рабочего класса. Эта бюрократия воспиталась не на революции, а на ее удушении. Поэтому она враждебна и революции, и раб[очему] классу. Она в то же время и антибуржуазна, а потому м[елко]буржуазна. Рабочему классу она враждебна потому, что его господство исключает существование паразитической бюрократии. Буржуазии же такая бездарная бюрократия не нужна (и вообще такая многочисленная бюрократия даже буржуазии излишня). Бюрократия это прекрасно знает и потому борется и против раб[очего] класса, и против буржуазии. Она же борется и против частного м[елко]б[уржуаз]ного хозяйства, потому что развитие последнего неизбежно ведет к развитию капитализма, а следовательно, к потере бюрократией своего господства. Это показала политика 1923-27гг. и ее результат в 1928 г.*

Отсюда ее попытка, начавшаяся в 1929 г., не опираясь на сознательную волю ни одного из классов, построить идеальное бюрократическое, госкапиталистическое хозяйство. Но эти попытки терпят крах.

Диалектические противоречие существования столь паразитической бюрократии заключается в том, что она может господствовать только при условии деклассирования всех классов. Последнее происходит [за счет] разрушения производительных сил. Это разрушение с неизбежностью ведет к гибели всей бюрократической системы хозяйства, и вместе с ней погибнет господство бюрократии».

И еще он писал: *«В защиту того, что диктатура пролетариата существует, часто приводятся смехотворные выводы, что формально существуют советы. При этом забывается марксистская истина: форма без содержания - пустышка.*

Забывается, что "переход от капитализма к коммунизму, конечно, не может не дать громадного обилия и разнообразия политических форм, но сущность будет при этом неизбежно одна – диктатура пролетариата" (Ленин,

"Гос[ударство] и револ[юция]"). Диктатура же пролетариата означает "государство вооруженных рабочих", будь это в форме Советов, фабзавкомов и пр.

Еще в 1917 году, когда советы были меньшевистско-эсеровскими, большевики намеревались фабзавкомы превратить в органы восстания; лишь быстрая большевизация советов помешала этому плану.

История показала, что и Милюков не против Советов, но без коммунистов, тем более ренегатам коммунизма выгодно при уничтожении содержания советов прикрыться их формой».

Буржуазными советы оставались всегда. Остаются они такими и в постсоветский период там, где они еще остались.

В середине 30-х годов, когда было объявлено, что социализм в стране полностью построен, были начаты репрессии против оппозиции и широкого слоя партийных и советских кадров, не согласных с диктаторской политикой Сталина. Репрессиям подверглись как руководящие партийные работники, так и работники среднего и низшего звена партии. Проводились они под известным тезисом Сталина об усилении сопротивления врагов социализма по мере его укрепления. Митинги против «врагов народа» были главной формой выражения народного одобрения политических репрессий 1930-х гг. Массовая истерия, подстегиваемая пропагандой, вела к раскручиванию их маховика. Часть простых людей видела в репрессиях 1937 года удар против заевшегося и коррумпированного начальства, многие использовали их в личных целях.

Простые граждане заваливали органы НКВД доносами на своих начальников, сослуживцев и соседей. Затем репрессии обрушились на военных и на работников НКВД. В Отчетном докладе на XVIII съезде партии «О работе ЦК ВКП(б) 10 марта 1939 г. Сталин разбил строительство основ социализма на две фазы. Он говорил: *«Вторая фаза – это период от ликвидации капиталистических элементов города и деревни до полной победы социалистической системы хозяйства и принятия новой Конституции. Основная задача этого периода – организация социалистического хозяйства по всей стране и ликвидация последних остатков капиталистических элементов, организация культурной революции, организация вполне современной армии для обороны страны. Сообразно с этим изменились и функции социалистического государства. Отпала – отмерла функция военного подавления внутри страны, ибо эксплуатация уничтожена, эксплуататоров нет больше и подавлять некого».* (Сталин И.В. Сочинения, т.14, с. 336).

Если последовательно придерживаться марксистского учения, то в такой ситуации государство должно было постепенно отмирать вместе с бюрократией.

Однако этого не происходило. Наоборот, государственная машина подавления после полной победы сталинской модели социализма стала набирать обороты. Более того, государственный аппарат насилия стал использоваться партийными и государственными чиновниками внутри общества для удержания личной власти, своего господства над всем обществом.

Под колёса репрессий всё чаще стали попадать не только соратники Ленина, партийные, государственные деятели, а также представители силовых структур, но и простые граждане – за инакомыслие и даже за анекдоты о Сталине или об его политике. И всё это под прикрытием вульгарно интерпретируемой Сталиным диалектики отмирания государства через его укрепление.

В отчетном докладе съезду «О работе ЦК ВКП(б)» 10 марта 1939 года

Сталин говорил: *« Как видите, мы имеем теперь совершенно новое, социалистическое государство, не виданное еще в истории и значительно отличающееся по своей форме и функциям от социалистического государства первой фазы. Но развитие не может остановиться на этом. Мы идем дальше, вперед, к коммунизму. Сохранится ли у нас государство также и в период коммунизма? Да, сохранится, если не будет ликвидировано капиталистическое окружение, если не будет уничтожена опасность военных нападений извне, причем понятно, что формы нашего государства вновь будут изменены, сообразно с изменением внутренней и внешней обстановки. Нет, не сохранится и отомрет, если капиталистическое окружение будет ликвидировано, если оно будет заменено окружением социалистическим»* (Сталин И.В. Вопросы ленинизма. Госполитиздат, 1947, с.605-606).

Утверждение о возможности достижения полного коммунизма в одной стране, находящейся в капиталистическом окружении, о возможности наличия, в связи с этим, государства и публичной власти, конечно, противоречило марксистской теории. Однако Сталин свои идеи укрепления государства при переходе к коммунизму и возможность существования государства при полном коммунизме называл развитием марксизма, творческим марксизмом, также как и все остальные свои идеи, противоречащие марксизму. В «Словаре иностранных слов», который был издан при его жизни в 1949 году, читаем: *«Сталин блестяще развил ленинское учение о социалистическом государстве, ...пришел к гениальному выводу о необходимости сохранения государства и при коммунизме, если не будет ликвидировано капиталистическое окружение, если оно не будет заменено окружением социалистическим»* (Словарь иностранных слов. М., 1949, с.314, 550).

Существование государства, государственной машины принуждения в «социалитете», как обществе будущего, допускал и Дюринг. Этот идеалистически-гегелевский взгляд, высказанный в его философском труде, был высмеян Энгельсом. Дюринг, характеризуя придуманное им социалистическое общество будущего, писал, что *«отдельная личность абсолютным образом подчинена государственному принуждению»*, но это принуждение находит себе оправдание лишь постольку, поскольку оно *«действительно служит естественной справедливости»*. Для этой цели будут существовать *«законодательство и судебная власть»*, которые, однако, *«должны оставаться в руках всего коллектива»*, а затем – оборонительный союз, проявляющийся в *«совместной службе в рядах войска или в составе какого-либо исполнительного органа, предназначенного для обеспечения внутренней безопасности»* – следовательно, – делает вывод Энгельс, – **будут существовать и армия, и полиция, и жандармы. Г-н Дюринг уже не раз показал себя бравым пруссаком; здесь же он доказывает, что имеет полное право быть поставленным рядом с тем образцовым пруссаком, который, по словам блаженной памяти министра фон Рохова, «носит своего жандарма в груди»** (Анти – Дюринг, с.321).

Следует также отметить, что в начале войны в своих выступлениях Сталин сместил акценты с классовых позиций на народно – патриотические. В речи на параде 7 ноября 1941 г. он вспомнил имена совсем не коммунистических полководцев: Александра Невского, Дмитрия Донского, Александра Суворова, Михаила Кутузова. В 1943 г. были восстановлены некоторые дореволюционные традиции страны. Было признано право на существование Русской православной церкви и других конфессий. Избранный патриархом, митрополит Сергей был принят Сталиным. В 1943 г., в интересах улучшения отношений с союзными

капиталистическими государствами, был ликвидирован Коминтерн. В 1944 г. был принят новый, патриотический гимн СССР, заменивший Интернационал.

Происходило расслоение общества. Особо расслоение коснулось армии, где с 1943 г. были введены погоны и традиционные офицерские звания, которые существовали до революции. Теперь командиров называли офицерами, так же, как при царе. В двадцать четыре года, например, сын Сталина от второго брака Василий становится генералом. Высший, средний и низший командный состав имел установленные привилегии, каждый свои. Офицеры имели солдат, которые их обслуживали. Солдаты, по существу, находились в полу рабском положении.

Лучшие части советской армии стали именоваться гвардейскими.

Официальная пропаганда поднимала на щит военачальников, защищавших Родину во времена самодержавия – Суворова, Кутузова, Нахимова и других, кто давил революции в странах Западной Европы. Были введены георгиевские ленты и ордена Александра Невского, Суворова и Кутузова, вызывавшие ассоциации со старыми царскими временами. Для подготовки офицерской военной элиты были созданы суворовские и нахимовские училища, где особым покровительством пользовались дети офицеров. После войны началось формирование военных династий. К концу войны офицеры получили такое положение, какого не имела никакая иная прослойка советского общества. Так происходило его расслоение.

В 1945 г. ценой больших жертв СССР одержал победу над фашистской Германией. Сразу было начато восстановление разрушенного хозяйства. В этот период рабочая сила направлялась в любой сектор экономики ещё по законам военного времени. В то же время оставался в силе Указ 1940 г. об уголовной ответственности за опоздание на работу или за самовольное оставление предприятия, вплоть до полугода лишения свободы.

У колхозников же и вовсе не было паспортов. Поэтому они без разрешения председателя и колхозного собрания не могли покинуть колхоз.

Расслоение общества, в основе которого лежал закон общественного разделения труда, продолжалось. А внутри партии вновь дают о себе знать признаки борьбы за первенство. В августе 1948 г. внезапно умер член Политбюро, первый секретарь ленинградской партийной организации Жданов. В первые послевоенные годы он был самой влиятельной фигурой после Сталина. Возникло ленинградское дело.

По этому делу все ведущие партийные и государственные работники, а также их заместители в Ленинграде и Ленинградской области были репрессированы. Многие казнены.

После смерти Сталина в 1953 году укрепление советского государства и публичной власти продолжается в условиях уже отсутствия в стране антагонистических классов, когда государство было объявлено представителем всего общества, при наличии окружения Советского Союза странами, называвшимися социалистическими. Усиление советского государства и власти в таких условиях в корне противоречило марксистской коммунистической теории. Оно, естественно, порождало борьбу за личную власть.

И всё это благодаря своеобразно понимаемой Сталиным диалектике отрицания советской государственности через её укрепление.

После смерти Сталина борьбу за власть стало вести его окружение.

Уже через день после его смерти, 7 марта 1953 г., состоялся дележ портфелей его ближайшими соратниками. В Президиум ЦК КПСС были избраны:

Маленков, Берия, Ворошилов, Молотов, Каганович, Хрущёв, Булганин, Микоян, Сабуров, Первухин (Каганович Л.М. Памятные записки. М., Вагриус, 1996, с.501). На сентябрьском (1953 г.) Пленуме ЦК по предложению Маленкова первым секретарем ЦК был избран Хрущёв.

В борьбе за личную власть Хрущёва сменил Брежнев и его окружение. При этом борьба за личную власть преподносилась как борьба за коммунизм. Точку в подобной «борьбе за коммунизм» поставил последний генсек КПСС Горбачев, который по указке своих западных покровителей перевёл экономические отношения с государственно-капиталистических на частнокапиталистические, либерально-рыночные рельсы. Вместе с Ельциным он разрушил КПСС и содействовал развалу СССР.

В ходе мошеннической приватизации бывшая партийно-государственная номенклатура и теневой капитал присвоили государственную собственность, которая была обозначена в советских конституциях как общенародная, и образовали олигархический и иной капитал. Ельцинская Конституция РФ легализовала частную собственность, в том числе и собственность частных лиц на источники существования всего общества. Ныне международный олигархат (в том числе и украинский) с подачи США устроил междоусобную бойню на бывшей территории СССР с целью передела собственности. В ходе гражданской войны из всех видов оружия обстреливается мирное население украинских городов.

* * *

Итак, согласно марксистской теории, решение проблемы бюрократии лежит в плоскости преодоления подчинения человека общественному разделению труда и товарно-денежным отношениям. Для этого коммунистическая революция должна, прежде всего, сломать буржуазную государственную машину и создать своё пролетарское полу-государство – коммуну с перечисленными ранее признаками. По мере целенаправленного преодоления подчинения людей общественному разделению труда в сфере производства и управления должны развиваться различные формы самоуправления.

История с очевидностью показала, что пролетарское государство-коммуна не может существовать в окружении господствующих капиталистических стран, которые постоянно бы осуществляли на него давление.

Не может оно существовать и в отсталой стране в условиях распространения нужды, крестьянской мелкобуржуазной психологии, борьбы за необходимые предметы потребления, что ведёт к образованию привилегированных слоев и возврату всей капиталистической мерзости. Именно поэтому классики считали неременным условием становления и развития пролетарской коммунальной государственности осуществление коммунистической мировой революции в господствующих странах капитала с высоким уровнем развития производительных сил. Это исключало бы давление на страны, вставшие на путь коммунистических преобразований со стороны мирового капитала и мирового рынка, а также создавало бы возможность переброски в них передовых технологий.

Согласно марксистскому учению, пролетарская коммунальная государственность должна полностью отмереть ко второй фазе коммунизма. Отомрёт она в результате развития производительных сил и целенаправленной политики преодоления подчинения людей общественному разделению труда, законам товарного производства и обмена с целью ликвидации отношений

частной собственности и классов. При этом основоположники коммунистической теории вполне логично предположили, что вместе с исчезновением классов исчезнет и государство, так как в повиновении держать будет некого. К тому же мировая коммунистическая революция устранил для каждой страны внешнюю угрозу. Само собой отпадёт надобность в государстве как машине подавления, обороны и нападения. Отпадёт необходимость в партиях и политической борьбе. В «Манифесте коммунистической партии» классики записали: **«Когда в ходе развития исчезнут классовые различия и все производство сосредоточится в руках ассоциации индивидов, тогда публичная власть потеряет свой политический характер»**. А это значит, что публичная, т.е. государственная власть перестанет существовать.

На смену государственному управлению придет самоуправление.

«На место управления лицами,– пишет Энгельс в «Анти-Дюринге»,– становится управление вещами и руководство производственными процессами». Следовательно, главным признаком самоуправления является отсутствие государственного управления.

Американский историк и этнограф Льюис Генри Морган, труды которого классики положили в основу своих исследований первобытного коммунизма, считал, что высшей ступенью общественного управления, к которой непрерывно стремятся опыт, разум и наука будет возрождение – **«но в высшей форме – свободы, равенства и братства древних родов»** (Морган. Древнее общество, с.552). Такую же позицию занимали и основоположники коммунистической теории. **«И что за чудесная организация, – восхищался Энгельс в «Происхождении семьи, частной собственности и государства», – этот родовой строй во всей его наивности и простоте! Без солдат, жандармов и полицейских, без дворян, королей, наместников, префектов или судей, без тюрем, без судебных процессов – всё идет своим установленным порядком»**.

Классики полагали, что в результате преодоления общественного разделения труда на смену пролетарскому полу-государству-коммуне с его аппаратом чиновников-полубюрократов должно прийти управление, подобное родовому, коммунистическому самоуправлению, но только на более высоком уровне.

С ликвидацией общественного разделения труда, товарно-денежного обмена, а с ним и отношений частной собственности, отомрут классы, так как в основе деления общества на классы лежит закон разделения труда. С отмиранием классов отомрет и государство, как машина для поддержания господства одной части общества над другой. Вполне естественно отомрёт и профессиональный труд оплачиваемого государственного чиновника. Отомрёт и государственно-правовое регулирование. Общество перейдет на скоординированное самоуправление. Регулирование будет осуществляться с помощью кибернетических устройств, на основе коммунистических традиций, обычаев и коммунистической нравственности.

Заключение

Итак, общественно-историческая практика показала, что ни одно из принципиальных положений классического марксизма, рассмотренных в этой брошюре, не было реализовано на практике, ни одно из них на сегодняшний день не устарело. Наоборот жизнь постоянно подтверждает их истинность.

Ошибочным оказался не аутентичный марксизм, а его деформированная,

вульгарная интерпретация, которая превратила марксизм из науки в утопию, привела к его дискредитации.

Ныне ошибочной, утопической марксистскую теорию считают либо ее идеологические противники, либо люди, которые знакомы с ней поверхностно и отождествляют марксизм со сталинским «марксизмом-ленинизмом».

Классическая марксистская теория, безусловно, нуждается в освобождении от посторонних «творческих» наслоений и развитии. Однако – в развитии тех неразвитых положений, которые действительно ее бы развивали, а не отрицали её основополагающие начала.

К сожалению, приходится констатировать, что в новейшей истории не было периода, когда бы рассматриваемая теория овладевала не только пролетарскими массами, но и массами коммунистических партийцев, во главе с партийной верхушкой. На Западе этому мешали различные псевдомарксистские социалистические и коммунистические движения. В СССР марксизм был подменен его вульгарным толкованием, выдаваемым за творческое его развитие, под воздействием малограмотности населения и мелкобуржуазной стихии.

Ныне аутентичной марксистской теорией владеют не то, что массы, а мизерное количество людей. Поэтому важнейшей задачей коммунистов-марксистов является оказание помощи людям левых взглядов в овладении фундаментальными ее положениями с тем, чтобы она превратилась в материальную силу, способную изменить мир.

Думается, что для защиты классической марксистской теории коммунизма, внедрения ее принципиальных положений в сознание масс и подготовки их к мировой коммунистической революции необходимо создание мощной международной организации, которая стояла бы на теоретической платформе классического марксизма. Эта платформа могла бы включить в себя следующие положения:

1. Общественно-историческая практика подтвердила истинность фундаментальных основ марксистской теории. Только овладев массами, эта теория может стать той материальной силой, которая будет способна изменить общественные отношения в направлении их очеловечивания - коммунизма. Только тогда человечество совершит скачок из царства необходимости в царство свободы.

2. Свобода в философском смысле означает знание законов развития общества и следование в их русле. В социальном смысле свобода понимается как отсутствие угнетения человека подневольным трудом. Труд должен быть творческим и свободным в условиях социального равенства.

3. Мы разделяем марксистское понимание социального равенства как отсутствие в обществе социально-классовых различий, как равенство людей в общественных отношениях, равенство в удовлетворении их человеческих потребностей, которые у всех людей индивидуальны. Всякое требование равенства, идущее дальше этого, неизбежно приводит к нелепости. Социальное равенство является необходимым условием социальной справедливости.

4. Мы непоколебимы в том, что развитие человеческого общества, также как и развитие природы и человеческого мышления, подчинены законам материалистической диалектики. Поступательное движение происходит от простого к сложному, от менее совершенных форм к более совершенным. При этом не чье-то сознание (мышление) определяет развитие а, наоборот, объективная действительность, общественное бытие в развитии определяет

общественное сознание, формирует соответствующую личность.

5. Мы не ставим под сомнение то, что движение человеческого общества, как и любое развитие вообще, происходит эволюционно-революционным путем в результате преодоления диалектических противоречий, перехода одних диалектических связей в другие.

6. Мы считаем коммунизм (от слова общий, всеобщий) этапом, закономерно вытекающим из всей предыдущей истории, этапом, на котором произойдет обобществление, а, значит очеловечивание человечества, считаем коммунизм гуманизмом практическим, который достигается путем ликвидации отношений частного присвоения.

7. Мы рассматриваем историю человеческого бытия с точки зрения развития человеческого общества от общего к частному, а от частного к всеобщему.

8. Коммунизм (общинность), как практическую человечность, мы отождествляем с атеизмом, который считаем человечностью теоретической, достигаемой путем снятия религии. Мы против иррационального мышления, обскурантизма, религиозных и иных суеверий. Но религию физически уничтожить и запретить невозможно, так как она есть фантастический образ отчужденной человеческой сущности. Поэтому мы считаем, что религиозное восприятие исчезнет вместе с революционно-коммунистическим изменением бытия. Но мы против «уступок реакционной поповщине».

9. Мы стоим на почве материалистического понимания истории, первичности материального производства в жизни людей, за которым следует сфера культурно-нравственная, идеологическая. Производство, а вслед за производством и распределение продуктов, составляют основу всякого общественного строя. В каждом **«выступающем в истории обществе *распределение* продуктов, а вместе с ним и разделение общества на классы или сословия, определяется тем, что и как производится, и как эти продукты производства обмениваются»**. Следовательно, конечных причин всех общественных изменений и политических переворотов надо искать не в головах людей, не в возрастающем понимании ими вечной истины и справедливости, а в изменениях способа производства и обмена. Их надо искать не в философии, а в экономике соответствующей эпохи (Энгельс).

10. В экономическом смысле мы рассматриваем общество как совокупность различных форм деятельности людей по производству своей жизни. Мы разделяем классическое положение марксизма, что механизмом движения человеческого общества является разрешение диалектических противоречий между производительными силами и производственными отношениями. При этом под производительными силами мы понимаем средства производства (орудия труда, технологии) и человека с его физическими и умственными возможностями. Труд человека является основной производительной силой.

11. Отношения по поводу производства, обмена, распределения, присвоения и потребления жизненных средств образуют производственные отношения.

12. Диалектическая связь между производительными силами производственными отношениями в марксизме охватывается понятием «способ производства». Каждой исторической эпохе соответствовал свой способ производства. Смена способов производства происходит в результате эволюционно-революционного разрешения противоречий между развивающимися опережающими темпами производительными силами и сдерживающими их рост производственными отношениями. При этом движущей силой развития производительных сил является диалектическое противоречие между постоянно растущими потребностями общества

и каждого индивида и возможностями их удовлетворения, что требует усовершенствования орудий труда и технологий.

13. Мы согласны с классиками в том, что производственные отношения развиваются внутри отношений собственности.

14. При этом, под отношениями собственности мы, вместе с классиками, понимаем отношения людей по поводу присвоения средств жизни и, прежде всего, источников существования всего общества.

15. Способ распределения и присвоения может носить общий, переходный и частный характер.

16. Вначале он носил общий стадный, а затем родоплеменной характер. Общий характер распределения и присвоения исключал для отдельных индивидов возможность присвоения с избытком, создающим условия для господства и эксплуатации. С появлением и развитием разделения труда, обмена, а также патриархальной семьи, распределение и присвоение стали приобретать переходный характер к частному присвоению. Общий характер присвоения, основанный на использовании примитивных орудий труда с низкой производительностью, требовал массы рабочей силы. Постепенно он стал тормозить развитие производительных сил и производительности труда. Через смешанные лучастные переходные формы, на смену общему характеру распределения и присвоения пришел частный характер распределения и присвоения.

17. Под частным характером распределения и присвоения (отношениями частной собственности) в марксизме понимается обусловленный общественным разделением труда, товарным производством и обменом способ присвоения средств к жизни с избытком, дающим возможность командовать чужим трудом и его эксплуатировать. Следствием избыточного присвоения отдельными индивидами стало появление рабства, вначале в семье (рабы -жена и дети), а затем и в обществе. Присвоение прибавочного продукта рабского труда вначале способствовало совершенствованию орудий труда, развитию культуры и способностей человека.

18. Дальнейшее развитие разделения труда и обмена расслоили общество на ненавидящие друг друга классы эксплуататоров и эксплуатируемых. Их необходимо было держать в узде, чтобы они не уничтожили друг друга. Появляется государственность, опирающаяся на насилие. Возникают деспотические государства азиатского типа, в которых частная собственность, частный характер присвоения, еще не носит развитого характера. Источники существования всего общества находятся в собственности государства, во главе с деспотом и его свитой. Они эксплуатируют все остальное население. Производственные отношения еще носят смешанный, переходный к частному присвоению характер.

19. Окончательно сформировался частный характер присвоения в период Античности, с рабовладельческим способом производства. Апогеем развития этого способа производства стала Западная Римская Империя. Отношения частной собственности (частного присвоения) впервые находят свое развитое юридическое выражение именно в древнеримском частном праве. С тех пор возникшие естественным путем отношения собственности нашли свое отражение в правовой надстройке. Они стали отношениями надстроечными, правовыми.

20. Поскольку производственные отношения развиваются внутри отношений собственности, т.е. присвоения, постольку они носят характер этих отношений.

Следовательно, производственные отношения могут носить общий, смешанный (переходный) и частный характер. Находясь в диалектической взаимосвязи с производительными силами, производственные отношения в процессе развития определенного способа производства, начинают отставать от развития производительных сил из-за устаревающих отношений собственности. Конфликты между производительными силами и производственными отношениями приводят к экономическим кризисам, к разрушениям производительных сил, к уничтожению произведенного продукта, а при капитализме - и к безработице. Они революционизируют сознание масс, становятся причиной войн, классовых столкновений и политических революций.

21. Поэтому мы не подвергаем сомнению вывод Маркса о том, что совокупность **«производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процесс жизни вообще».**

22. Базис и надстройка находятся в диалектическом единстве. Они взаимосвязаны, взаимозависимы и взаимообусловлены. Мы не отрицаем относительной самостоятельности юридической и политической надстройки, ее философских, идеологических, культурных и нравственных институтов, и её обратного влияния на экономический базис. Однако, в конечном счете, она всегда обусловлена экономическими отношениями, экономическим базисом общества.

23. Мы являемся сторонниками формационного подхода к периодизации истории. Мы согласны с классиками в том, что человечество в своем поступательном историческом движении прошло через первичную и вторичную формации, внутри которых развивались последовательно сменявшие друг друга способы производства со своими производственными отношениями. Первобытные отношения – с общей собственностью, азиатские (переходные) отношения – с государственной собственностью, античные, феодальные и капиталистические отношения – с частной собственностью. Каждая экономическая общественная эпоха шаг за шагом проходила свой диалектический путь становления, развития, доминирования и угасания. Переход человечества в новую формацию происходил только тогда, когда предыдущая формация полностью вырабатывала свой потенциал. И даже когда определенные экономические отношения доминировали в обществе, в нем все равно, как генетическая память, сохранялись отношения ушедших эпох, - а также присутствовали новые хозяйственные отношения, которые, зарождались в старых, затем их отрицали. Впереди у человечества – третичная формация обобществившегося, т.е. очеловечившегося человечества с коммунистическими отношениями общего владения, т.е. отношениями общей собственности, но на более высоком уровне, по сравнению с первобытнообщинным способом производства и присвоения.

24. Мы не сомневаемся в научной обоснованности марксистского вывода о том, что переход к коммунистическому обществу потребует насильственного вмешательства в отношения собственности, ликвидации частного характера присвоения. Поэтому мы не подвергаем сомнению вывод основоположников, что коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: «уничтожение частной собственности».

25. Капитализм сформировал новую частную собственность - капиталистическую - через присвоение прибавочной стоимости, произведенной наемной рабочей силой. Но одновременно он создал и своего могильщика -

пролетария. При этом мы придерживаемся марксистского определения пролетария как наемного работника умственного или физического труда, отчужденного от продукта своего труда, не имеющего в собственности иного капитала, кроме своих способностей к труду.

26. Мы согласны с марксистским выводом о том, что частная собственность отчуждает производителя от продукта его труда, человека от человека, человека от природы, человека от возможности всестороннего развития его способностей.

27. Мы вслед за классиками считаем, что смена капиталистических отношений отношениями коммунистическими произойдет революционным путем, что из всех революций коммунистическая революция является наиболее полной, так как она предшествует возникновению такого общества, где **«социальные эволюции перестанут быть политическими революциями»** и захватническими войнами.

28. Мы разделяем марксистский вывод о том, что **«коммунисты были бы последними, кто стал бы возражать против уничтожения частного присвоения мирным путем. На путь революционной вооруженной борьбы пролетариат становится вследствие того, что его развитие насильственно подавляется буржуазией и буржуазной властью»** - и международной буржуазией.

29. Мы вместе с классиками считаем, что социальную революцию по желанию кого-либо сделать невозможно. Она вызревает объективно. Можно подготовить и совершить политическую революцию, захватив власть. Однако это не будет революцией социальной, если для нее не созрели социально-экономические условия. Мы согласны с основоположниками коммунистической теории в том, **«что всякие заговоры не только бесполезны, но даже вредны..., что революции нельзя делать предумышленно и по произволу и что революции всегда и везде являлись необходимым следствием обстоятельств, которые совершенно не зависели от воли и руководства отдельных партий и целых классов. Но, вместе с тем, очевидно, что развитие пролетариата во всех цивилизованных странах насильственно подавляется и, «что тем самым противники коммунистов изо всех сил работают на революцию».**

30. История подтвердила марксистское положение о том, что переход человечества к новой коммунистической (новообщинной) формации невозможен без мировой коммунистической революции, что ей должна предшествовать, во-первых, универсализация мировых производительных сил, достижение ими такого уровня развития, который давал бы простор для их дальнейшего развития, исключал бы всеобщее распространение бедности; во-вторых, должна сформироваться всемирно-историческая, универсальная интернациональная личность пролетария. Ибо пролетариат может существовать **«только во всемирно-историческом смысле, подобно тому как коммунизм – его деяние – вообще возможен лишь как "всемирно-историческое" существование».** В-третьих, классическая марксистская коммунистическая теория должна овладеть массами, чтобы стать материальной силой, способной изменить мир.

31. Существование мирового капитализма и мирового рынка исключает возможность собственно коммунистического развития отдельной страны.

32. Подготовка к мировой коммунистической революции, формирование ее субъективного фактора должно осуществляться путем создания единой мощной международной коммунистической организации, стоящей на платформе

аутентичного марксизма, способствующей овладению массами этой теорией, разрабатывающей программу мирового коммунистического переустройства общества и коммунистического движения.

33. Мы поддерживаем вывод классиков о необходимости сочетания различных форм политической борьбы пролетариата против буржуазии с целью разрушения буржуазного государственного аппарата и создания на переходный период своего пролетарского государства коммунального (общинного) типа.

34. Мы согласны с классиками в том, что коммунальная (общинная) государственность не совместима с принципом разделения властей на законодательную и исполнительную. Одни и те же лица должны принимать законы, заниматься их реализацией и следить за их исполнением.

Все должностные лица должны избираться. Выборы в органы власти от общин производятся из числа пролетариев, а также лиц, стоящих на позиции коренных классовых интересов пролетариата. Должен быть предусмотрен самый простой механизм отзыва зарвавшегося депутата той организацией, которая его выдвигала.

Пролетарская общинная государственность не предполагает высших должностных лиц.

Зарплата чиновников любого ранга не должна превышать зарплаты квалифицированного рабочего.

Государство-коммуна не опирается на регулярную армию и полицейский аппарат. Защиту от внешних и внутренних угроз осуществляет вооруженный народ, народные дружины на добровольной основе.

Все судьи избираются народом и ответственны перед ним.

Органы власти должны быть отделены от науки, чтобы исключить политическое давление.

Церковь должна быть отделена от государства, а школа от церкви. Служители церкви, пока еще у части общества остается религиозное сознание, должны вести жизнь апостолов, существующих на подаяния прихожан.

35. Мы поддерживаем вывод классиков, что пролетарское государство-община на переходе к полным коммунистическим отношениям должно осуществлять политику диктатуры коренных классовых интересов пролетариата, сущностью которой является деспотическое вмешательство в отношения собственности через создание ассоциации производственно-потребительских коммун (общин) и других форм с целью постепенного уничтожения отношений частного присвоения.

36. Мы вместе с классиками считаем, что коммунизм - это общественная жизнь и деятельность на основе общности имущества, реализуемая в общинах и через общины. Мировая коммунистическая революция представляет собой революционный процесс создания, снизу доверху, ассоциации самоуправляющихся форм объединения трудящихся с общественным производством и бытом. Через такие формы должно осуществляться преодоление подчинения человека общественному разделению труда, законам товарного производства и обмена с целью уничтожения отношений частной собственности. Таким путем ликвидировались бы социально-экономические условия для существования классов и государственности вообще. Происходило бы слияние городского и деревенского труда, умственного и физического, управленческого и исполнительского труда, происходила бы ликвидация больших городов.

37. Мы согласны с классиками в том, что для преодоления подчинения человека действию закона разделения труда необходимы:

а) дальнейший рост производительности труда за счет совершенствования машинного производства и управления, формирование всесторонне умственно и физически развитой личности с широкой специализацией, соединение воспитания подрастающего поколения с материальным производством, ликвидацию пожизненных оплачиваемых профессий;

б) постепенное слияние городского и сельского труда и как следствие, ликвидация товарного производства и обмена;

в) постепенная ликвидация отрыва умственного труда от физического, творческого от рутинного - путем их чередования, включение в действие закона перемены общественного труда, значительное сокращение рабочего времени;

г) равномерное распределение промышленности по всей территории, постепенная ликвидация различий в условиях жизни в больших, средних и малых городах, развитие не больших промышленных городов, а малых и средних городов-коммун;

д) отмирание государства и переход на самоуправление, - т.е. ликвидация общественного разделения труда в сфере управления, ликвидация труда начальников и подчиненных.

38. Мы согласны с тем, что **«концентрация в городах является основным условием капиталистического производства. Только общество, способное установить гармоническое сочетание своих производительных сил по единому общему плану, может позволить промышленности разместиться по всей планете так, как это наиболее удобно для ее развития и сохранения, а также и для развития прочих элементов производства»**. Крупные города должны быть постепенно ликвидированы. Должны развиваться мелкие и средние высокотехнологичные поселения с развитой инфраструктурой, приближенные к сырьевым источникам.

39. Мы поддерживаем вывод, что «уничтожение противоположности между городом и деревней не только возможно, – оно стало прямой необходимостью для самого промышленного производства, как и для производства сельскохозяйственного, и, сверх того, оно необходимо в интересах общественной гигиены. Только путем слияния города и деревни можно устранить нынешнее отравление воздуха, воды и почвы... Капиталистическая промышленность уже стала относительно независимой от узких рамок местного производства необходимых ей сырых материалов»...

Вырастив новое поколение всесторонне развитых производителей, которые понимают научные основы всего промышленного производства и каждый из которых изучил на практике целый ряд отраслей производства от начала до конца, общество тем самым создаст новую производительную силу, которая с избытком перевесит труд по перевозке сырья и топлива из более отдаленных пунктов».

40. Первую фазу коммунизма (социализм) мы, вместе с Марксом и Энгельсом, представляем как ассоциацию коммун (общин), кооперативов, народных предприятий и других форм обобществления производства и быта трудящихся, временно объединенных общинной государственностью, которая путем планомерного производства и планомерного распределения обеспечивала бы движение обратное по отношению к капитализму. На этом пути разделение труда регрессирует. Различие между сельским хозяйством и промышленностью

исчезает. Противоположность между умственным и физическим трудом стирается, практикуется перемена труда. Образование более не отделено от производственной деятельности. Распределение осуществляется по труду через именные квитанции, а не деньги. Денежное обращение постепенно атрофируется и исчезает. Производственные площади и жилые районы распределяются рационально по территории. Громадные капиталистические агломерации постепенно ликвидируются. Создаются высокотехнологичные поселения. Государство, в конце концов, растворяется в обществе с полным переходом на общественное самоуправление, координирующееся с помощью электронной техники. В конце переходного периода производительные силы обеспечивают изобилие продуктов, которые начинают распределяться по разумным потребностям, сохраняющим природу. Присвоение становится прямым, без каких-либо квитанций. Все становятся социально равными.

41. Мы разделяем взгляды Маркса относительно общих параметров полного коммунизма:

- высокий уровень развития универсальных, в масштабе планеты, производительных сил;
- отсутствие порабощающего человека подчинения его разделению труда, законам товарного производства и обмена, перемена труда;
- отсутствие присвоения средств к жизни с избытком, дающим возможность эксплуатировать чужой труд;
- творческий труд, как первая потребность жизни, а не средство для ее поддержания;
- изобилие продуктов и распределение их по разумным потребностям;
- вместо государственного управления – коммунистическое (общинное) самоуправление через координирующие органы: управление процессами, но не людьми.

42. В ходе коммунистического (общинного) развития будут стираться государственные границы между народами. Нации и народности будут сливаться.

43. Советский период мы считаем первой исторической революционной попыткой вырваться из тисков капиталистического частного присвоения и построить коммунистическое общество социального равенства и справедливости силами недостаточно развитых стран. Но попытка эта не удалась в силу слабости стартовых позиций стран социалистической ориентации, отсутствия мировой коммунистической революции и переброски передовых технологий из развитых стран, победы бюрократической тенденции в партии, победы антимарксистского течения, порожденного мелкобуржуазной крестьянской стихией. Огромное значение имело окружение этих стран мировым рынком и мировым капитализмом, который в то время еще не потерял возможности для своего расширения. В результате, человечеству не удалось вырваться за рамки капиталистической формации, а странам «социализма» – выйти за пределы своеобразной формы государственного капитализма в форме государственного социализма из-за недостаточного уровня развития производительных сил. Однако, несмотря на это, советский этап характеризовался невиданными успехами в экономике, образовании, науке, культуре, медицине. В результате, мировое сообщество еще более приблизилось к первой фазе коммунизма. Положительный и отрицательный опыт СССР является бесценным вкладом в марксистскую науку о продвижении человечества к коммунизму.

44. В нынешних условиях, когда завершается универсализация мировых производительных сил, когда капитализм исчерпал способности к расширению, - свою теоретическую борьбу мы осуществляем путем:

- освоения и усвоения принципиальных положений аутентичной теории коммунизма;
- объединения коммунистов на основе этих положений марксизма;
- их защиты и пропаганды с тем, чтобы марксистская теория овладела массами;
- развития этой теории применительно к современным условиям, в русле ее основополагающих начал;
- теоретической и практической подготовки российского и мирового коммунистического движения и пролетариата – к мировой коммунистической революции, к развитию коммунистических (общинных) отношений после прихода коренных классовых интересов пролетариата к власти.

45. Мы - за строительство международной коммунистической организации на основах скоординированного самоуправления, как прототипа будущего общественного устройства, состоящей из пролетариев умственного и физического труда, а также представителей иных слоев общества, придерживающихся коренных классовых интересов пролетариата и усвоивших принципиальные положения марксистской теории.

Ныне мир ждет инициатора борьбы за объединение международного пролетариата для подготовки к мировой коммунистической революции, которая назревает в связи с завершением капиталистической глобализации и системным кризисом капиталистически-рыночного мира. С учетом положительного и отрицательного опыта социалистического строительства таким инициатором могло бы стать российское коммунистическое и рабочее движение, если бы оно встало на позиции классической марксистской теории, если бы оно боролось за овладение массами этой теорией с тем, чтобы она стала материальной силой, способной изменить мир.